

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**БЕЗУМИЕ
КНИГА 1.
МИР СОШЕЛ
С УМА?**

Оглавление

О КНИГЕ.....	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	9
ЧАСТЬ 1.....	10
Глава 1	11
Глава 2	20
Глава 3	40
Глава 4	66
Глава 5	96
Ч А С Т Ь 2.....	112
ГЛАВА 1.....	113
ГЛАВА 2.....	119
ГЛАВА 3.....	124
ГЛАВА 4.....	136
ГЛАВА 5.....	141
ГЛАВА 6.....	152
ГЛАВА 7.....	157
ГЛАВА 8.....	168
ГЛАВА 9.....	173
ГЛАВА 10.....	179
ГЛАВА 11.....	187

ЧАСТЬ 3	195
ГЛАВА 1	196
ГЛАВА 2	201
ГЛАВА 3	205
ГЛАВА 4	210
ГЛАВА 5	218
ГЛАВА 6	230
ГЛАВА 7	240
ГЛАВА 8	244
ГЛАВА 9	254
ГЛАВА 11	260
ГЛАВА 12	264
ЧАСТЬ 4	268
ГЛАВА 1	269
ГЛАВА 2	285
ГЛАВА 3	302

© 2013 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

"Все - фантазия: семья, служба, друзья, улица; все - фантазия, более далекая или более близкая, и жена - фантазия; ближайшая же правда только в том, что ты бьешься головой о стену камеры, в которой нет ни окон, ни дверей".

Ф. Кафка

С.А.

Зелинский

Безумие

**Книга 1. Мир
сошел с ума?**

Altaspera

CANADA

2013

С. А. Зелинский. Безумие. Книга 1. Мир сошел с ума?

С. А. Зелинский.

Безумие. Книга 1. Мир сошел с ума?

Роман.— CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc, 2013. — 312 с.

ISBN 9781304249203

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2013

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Книга 1: Мир сошел с ума?

Книга 2: Ирреальность.

роман

БЕЗУМИЕ

КНИГА 1

Мир сошел с ума?

"Все - фантазия: семья, служба, друзья, улица; все - фантазия, более далекая или более близкая, и жена - фантазия; ближайшая же правда только в том, что ты бьешься головой о стену камеры, в которой нет ни окон, ни дверей".

Ф. Кафка

Предисловие

Будет ли когда-нибудь наяву обращено то, что таят в себе мои мысли? Не уподобятся ли они тем пространственным измышлениям, что сопровождают нас в течение всей жизни? И которые мы уносим собой в могилу. Но далеко ли мне до могилы? Или нет? - Мне очень далеко до могилы! А потому, я начну лишь с того, что, так или иначе, окружало меня на протяжении всей моей жизни. И о чем я, наконец-то, решил поведать сейчас, в мае одна тысяча девятьсот двадцать четвертого года. Время действия и место... Впрочем, пожалуй, следует изложить все по порядку. Если только возможно то, что я увидел, подвергнуть какой-нибудь систематизации; ибо ничто так "не убивает",-- как порядок. И (тогда уже),-- нужен ли он?.. Впрочем, -- у меня и нет другого выхода.

Часть 1

ГЛАВА 1

В начале мая 1924 года, я оказался в Париже. Местечко, которое приютило меня, недавнего студента, только-только защитившего дипломный проект и готовящегося продолжить обучение в аспирантуре факультета психоанализа Бернского университета, было совсем не характерно для Франции. Вернее, оно скорее отличалось от того представления о ней, которое у меня сформировалось под влиянием отрывочных воспоминаний моего деда, Франца Монтестье, высокого жилистого старика с профессорской бородкой - профессором он и на самом деле когда-то был - хрипловатым голосом, да тростью, которая неизменно его сопровождала, чуть ли еще не с младенчества (в детстве он перенес полиомиелит, оправился, но - после того -- слегка прихрамывал; а трость,-- в последние годы его жизни, это уже была достаточно массивная трость, из слоновой кости и с огромным набалдашником-изумрудом,-- должно быть, и должна была ему помогать при ходьбе). О деде я знал, что где-то во второй половине прошлого века, он перебрался из Франции в Германию, женился там на дочке какого-то бюргера, и "родил" сына (внешне - очень похожего на своего отца) Герберта, которому, почему-то, решил дать фамилию супруги - Ростенберг. Сам же отец, когда был примерно в том возрасте в котором находился сейчас я, "увлекся" польской аристократкой, без сомнений, красивой женщиной, с каштановыми волосами и загадочной улыбкой Моно Лизы, и переехал жить к ней в страну. Потом он, правда, вернулся обратно в Германию (после внезапной кончины жены - моей матери, Анны), но именно от этого, -- а не от

других, последующих (всего отец к сегодняшнему моменту был женат пятый раз), - брака, и появился я. (Кстати, от каждого последующего брака, его жены неизменно приносили по младенцу, - все "мальчики", - так что у меня уже было 4 брата. И, судя по *настроению* отца, -- точку ставить было рано...).

Мой дед, Франц Монтестье, был ко мне очень привязан (может, даже слишком), а потому, в последние годы своей жизни, все свободное время проводил со мной (меня он как-то сразу выделил из всех моих братьев), обучая наукам (он был доктором филологии, философии и права), и передавая свой богатый "жизненный опыт". Как раз от него я впервые и услышал о Франции. Причем, в речах деда, Франция никогда не делилась на разные там составляющие, как то,-- отдельно расположенные города, округа, префектуры, представляя чем-то единым и неделимым; от чего казалась еще *прекраснее*.

Кстати, от деда мне передалась не только его страсть к изучению наук (психологии, истории, философии, литературы...), но и его имя. Так что, разрешите представиться: (правда, с некоторым опозданием, но дальше вы поймете, что это вызвано исключительно тем состоянием, в котором я пребывал, нежели дурными манерами) - Франц Монтестье. Да-да, вы не ослышались. Родители меня назвали в честь деда. А его фамилию я уже взял сам. Причем, совсем недавно; а, если быть точнее, аккурат, перед отъездом во Францию.

Что до того, почему я оказался во Франции, то здесь, я вам скажу, история вышла несколько запутаннее, чем могла показаться на первый взгляд. Ну, во-первых, начнем с того, что после напряженных занятий мне требовался отдых. И он мог быть более полезным, -- если бы проходил подальше от мест, как *проживания*, так и *обучения*.

А так как в моей голове еще были свежи воспоминания деда о его родине, то я, недолго думая, решил отправиться именно туда. Что, надо заметить, оценил бы старик, если бы не скончался еще несколько лет назад, немного не дожив до своего семидесятилетия.

Что до меня, то на днях мне исполнилось двадцать восемь (до получения образования по психологии, я успел получить и еще одно - философское). А потому, в какой-то мере, я имел, пусть небольшой, но жизненный опыт.

Если коснуться второй причины, побудившей меня выбрать именно Францию, так это была причина, которую я, в другой бы раз, с легкостью переместил бы и на первое место (но действительно "в другой", потому как, была еще и третья причина). Второй "причиной", являлась моя возлюбленная, Софи; которая, как раз, проживала во Франции, и с которой я познакомился в Австрии пять лет назад, когда ездил туда вместе со своим дедом (проведывать его друга, ставшего инвалидом после Первой Мировой войны, и которого изредка -- в имени, в котором он жил в течение последних лет -- навещали старые приятели, одним из которых и являлся мой дед).

Когда-то этот приятель моего деда, так же, как и он сам, жил во Франции. Да и уехали они, чуть ли не в одно время. Единственно,- в разные страны (правда, соседствующие друг с другом). Кстати, Софи приходилась другу моего деда,-- внучатой племянницей. Вот так вот.

Кстати, если кто, все же, хочет узнать о третьей причине, то она на самом деле была (или, по крайней мере, казалась на первый взгляд) весьма прозаичной. Но именно она, послужила тем "положительным балластом", который перетянул предыдущие две (причины),-- на свою сторону (тем самым, и склонив "чашу весов" к поездке). Ведь я, что скрывать, на самом деле еще до последнего момента сомневался: "ехать - не ехать"? Да и чтобы "остаться", были "не менее убедительные" доводы (в том числе, и моего отца, который горячо доказывал мне, что необходимо не прерывать обучение в университете, а можно будет вздохнуть полной грудью только после получения ученой степени), но...

В общем, я поехал. Третьей причиной было то, что мне попросту стало тесно в тех рамках, в которые меня волей-неволей загоняла вся окружающая обстановка. То есть, это был и университет (где нововведения, касавшиеся правил внутреннего распорядка, совсем не располагали к какому-либо свободному времяпрепровождению), ни наш небольшой замок, который когда-то выкупил дед у какого-то разорившегося аристократа, и в котором сейчас, после его смерти, поселились, чуть ли не все, наши недавно испеченные родственники (а попросту, бывшие жены отца со своими детишками - моими братьями, старший из которых был на добрый десяток лет меня младше, а младшему

вообще было несколько месяцев). Сюда же вполне можно было добавить и то, что уже как год-два, отец, отчего-то, вбил себе в голову, что меня необходимо обязательно "женить", и даже,- кто бы подумал,- нашел "невесту". Справедливости ради, стоит сказать, что девушка (ей было чуть больше двадцати, единственная дочка префекта нашего города), была недурна собой, то есть, и лицо, и фигура были, может, даже и красивы). Что касается ее "характера", то я так и не успел определить. Просто по той причине, что так и не успел ни разу с ней толком объясниться. (Ну, не представлялось возможности, и все!).

Хотя... Скорее, все же, этой *возможности*,-- избегал я. Но что мне оставалось делать? Ведь еще за год до того, как меня пытались "познакомить" с дочкой префекта, я уже признался (хотя, пожалуй, какое бы то ни было признание с меня вытянуть трудно, скорее, -- "намекнул") Софи, что не прочь бы (неужели я это сказал!) прожить "оставшуюся жизнь",-- с ней. И моя (о да, да, теперь, пожалуй, действительно, моя!) Софи дала понять, что она - "не против"! Правда, мы условились, что сначала каждый закончит "свое образование", - Софи Моро училась на факультете литературы какого-то университета своей родины. Ну, а потом уже, как говорится, и "соединимся в законном браке".

Хм... Кто ж знал, что я настолько сильно влюблюсь в нее, что потребуется все мое самообладание, чтобы выполнить все именно так, как мы условились. Но, на самом деле, была и еще одна причина, которая неким образом препятствовала меня

форсировать подготовку к браку. Но прежде всего, вероятно, хотя бы пару слов о Софи...

Софи Моро была привлекательная девушка, невысокого (среднего) роста, с темными, - но не такими черными, как смоль, -- волосами, с огромными наивными и необычайно красивыми глазами, длинными ресницами, в меру пухлыми губками, аккуратным носиком, длинной шейкой, по-озорному (уж простите меня) торчащими в разные стороны небольшими грудками, плоским животом, и по детски строгим взглядом. Точнее,-- она, верно, хотела казаться строгой,-- но выходила только *детская непосредственность*. Чему оставалось,-- улыбаться, да радоваться...

Если у кого сложилось неверное впечатление о каких-то "запретных" отношениях между нами,-- то ничего подобного, конечно же, не было. Просто, мне случайно довелось увидеть ее обнаженной на берегу озера. Девушка находилась во владениях своего деда. А потому, настолько привыкла, что жили они в одиночестве (она, по моему, отдыхала у него каждое лето),-- что и не считала необходимым как-то скрывать "свою красоту". (Тем более, сам деду был инвалид, и сидел дома безвылазно. А каких-то слуг и проч.,-- у них никогда не было).

О нашем приезде, их, видимо, не предупредили. А потому, оставив деда наговориться с приятелем,-- я отправился побродить по местным окрестностям. Заплутал. И не смог оторвать глаз,-- когда сквозь кустарники вышел к озеру, и увидел обнаженную девушку, выходящую из воды.

Не знаю, как я нашел обратную дорогу. И, наверное, совсем смутился (а то и предательски покраснел), когда гостеприимный старик,-- показал мне свою внучку. (Кстати, к портрету Софи, забыл добавить,-- что ее фигурку дополняли роскошные бедра, и, не менее прекрасные, ягодицы. Причем, это тоже,-- было из случайно "подсмотренного" мной на озере).

Проходило время. А я все больше и больше убеждался, что оставить Софи, - мне будут не так-то просто. И я даже испытал что-то на вроде желания,-- тотчас же сделать ей "предложение". Отчего-то, будучи уверенным, что ее родители (отец,-- инженер на заводе или фабрике; мать - преподаватель в музыкальной школе) будут "не против".

Но... К сожалению, я был еще слишком юн. И почти точно также сильно,-- я "ценил свободу"...

Но, быть может, даже и не это было основной причиной того, что я медлил объясниться девушке в любви. А все дело в том, что я... Я не мог *позволить* кому-то быть со мной *несчастливым*. И, несмотря на то, что внешне я не походил на какого-то *чудака*, я, если честно, иной раз совсем не мог контролировать "что-то", что скрывалось в самых глубинах моего сознания. А так,-- внешне, даже, вполне обычный молодой человек: чуть выше среднего роста (несколько, правда, худощавого телосложения, но занятия с гантелями уже наметили изменения в конституции тела; да и, к тому же, я уже как год брал уроки английского бокса; и при случае, мог постоять за себя), с не очень длинными (но и не короткими) русыми волосами,

---

абсолютно гладким (старался бриться каждый день) лицом, неизменным деловым костюмом, в котором (как однажды заметил отец), ходил "и дело", и "без дела", да, может быть, несколько - больше, чем того иной раз самому хотелось - *выразительным* взглядом. Который, в иные моменты,-- становился *недоуменным*. И с этим я ничего не мог поделать. Окружающий мир для меня всегда казался несколько *странным*.

И уже тут, вероятно, и таилась одна из причин моих "сомнений" в отношении Софи. Как, впрочем, и в отношении всех других. Считая их...

В общении с людьми я давно уже руководствовался всего одним правилом: любого человека я рассматривал с позиции,-- или сумасшедшего, или ребенка. (Мысль, кстати, придуманная вовсе не мной; но я был весьма согласен с философом, высказавшимся подобным образом).

Вероятно, окружающие замечали *подобное* мое отношение к ним. И уже как следствие этого,-- у меня никогда не было ни друзей, ни товарищей. Лишь, быть может, те редкие знакомые да приятели, с которыми я мог не общаться по несколько месяцев, по полугоду, а то и по году... И только случайно, где-нибудь встретившись, мы разговаривали "как ни в чем ни бывало".

Я вообще-то всегда был *разговорчивым*. Да и язык у меня *повешен*, что надо. Но так уж получалось, что особого *желания* с кем-то общаться, у меня никогда не было. Хотя... Можно ли было, меня за это судить? Стоит ли вообще,--

---

обращать внимание на подобное?.. Наверное,-- нет. Ведь что поделать, если, иной раз, вокруг нас просто консолидируются одни *посредственности*... Ну, или мы сами - принимаем их -- за "таковых"...

(Но если только подумать: долго ли просуществовал мир,-- если бы он был населен только гениальными личностями?.. Не завели бы сами себя "гении" в такой тупик,-- что возвратиться назад,-- уже стало бы невозможно. И мир был бы на грани вымирания...).

Почти о подобном "бреде" я думал, пытаясь, все же, заставить себя,-- "начать решать вопрос" с Софи.

А вскоре и принял то *решение*, по которому сейчас я - находился во Франции.

А вместо какого-то "разрешения" ситуации,-- наоборот,-- до неимоверности ее запутал. И все оттого, что до сих пор я еще, нахожусь под впечатлением от того безумия, которое явил мне во всей своей малопривлекательной красе, тот город на юге Франции, где я сейчас находился. Где жила Софи. И куда на время, обратим свои взоры и мы...

ГЛАВА 2

Казалось, все люди сошли с ума. Первый признак подобного, я заметил, когда вышел из дома Софи. Ее родители (очень мило с их стороны) выделили нам небольшую комнатку, вполне справедливо рассудив, что, если уже "все равно" я приехал, то мы, вероятнее всего, будем "встречаться". И, в этом случае, вероятно, лучше, если "встречи",-- будут происходить у них "на глазах" (естественно, выражаясь фигурально), нежели в каких-то "меблированных комнатах", которые сплошь и рядом сдают для всех желающих (хоть на час, хоть на сутки) сутенерского вида старушки.

Итак, я вышел из небольшого (всего несколько этажей) домика где жил с Софи (и ее родителями), и сразу обратил внимание, что вокруг - "что-то не так"... Вернее, на первый взгляд, все, вроде как, было "на месте" (точнее,-- "как прежде"; насколько, правда, я сумел разглядеть домик родителей Софи, когда только приехал к ним?). И двух полосная дорога, по которой тут же проехали несколько автомобилей, автобус и пара велосипедистов; и несколько деревьев, разросшихся и сплетенных друг с другом ветвями так, что внешне напоминали раскинутый шатер, под которым - в тени - восседали на специально поставленных лавочках с полдюжины молодых мам со своими ребятишками; и расположенный справа, за домами, так, что была видна только дымящаяся труба, завод каучуковых изделий (известная городская достопримечательность, на которую сразу обратили мое внимание, стоило мне только приехать в город); однообразные заборы

горожан, которые хранили загадочную солидарность единожды выбранному стилю... То есть, все,-- что передо мной открылось сейчас,-- я уже видел и ранее. И в то же время, я почувствовал что-то такое, что явно "не вписывалось" в *привычные рамки восприятия бытия*... Я огляделся. Вроде как, *странного* ничего не было. Но... Так и есть! Слева от меня, - метрах в ста, стапятидесяти, - стоял какой-то нищий, и в легком беспамятстве (так, по крайней мере, я сразу подумал),-- размахивал руками. Вернее, даже "стоял", пожалуй, не совсем правильно сказано. Его фигура, скорее напоминала,-- "покосившийся от ветхости" электрический столб; который склонился к земле, и уже почти ее достиг; но что-то ему мешало окончательно упасть; и он остался в подобном - подвешенном - положении. Но зачем он размахивает руками?.. Я прислушался. Кажется, нищий еще что-то и пел. Или, - очень громко говорил. Причем,-- я тотчас же отметил,-- явно стараясь "оказаться замеченным"...

Не желая бороться с любопытством, я повернулся к нищему, но... сделав десяток шагов,-- остановился. Что-то мне подсказывало, что ближе подходить не стоило.

Я был прав. Нищий, явно не испытывая внимания со стороны "слушателей" (отдельные прохожие, старавшиеся побыстрее пройти мимо, были не в счет), заметив меня, повернулся и пошел навстречу. Я на миг опешил. Что нужно было делать? Уходить прочь?.. Не мог. Трусость я не выносил в любых проявлениях. Продолжать идти к нему? Зачем, он и так дойдет... Просто "сделать вид", что его "не замечаю", и пройти мимо?..

Тоже не мог. Тем более, что нищий меня уже заметил, и чуть ли не махал мне рукой, привлекая именно мое внимание. И в этом положении сделать вид "стороннего наблюдателя",-- было бы, как минимум, свинством. Тем более, что в каком бы сейчас виде не оказался человек, - он все равно несет в себе печать самого разумного из живых существ. А, значит, негоже было показывать ему своего пренебрежения. Да я вообще никогда не был сторонником демонстрации какого-то своего "превосходства". Мне это казалось, как минимум, признаком безкультурия.

А кроме того, меня вдохновляли в то время идеи Маркса. И я был серьезно настроен (как только появится больше времени) пересмотреть собственные позиции по поводу "классового равенства". (Все это могло говорить о том, что "ничего дурного" я нищему делать не собирался. А то и наоборот, его появление нашло свой отклик в моей душе. И, как минимум, я собирался его выслушать. И он мог на это рассчитывать...).

Но что мне было делать в действительности?.. Я несколько замешкался, не решаясь склониться к выбору какого-то одного решения (среди уже *появившихся* в моем воображении...).

К счастью, проблему разрешил сам нищий. Причем, "разрешил" ее самым неожиданным образом. Когда я уже было заметил, что он направляется ко мне, и даже после, когда он уже со мной почти поравнялся,-- нищий вдруг резко крутанулся влево, и пошел прочь,-- как ни в чем ни бывало... И при этом, все так же размахивая руками, и напевая что-то себе под нос.

Мне даже показалось, что я теперь разбираю некоторые слова песни... Причем, сама песня, не только не оказалась мне

знакомой, но и скорее напоминала набор беспорядочных фраз, смысл которых, показался мне... несколько загадочны...

-- Грянет, грянет и придет оно, придет, -- повторял нищий. - И не будет тогда ни кому никакого спасения. И настанет вечная тьма. И будут хороводы водить ... вашими могилами, -- не унимался нищий. Если бы он не шел один, можно было бы подумать, что он ведет с кем-нибудь беседу, явно в чем-то кого-то убеждая.

-- Ну, не плачьте вы все, -- не унимался нищий; причем, как я обратил внимание, все больше удаляясь от меня, он стал говорить громче, по всей видимости, желая, чтобы на него обратили внимание. И это явно было рассчитано на одного меня, ибо никого поблизости больше не было.

-- Грядет, грядет, оно, и придет, -- вновь затянул какое-то свое "предсказание" нищий.

-- Что придет? - не удержался я.

Казалось, нищий только этого и ждал. Он тотчас же обернулся ко мне, и я заметил в его замутненных глазах какую-то отвлеченную уступчивость. Вернее, желание пойти на уступчивость, ибо нищий теперь во все глаза смотрел на меня, не забывая повторять свои заклинания.

-- Что придет-то? - уже громче спросил я.

-- Все вокруг перевернется с ног на голову, все еще взвоят, не будет больше ничего, захотите обратно, но у вас ничего не получится. Не отпустят вас. Наступит всеобщий плач. А по земле будет разгуливать палач,-- вновь затянул нищий, смотря

куда-то через меня, так что я, пожалуй, и не мог бы точно ручаться, видит ли он меня.

Понимая, что я вряд ли найду ответ на свой вопрос, я уже собрался идти дальше (а на сегодня у меня была запланирована встреча с одним местным "старичком- библиофилом", приходившимся каким-то дальним родственником Софи, и с которым ей, вроде как, удалось договориться,-- дать прочитать несколько десятков, интересующих меня, книг. Если быть точнее, - он должен был для меня собрать труды английских сочинителей прошлого века: Водсфорт Колдридж, Саути, Шелли, Вальтер Скотт, Диккенс, Теккерея, Треллоуп, сестры Бронте (по одному из произведений Шарлотты, Эмили и Анны, стихи их отца, Патрика, я решил пока не читать)... И вот теперь, "намеченная" встреча, оказывалась на грани срыва.

-- Что тебе надо?! -- чуть гневнее, чем надо было, произнес я, видя, что нищий не сводит с меня глаз. Да еще, как вроде бы, и приблизился ко мне, так что мне, даже, пришлось сделать несколько шагов назад.

-- Уезжай, пока не поздно, -- четко выговаривая слова, неожиданно произнес нищий.

-- Да какого черта я должен уехать?! - вспыхнул, я, инстинктивно делая еще один шаг назад, и внимательно осматривая нищего.

Конечно, внешне он ничем особым не отличался от своих собратьев по бродяжнической жизни. Это что касается одежды. Но вот рост. Почти два метра!

Я на секунду задумался, вспомнив, что до сего дня, все нищие, которые мне когда-либо встречались, были весьма среднего роста; так сказать, того роста, который не бросается в глаза, помогая им избегать ненужного интереса к своим персонам. Но вот этот!

-- Что тебе от меня надо? - повторил я вопрос, и тот час же с трудом увернулся от полетевшего в мою сторону кулака. Скорее, это был даже не удар, - а так, нелепый взмах полупьяного (то, что тот был пьян, я давно уже чувствовал по запаху, исходившему от него) человека, желающего, по всей видимости, показать мне, в какую сторону мне следовало уезжать (он ведь этого почему-то хотел?). Да, видимо, нищий не учел своих длинных рук. И его кулак просвистел совсем рядом с моим лицом.

Однако, весь этот "анализ" мне пришлось проводить уже позже (сидя в баре, и отпаивая нищего ромом). А тогда я, ловко увернувшись, контратаковал почти на "автомате" (закладываемых моим тренером в меня движений). В итоге, в отличие от зачинателя драки, мой удар достиг цели. Да еще пришелся аккурат в область печени (чему я сам был, учитывая мой небольшой стаж в занятиях боксом, немало удивлен). Нищий тотчас же рухнул как подкошенный, держась за бок, и скуля от боли.

После этого, мне уже ничего не оставалось, как, подождав, пока он немного придет в себя, повести бродягу в расположенный неподалеку бар (я его присмотрел специально для нас с Софи, но теперь уже, понятно, показавшись здесь с нищим, больше сюда не зайду). Паивая нищего ромом, а тогда я, ловко

увернувшись, инстинктивно контратаковал. Тогда я человека, желающего, по всей видимости,

С каждым глотком горячительной жидкости, у моего невольного собеседника,-- (а уже несколько минут нищий мне порывался о чем-то сказать, отхлебывая ром, и путаясь в желании поведать "обо всем и сразу") развязывался язык. И, наконец, собравшись с духом,-- он что-то начал (как я догадался,-- "заново") рассказывать мне; и вскоре картина того, о чем он, столь невероятно сильно хотел мне поведать,-- предстала передо мной, в своем спутанно-бессмысленном великолепии.

Забегая вперед, скажу, что ничем примечательным (а, тем более, "опасным" для меня, несмотря на высказанное им предостережение или, скорее, немотивированное ничем желание видеть меня уехавшим из города), его рассказ не отличался. Так, в двух словах пояснив, как он "дошел до подобной жизни" (за какой-то серьезный проступок был изгнан из французского легиона - надо же, он был легионером? - начал пить, и как следствие - "жизнь бродяги"), и слегка посетовав на "превратность человеческой судьбы", нищий, как бы, между прочим, намекнул, что, "если он чем-то может помочь",-- то, мол, "всегда к услугам".

Признаться, подобная "перспектива" меня несколько не обрадовала (как "помощь" от него, так, наверное, главным образом,-- "необходимость" такой помощи); но, вполне искренне поблагодарив бродягу, я постарался (как можно быстрее) с ним распрощаться; заранее, коря себя (надо было не сидеть с ним, а

просто дать денег на выпивку), и уже жалея "о потраченном времени".

Естественно, с мыслью о встрече со стариком-библиофилом, пришлось временно распрощаться. Я попросту не успевал (тем более, что уже давно истекали те минуты, которые он сам установил, передавая через Софи "максимальный" срок моего опоздания, в течение которого он будет ждать). Желая скрыть от стоявшего рядом со мной - мы только-только вышли из бара - нищего, мою нерешительность в выборе: куда идти?, я попросту пошел прямо, краем глаза замечая, что нищий остался стоять на месте.

-- Видно, выбирает себе еще одну "жертву,-- почему-то пронеслось у меня в голове, как я услышал позади себя возглас и, обернувшись, увидел, как, размахивая руками (и что он ими размахивает?), нищий принялся перетаптываться на месте, начав петь одному ему известную песню.

-- Ничего себе, начинается денек?-- подумал я, как чуть не натолкнулся на выскочившую из-под арки громадную тетку. "Громадную", - это, верно, потому, что при моих метр восемьдесят,-- я приходился ей только до ее необъятной груди (которая у нее явно "томилаась" под сенью обмотанных поверх верхней одежды нескольких мохеровых платков).

-- Извините, -- начал, было, я, как тетка, слегка сощуриив свои (и без того казавшиеся маленькими на ее мясистом лице глазки), неожиданно приветливо улыбнулась, поинтересовавшись,-- не меня ли зовут Францем?

-- Да,-- удивленно вымолвил я, ибо было совершенно непонятно, как меня, только вчера приехавшего, может кто-либо знать? Хотя, может, это какая-то знакомая родителей Софи? Или ее самой?

-- Вы знаете, у меня тут такое дело,-- быстро заговорила тетка, принявшись в чем-то меня горячо убеждать, но в чем? -- я, сколько не пытался уцепиться за смысл ее слов (наугад выдергивая некоторые, из скороговоркой вылетающих предложений),-- но так ничего и не понял.

-- Извините, я спешу,-- попробовал, было, отвертеться я, решив, что самое лучшее будет попросту ретироваться.

-- Да куда же Вы пойдете? - обескураживающее простодушно, заметила она, замерев на месте и уставившись на меня своими - показавшимися мне - чуть насмешливыми глазками.

-- То есть, как... -- я, уже было начав идти,-- остановился и удивленно посмотрел на нее, ожидая, что она пояснит, что хотела сказать своим вопросом.

Но тетка, видно, и не думала ничего пояснять, а просто, посмотрев на меня так, как смотрят на громко сделавшего "оплошность" мальчика среди собравшихся почтенных взрослых, посторошила, явно пропуская меня. Я решил воспользоваться возможностью.

А тетка... Тетка еще долго смотрела мне вслед, явно недоумевая, как я мог "отказаться от такой *возможности*"... (Но что это была за *возможность*,-- признаться,-- мне было совершенно безразлично).

Окончательно запутавшись в своем *непонимании происходящего*, я свернул в первый же попавшийся переулок, не желая, чтобы кто-то на меня *так* смотрел.

Какое-то время, на моем пути никто не попадался. Я шел мимо каменных домов, сплетенных между собой единой разноцветной нитью заборов, и уже, было, забыл о недавних инцидентах, как краем глаза уловил, как шедший по другой стороне тротуара человек вдруг резко куда-то пропал.

Я недоуменно огляделся.

-- Куда же он делся?--отчего-то подумал я.-- Свернуть он никуда не мог. Да и в том, что он был, я не сомневался. Шаги-то его, я слышал... Чудеса какие-то, -- размышляя, я перешел (через дорогу) на другой тротуар. - И люков никаких нет,-- отметил я про себя, уже подумав, было, а не провалился ли он туда?

Нигде (еще недавно "существовавшего") человека -- не было.

-- Не много ли странностей на сегодня? -- подумал я, как тут же, случайно скользнув взглядом по окнам второго этажа расположенного напротив дома, увидел там Софи!.. Или то была не Софи?.. Я достал, было, очки, желая всмотреться получше (вообще-то зрение у меня было подпорчено лишь слегка. Это позволяло вполне свободно обходиться и без очков. Поэтому-то я их и не носил. Но вот, чтобы разглядеть мельчайшие детали, -- его уже не хватало. Как раз для таких целей, я и носил футляр с очками), но в окне уже никого не было.

-- Мистика какая-то, -- пронеслось у меня в голове.

Я начинал понимать, что... что-то тут не так... Вообще, в этом городе, что-то было не так... Начиная с первого дня приезда (сейчас я об этом вспомнил)... Мне сразу показалось, что я заметил нечто странное... странное... ах, да, -- вокзал, на который я приехал, был пуст. Нет, не то, что там постоянно должны находиться встречающие --отъезжающие, если небольшая узловая станция, такого может и не быть, но все же...

Впрочем, город N был и не такой уж маленький. Не такой большой, конечно, как Париж (где я ни раз бывал с дедом), или Берлин (где я учился), но все же, надо признать, вполне средних размеров... И неужели в тот день никому не надо было куда *уезжать*?.. Или кого-то *встречать*?.. Я, конечно, не в счет. Хотя, и меня никто не встречал. Вернее, поначалу...

Потом уже, когда я стоял на перроне, а паровоз начал отдаляться, медленно набирая ход и перестукивая чугунными (или какими там еще?) колесами об рельсы, я увидел Софи. Она стояла совершенно одна, и казалась такой маленькой и одинокой, что я тут же побежал к ней (а она побежала мне навстречу), и вскоре мы обнялись, как будто не видели друг друга сто лет, хотя Софи ко мне приезжала в прошлом месяце.

Но вокзал-то был совершенно пустой!? Я помню, что хотел, было, спросить у Софи, почему так?.. Но что-то меня перебило... А потом я уже и вовсе позабыл об этом... И вот сейчас... Да, действительно, то была *первая странность*, которая, - придай я ей тогда несколько большее значение, - быть может и способна была бы сейчас хоть что-нибудь прояснить... Но что об этом говорить! Надо было разбираться тогда! Но если хоть на миг

зататься возможностью погрузиться в прошлое, если попытаться--

-

-- Молодой человек! - раздался откуда-то сверху строгий мужской голос. - Молодой человек!

Я поднял вверх голову и встретился взглядом с... со "стариком-библиофилом" (мне довольно живописно его описала Софи); тот, не только изучающее смотрел на меня, высунувшись из окна третьего этажа, но и успевал еще недовольно покачивать головой.

-- Молодой человек! - так же строго повторил он.-- Вы заставляете себя ждать.

-- Простите, профессор, -- как-то неубедительно начал я, собираясь оправдаться тем, что время давно вышло, и я думал, что меня уже не ждут.

Оказывается, "старик-библиофил" (в прошлом профессор Сорбонны) все это время меня ждал?! Вот дела?!..

Но как я здесь оказался?.. Ведь было совершенно ясно, что сегодня я уже опоздал, а потому я даже сам, если честно, не знал, куда шел. Просто шел, потому что надо было куда-то идти. И как так получилось, что, совершенно не зная город, я каким-то образом вышел на ту улицу, где жил профессор, да еще остановился около его дома?.. Мистика какая-то!..

-- Ну что, Вы собираетесь подниматься, или предстоит спускаться мне?! - все в том же духе, заметил старик.

Введенный его словами в еще большее недоумение, я, тем не менее, утвердительно кивнул (вышло как-то

неубедительно, но было ли мне обращать внимания на такие "мелочи"), но перед тем как уже пойти, инстинктивно поднял голову вверх, словно удостоверюсь - он ли это был на самом деле?

Но это был "он". Да еще всем своим видом, старавшийся показать мне свое "недовольство".

-- Придется идти, -- как-то совсем обреченно, решил я, хотя, на самом деле, мне вдруг расхотелось с кем бы то ни было сегодня встречаться.

-- Квартира..., -- уточнил старик номер своей квартиры и исчез. Вероятно, пошел открывать дверь.

Мне ничего не оставалось, как подняться на третий этаж. Не успел я еще дотронуться до звонка, как дверь сама отворилась. Вступив вовнутрь, я тут же оказался в тисках какого-то странного "захвата", которым меня обхватили сзади.

-- Ну что, не вырваться? - утвердительно, как будто только что сделали какое-то научное открытие, позади меня раздался чей-то старческий голос.

Это был "не профессор", ибо еще перед тем, как скрючиться от боли перегибаемых шейных позвонков, я успел выхватить глазами улыбающегося и протягивающего мне руку старика-библиофила. Интересно, он так и остался стоять с протянутой рукой?

-- Да, Кори, ты оказался прав, -- произнес профессор, обращаясь, вероятно, к тому, кто меня держал сзади, потому что захват тут же ослаб и я, быстро вывернувшись, повернулся назад, уже готовый наказать обидчика, как неожиданно замер на месте, увидев перед собой не какого-то "молодчика" (как было, подумал),

---

а такого же старика (ну, может быть, слегка моложе), как профессор.

-- Извините его, Франц (Вас ведь Франц зовут?)-- вступился за него профессор. - Это мой брат, Кори Сандерс, он живет в Соединенных Штатах, тоже профессор, филолог, да вот увлекся в последнее время этими вот штучками. Это борьба какая-то... все время забываю, как она называется., -- сморщил лоб старик-библиофил.

-- Джиу-джитсу, -- радостно улыбнулся Кори Сандерс. На вид ему было лет шестьдесят-шестьдесят пять, но казался он весьма бодрым, должно быть, из-за занятий этой самой борьбой.

-- А меня зовут Клод... Клод Одран, -- представился старик-библиофил, -- мы с Кори двоюродные братья,-- пояснил он, видя на моем лице недоумение по поводу их разных фамилий.

-- Кори уже как лет тридцать, живет в Америке,-- с каким-то (мне показалось) сожалением, произнес Одран. - Преподает американскую литературу в Чикагском университете. А Вы, молодой человек, я слышал, тоже имеете какое-то отношение к филологии? - внимательно посмотрел на меня старик-библиофил.

-- Это не больше, чем просто увлечение,-- инстинктивно стал оправдываться я, совсем не ожидая, что передо мной окажется профессор филологии. Да еще (в том состоянии, в котором сейчас я находился),-- начнет какой-то разговор о литературе.

-- А что, Вам действительно нравится английская литература? - начал оправдывать мои "подозрения" Кори Сандерс,

---

с каким-то загадочным видом рассматривая меня в ожидании ответа на свой вопрос.

Мы сидели втроем, расположившись в удобных креслах, стоявших треугольником в небольшой комнате (видимо кабинет Одрана,-- подумал я), стены которой были сплошь заставлены находящимися в книжных шкафах книгами. Принесли (служанка?) чай. Одран, не дожидаясь ответа, с каким-то озорством посмотрел на меня, и похвалился, что "чай",-- ему привезли из Вест- Индии.

Я с удовлетворением кивнул (изображая из себя, что-то на вроде "знатока чая"), и поспешил ответить на вопрос Сандерса.

-- Мне, пожалуй, больше нравится французская,-- "признался" я, медленно обводя взглядом обеих "профессоров", и ожидая вполне справедливого вопроса: почему же я тогда пришел "за английской?". Но увидеть "реакции" на свой ответ, мне не пришлось. В дверь, неожиданно и настойчиво, постучали. А потом еще.

-- Кого надо?! - недружелюбно отозвался Кори, сидевший ближе всего к коридору, который вел к двери, и, явно не желая подниматься, просто развернулся в кресле, адресуя свой вопрос к тем, кто вскоре принялся неистово колотить в дверь, требуя, что бы открыли. - Да кого, черт возьми, надо! - еще громче спросил Кори Сандерс (теперь уже и Одран готов был "помочь" ему). "Братья" явно были недовольны тем, что кто-то может столь бесцеремонно пытаться вторгнуться в их беседу. Сандерс первым встал, намереваясь направиться к двери.

-- Нам нужен доктор Мишель ...,-- раздались за дверью недовольные голоса.-Открывайте, или мы взломаем дверь.

-- Убирайтесь к чертовой матери! - нервно прокричал, подскочивший к двери Одран (я даже не ожидал подобной прыти от семидесятилетнего старика - по словам Софи ему было именно столько лет, хотя я бы прибавил ему еще лет пять-шесть - так быстро покрывшего расстояние в несколько метров).

-- Если вы сейчас же не уберетесь, я разряжу в вас свой револьвер,-- "предостерег" Сандерс, тоже приблизившийся к двери.

Наконец, "старик-библиофил", видимо понял, кого разыскивают "проходимцы".

-- Если вам нужен Мишель,-- "заговорщески" посмотрел он на нас,-- то этот чертов алхимик, живет этажом ниже,-- прокричал профессор.-- А здесь вам искать нечего. Немедленно убирайтесь, иначе мы начнем стрелять!

Какое-то время "несостоявшиеся налетчики" еще совещались. Но было заметно что они уже и сами начали осознавать свою ошибку.

-- Извините, мы ошиблись,-- произнес кто-то один из них, и тотчас же раздался удалявшийся топот каблуков.

-- Если бы они ворвались сюда, мне пришлось бы применить все, чему меня научил японский инструктор,-- посмотрев на меня и брата, "пояснил" Сандерс.

-- А я бы просто пристрелил двоих-троих, и остальные бы разбежались,-- обращаясь ко мне, улыбнулся Одран, демонстрируя мне "Смит-Вессон".

-- Но ты же никогда не мог стрелять в человека? - засомневался Сандерс. - Разве ты не помнишь, когда к нам на

пароход забрались пираты (мы с Клодом тогда путешествовали по Азии,-- пояснил он мне),-- ты не выходил из каюты, пока они не убрались.

-- Ох, ты хватил, - выговорил ему Одран.--Если бы они попытались забраться в мою каюту, я бы открыл огонь. Да и к тому же..,-- уже несколько неуверенно произнес он,-- тогда мы находились в чужой стране... А здесь я дома! И это *моя частная собственность!*

Начавшийся между стариками спор, вскоре перерос в выкрикиваемый каждым из них, поток обвинений в адрес другого. И я поспешил потихоньку свалить. Вернее, только свыкся с этой мыслью, как, только что в запале выкрикивающий какое-то очередное обвинение, Клод Одран неожиданно замолчал и, посмотрев на меня.

-- Значит, просто хотите ознакомиться с английской литературой? - произнес он таким мягким и добродушным голосом, что я чуть не выронил кружку с чаем, которую собирался аккуратно поставить на столик перед тем, как уйти.-- Что ж,-- словно не замечая "произведенного эффекта", ответил он.-- Я в этом действительно Вам могу помочь. Кстати, а кем Вам приходится Софи? - тут же, словно между делом, уже стоя у одного из книжных шкафов и отыскивая глазами то, что мне было нужно, поинтересовался он.

-- Ну что ты смущаешь молодого человека? - таким же, как и его брат, тихим и вкрадчивым голосом, вступился за меня профессор Сандерс. - Молодые люди, наверное, любят друг друга? - добавил он вопросом, который больше напоминал констатацию факта, чем сам вопрос.

-- Ну, да ладно,-- избавил меня Клод Одран от какого бы то ни было ответа, доставая из шкафа несколько томов в темно-кожаных все это время меня ждал?ом профессор Сорбонны ачал я, собираясь оправдаться тем, что время давно вышло, и я думал, что меня уже обложках и передавая их мне. Вскоре у меня в руках уже оказалось с десяток произведений английских авторов прошлого, XIX, века. А старик-библиофил в недоумении оглядывал свои полки, как будто что-то выискивая что-то еще.

-- Не могу отыскать Шелли, -- пояснил он, имея в виду основоположника, как я знал, т. н. "озерной школы" в Англии начала прошлого века. - Ну, да ладно, здесь уже есть (профессор посмотрел на книги, которые были сейчас у меня в руках), и Колдридж, и Саути, и Водсфорт... Так что, какое-то мнение об "озерной школе" сделаете.

-- Да, да, конечно, -- быстро поблагодарил я, собираясь все-таки поскорее уйти.

-- Хорошо, молодой человек,-- сказал профессор Одран, тоже, видно, почувствовавший мое желание покинуть их компанию,-- Жаль, что нам не удалось обо всем поговорить. Но я думаю, это наша не последняя встреча.... Не так ли?

-- Конечно, профессор,-- готов я был подтвердить что угодно, только бы поскорее выбраться отсюда.

-- Ну, что ж, тогда прощаемся,-- сделал шаг навстречу ко мне, профессор Сандерс. - Со мной, Вы можете уже и не увидеться...

-- Брат на днях уезжает в Америку,-- пояснил старик-библиофил, видя появившееся на моем лице недоуменное

выражение. (Но я действительно уже готов был ожидать всего что угодно).

-- А Вам, судя по всему, что б это все прочитать, потребуется несколько недель, - заметил Сандерс - Кстати, Вы владеете английским? Ведь, насколько мне известно, мой брат предпочитает иметь литературу исключительно в подлинниках.

-- Да, да,-- поспешил я его успокоить. - Помимо немецкого и французского, я знаю и английский. Так что вполне справлюсь, -- улыбнулся я, посчитав, что стоит хоть как-то смягчить мой ответ.

-- Ну, тогда все в порядке,-- почти в один голос, проговорили оба брата-профессора и, подав для рукопожатия каждый свою руку (которые я вполне искренне пожал), всем своим видом давали понять, что я свободен. Чем я, признаться, с большим воодушевлением и воспользовался; и уже через пару секунд (буквально слетев с лестницы) я оказался на улице; а еще через мгновение (после времени, что я просидел у стариков, и которое мне показалось *вечностью*, все остальное, в сравнении с этим, было мгновением), я свернул в первую попавшуюся улочку, и наконец-то мог остановиться, "перевести дух".

Куда дальше идти, я не знал. Да и где я - не знал тоже. Однако, предусмотрительно заучив домашний адрес Софи, я решил направиться туда (как раз и книги надо было отнести), а пока стал осматриваться, как мне попасть в Морскому вокзалу, недалеко от которого жила Софи.

Как назло, никого вокруг не было. И я уже собирался пойти просто по улице (все лучше, чем стоять), в надежде все

равно кого-нибудь встретить (конечно, июль, конечно, жара, конечно, будний день, даже уже прошло два-три часа после полудня, - но не могли же люди все исчезнуть?), как неожиданно стены домов поплыли у меня перед глазами, тротуар закружился в каком-то трехмерном измерении, и я только почувствовал, как силы земного притяжения изменили свой вектор полярности, и перед тем, как потерять сознание, я понял, что оказался на земле.

Дальше наступила тишина.

ГЛАВА 3

-- Ну что, очухался? - услышал я чей-то мужской голос, явно обращенный не ко мне. (Значит, в комнате, помимо говорившего, находился кто-то еще).

В том, что я находился в комнате,-- я не сомневался. Слишком "уютно" было на мягкой кровати; да и шум улицы (хотя, какой может быть шум, если улицы этого города безлюдны?) не слышен. Я решил пока не открывать глаза, чтобы дать себе небольшую фору: нужно было понять, где нахожусь, и что мне дальше делать...

-- Пульс в порядке,-- услышал я еще один голос, тоже мужской, но возраст говорившего был явно старше предыдущего.- Давай измерим давление, но я думаю, что уже все в порядке. Вероятно, солнечный удар.

-- Возможно,-- осторожно согласился первый говоривший.-- Хотя я и не исключаю, что у парня могло быть какое-нибудь заболевание.

-- Психическое? - поинтересовался мнением говорившего второй мужчина.

-- Вполне может быть,-- согласился тот. - Хотя это все, из теории предположений. Надо ждать пока он придет в себя.

Я решил, что, если сейчас не открою глаза, то неизвестно, до чего эти два человека еще договорятся. Поэтому, не дожидаясь, пока кто-нибудь из них начнет что-то говорить, я сначала слегка простонал (почему-то мне показалось, что именно

так *просыпаются* люди в моем состоянии), потом потянулся (тоже по той же причине), и открыл глаза.

Я здорово ошибся. Находился я ни в какой не комнате, а в каком-то дворике, где лежал на предусмотрительно постеленном на земле тюфяке (эге-гей, да так и простуду подхватить недолго), и под открытым небом. Вернее, сверху нависла крона дерева, именно она и закрывала от палящего летнего солнца. Над собой я увидел две расплывшиеся в улыбке физиономии. Одна принадлежала еще молодому человеку, лет на восемь-десять старше меня, с длинными усами, окладистой бородкой, и кудрявой шевелюрой, другая - как я и предполагал, -- мужчине, лет на пятнадцать-двадцать старше его, абсолютно лысому, безусому и безбородому. Единственное, что бросалось в глаза (после его лысого черепа),- это необычайно выпученные глаза, и длинный нос с горбинкой.

-- Как Вас зовут? - спросил тот, что был постарше. - Меня Ален, а его Ив,-- показал мужчина на стоявшего рядом с ним молодого человека. - Вы говорите по-французски? - спросил мужчина, явно не понимая, почему я молчу.

-- Все в порядке,-- произнес я, пытаюсь приподняться.

Это у меня получилось. Но, сидя на тюфяке, я почувствовал, что голова слегка еще покруживается, а потому спросил разрешения побыть здесь еще какое-то время прежде, чем уйти восвояси.

-- Да разве Вас кто гонит? - спросил молодой мужчина, делая обиженное выражение лица. - Сидите, сколько хотите.

-- А кто Вы? - спросил я, последовательно посмотрев на каждого.

-- Я художник,-- добродушно ответил Ив. - А Аллен - мой дядя. Он работает смотрителем маяка.

-- А Вы кто? - в свою очередь поинтересовался дядя Ива.

-- Я поэт, -- неожиданно ответил я, хотя на самом деле, если и писал стихи, то это было столь нерегулярно и эпизодически, что, пожалуй, было слишком смело так себя назвать. Но сказанное не воротишь. А потому я лишь внутренне немного съежился, ожидая, какая последует реакция мужчин? Но те, казалось, не придали моим словам никакого значения; потому как, еще не успел я договорить, как тут же в разговор вмешалась подошедшая женщина (еще молодая, но уже такая толстая и изможденная жизнью, что было бы довольно опрометчиво дать ей меньше сорока, хотя ей, вероятно, не было еще и тридцати).

-- Садитесь с нами обедать,-- дружелюбно предложила она, на редкость нежным голосом, который явно не шел в сравнение с ее внешностью.

Садиться с ними за стол (а это предусматривало неизбежную беседу, к которой я был, не очень-то, сейчас расположен) я не стал. А потому, постаравшись как можно вежливее опрощаться (к моей радости, никто не стал противиться моему уходу), я вскоре вновь оказался почти на том же самом месте, где так неожиданно потерял сознание.

-- Подобного со мной еще не случалось,-- подумал я, пытаясь восстановить картину произошедшего.

Внезапно я подумал, что, пожалуй, логичнее будет поскорее оказаться в доме Софи (тем более, надо положить книги,

---

которые все еще были со мной), чем анализировать произошедшее.

Дав себе "слово": обязательно "поразмышлять над произошедшим", я - почти что бегом -- пустился "домой". А вскоре понял, что вновь заблудился. А куда дальше идти, я не знал?!

Как я уже был "научен опытом", спрашивать что-то у прохожих,-- было бессмысленно (тем более, за их полным отсутствием). Поэтому я медленно поплелся вперед, надеясь (как когда-то, -- вспомнил я свои мысли, предшествовавшие потере сознания) кого-то, да и встретить.

Я брел уже с полчаса, но мне никто не попадался. Солнце все так же продолжало палить, поэтому я просто обязан был найти какую-то тень, чтобы передохнуть с дороги, а заодно и обдумать дальнейшие действия. Почему-то мне начинало казаться, что я, с таким же успехом, мог идти еще час-два, а то и три (если не вечность), но на пути так никто и не встретится. А, если и встретится, то это еще совсем не гарантировало, что мне действительно укажут правильное направление. Если вообще захотят разговаривать?..

Что мне оставалось делать?.. Я просто встал и пошел дальше. Как говорится в одной восточной поговорке, "лучше идти вперед, чем стоять" (вернее, по-моему, "стоять на месте - значит, идти назад"). Но, как бы то ни было, то, что, если бы я остался

стоять под внезапным убежищем в тени карниза одного из домов, ни к чему бы не привело. А так хоть какая-то "надежда"...

Неожиданно (боковым зрением) я увидел, что слева (а так как я шел по тротуару, то слева - также как и справа, через дорогу, стояли одно -- редко -- двухэтажные домики), прямо в окне одного из домов, появилась чья-то физиономия. Резко остановившись и полубернувшись, собираясь уже, было, задать мучивший меня вопрос (и даже открыв для этого рот), я внезапно замер, ибо из окна на меня смотрела такая отвратительная рожа, что я даже сразу и не мог сообразить, кому она может принадлежать. Какие-либо внешние (маскулинно-фемининные) признаки, явно были "весьма искусно" *заретушированы* (пьянством, возрастом и сифилисом, который и разъял-то пол-лица, почти совсем лишив человека носа).

Подумав, что ничего не случится, если я все же переадресую свой вопрос кому-нибудь другому, я уже собирался, было, продолжить движение, как окно, за которым я и видел эту страшно бесформенную физиономию, отворилось, и мужчина - все-таки это был мужчина - поинтересовался, не хочу ли я у него что-то спросить?

Удивляясь его "наблюдательности", я (как ни в чем ни бывало, отбросив тревоги, страхи и предрассудки) спросил его, не знает ли он, случайно, как пройти к Морскому вокзалу (как я уже упоминал, Софи жила неподалеку).

Ответ незнакомца меня весьма смутил.

Конечно, если это можно было назвать ответом...

Сначала человек пустился в какие-то пространные (и уже, по крайней мере, мне абсолютно ненужные) объяснения, суть которых заключалась в том, что я (странно, почему именно я?) такой же человек, как и он, и все люди обязаны (интересно, что касается меня, то я "никому ничего не обязан") помогать друг другу, ну, и другую подобную канитель, которую я, если и слушал (вполуха, думая, когда же он замолчит), то лишь из-за того, что очень хотелось попасть домой к Софи, а, обидев этого чудака (даже невольно), я весьма отдалил бы этот шанс.

Однако, минут через двадцать (двадцать минут откровенной "галиматьи"!) я понял, что время все равно потрачено напрасно и, пожалуй, ничего путного этот разоткровенничавшийся фанатик (или попросту психопат, хотя в его словах прослеживались признаки и того, и другого) не скажет. А потому, решив ни о чем его больше не спрашивать, и даже не дослушав (чем, вероятно, вверг его в легкое недоумение), я пошел дальше. Пошел дальше, ругая себя,-- зачем я вообще сегодня куда-то выходил?

Однако, я уже прошел квартала два, а больше никого на пути не повстречал. Казалось, город вымер. Это еще более было странным от того, что я весьма хорошо помнил, что вчера, когда мы с Софи направлялись к ней домой (после того, как она - очень мило с ее стороны -- встретила меня на железнодорожном вокзале), нам пришлось буквально пробираться сквозь толпу (которая заполонила собой не только тротуар, но даже и проезжую часть так, что срочно приехавшим полисменам

пришлось *перенаправлять* движение машин и конных экипажей на другую улицу). Тогда у меня и мысли не возникло, что уже на следующий день, город окажется "совершенно пуст". Вернее, конечно же, он был далеко "не пуст". За высокими заборами, мимо которых я проходил, я вполне ясно слышал и многочисленные голоса, да что там, я отчетливо слышал все звуки, которые свидетельствуют о том, что жизнь обитателей этих заборов *продолжается*... Вот только никто из них, почему-то, не выходил за пределы своего дома. А разговаривать со мной, сколько я не пытался докричаться через забор, тоже не хотели.

И все же я решил не оставлять своих попыток, с чем себя вскоре мысленно поздравил, ибо мне совершенно случайно удалось буквально натолкнуться на выходящую из калитки девушку. Хотя, то, что это была девушка, я разглядел уже позже, а пока ... (она вышла так стремительно, что мне стоило большого труда увернуться, чтобы не налететь на нее),-- я сказал первую, пришедшую мне на ум, фразу (что-то, типа, зачем же так быстро выходить), но тут же осекся, взглянув на обернувшееся ко мне милое женское личико (его обладательнице было от силы лет 16-17; позже оказалось, что 18), которое тотчас же повернулось обратно и покраснело (это я заметил по вспыхнувшим мочкам ушей); длинные черные волосы девушки были аккуратно зачесаны назад; где и сплетены в узелок, с прикрепленным сверху - должно быть, как "украшение" - красным бархатным бантом).

Осознав, что судьба, вероятнее всего, решила предоставить мне "шанс", я решил не упускать его, и вывести немного об этом загадочном городе...

Однако, уже вскоре я убедился, что все мои попытки напрасны. Девушка не только не желала о чем бы то ни было со мной говорить, но и более того, -- увидев, что ее возможности куда-нибудь пойти, минуя казавшийся неизбежным (для нее) "разговор" со мной, она не может, приняла до ужаса (в первую очередь, конечно же, для меня) "простое" решение, и повернув в обратную сторону (а ведь мы с ней прошли уже метров тридцать-сорок), вскоре скрылась за той же калиткой, откуда недавно вышла.

-- Да объяснит ли мне кто, что здесь происходит?! - вскричал, было, я (отчаяние просто переполняло!), но, как я уже и ожидал (вернее, я уже ничего не ожидал), ответа никакого не последовало, и мой надрывный голос просто-напросто потонул в шуме проезжающих машин.

Машин... Я на миг задумался. Значит, уже начали ездить машины. Да и солнце уже не так припекало. По всей видимости, начинался вечер. Этого мне еще не хватало,-- нервно (и недовольно) сморщившись (какая у меня, наверное, сейчас смешная гримаса на уставшей физиономии), подумал я "о происходящем", но тут же чуть ли не крутанулся по всей своей оси, ибо несколько раз довольно отчетливо услышал характерный звук автомобильного клаксона. Он был так близко, что... что, пожалуй, только этим и были вызваны мои (со стороны, вероятно, очень смешные) пассажи, ибо, наряду со взвизгнувшими тормозами, я услышал и женский смех, адресованный, вероятно, мне, и раздавшийся откуда-то сверху.

-- Вы что же, совсем не видите, что идете по проезжей части? - сокрушался вылезший из автомобиля водитель,

---

неизвестно, от чего больше переживая: от того,-- что чуть меня не задавил, или от того,-- что это сделать ему не удалось.

Но меня уже занимало совсем другое. Когда еще только первые звуки задиристого смеха неслись ко мне, я уже поднял голову вверх, где на балконе одного из трехэтажных домов, заметил молодую хохочущую девушку. (Создавалось впечатление, что кое-где встречающиеся трехэтажные домики были единственно высокими зданиями в этом традиционно одноэтажном городе, с покосившимися крышами, и обветшалыми стенами, давно не знавшими капитального ремонта. Но зато заборы были настолько идеальны - наверное, потому, что свежевыкрашенны и подогнаны к распространенному стандарту - 5-10 см выше самого высокого человеческого роста, - что вполне служили моему предположению о том, что обитающие за такими заборами люди,-- если они действительно были,-- в первую очередь заботились о своем внешнем виде, чем о внутреннем содержании).. Возраста, девушка была, пожалуй, одного с Софи. Или все же на несколько лет младше. (Позже оказалось, на пять лет старше).

-- Поднимайтесь ко мне, - предложила она, продолжая весело хохотать, видя мои тщетные попытки освободиться от надоедавшего мне водителя, который, наверное, вдолбил в свою бестолковую голову, что должен, во что бы то ни стало, обучить меня "правилам дорожного движения".

-- Ну, что же Вы? Поднимайтесь! - еще раз предложила девушка. - А иначе, я его знаю, он Вам покоя не даст.

Я посмотрел на размахивающего передо мною водителя, и понял, что девушка, пожалуй, права. *Такой*, действительно не оставит в покое.

Резко выдернув свою руку, которую тот уже захватил, желая, видимо, удержать меня возле себя, я, как мог вежливо (на самом деле вышло: "скомкано и поспешно") попрощался, и вбежал в подъезд, намереваясь воспользоваться приглашением, а заодно попытаться найти ответы на жужжащие роем в голове вопросы.

-- Проходите,-- улыбаясь, произнесла девушка, дождавшись, пока я поднимусь на лестничную площадку, и широко открывая передо мной дверь.

Вступив в прихожую, я невольно осмотрелся. Повсюду,-- на стенах, потолках, в проходе коридора стояли, висели, летали (вернее, создавалась видимость, что они летают) чучела птиц, рыб, животных...

-- Мой папа путешественник,-- предварила мой вопрос девушка. - Поэтому, отовсюду, где он бывает, он привозит этих редких животных,-- показала она рукой на расположенные повсюду изображения. - Правда, в таком вот "интересном" виде,-- пошутила она, намекая на то, что это были чучела. - Кстати, меня зовут Лейза. А Вас, вероятно, Франц? - продемонстрировала она поразительную осведомленность.

-- Да, -- уже ничему не удивляясь, кивнул я головой.

-- Я так и поняла, -- рассмеялась Лейза. - Кто еще может ходить по городу в такой час, как не тот, кто приехал сюда только вчера?

-- ? - посмотрел я на нее.

-- ? - словно принимая вызов, вскинула вверх брови
Лейза.

-- А почему в городе так мало народа? - поспешил я
заполнить образовавшуюся паузу.

-- Вы имеет ввиду, -- на улице? - уточнила девушка.

-- Ну, да, -- честно признался я.

-- В это время, люди стараются не выходить, -- чуть
раздумывая, произнесла Лейза. - Хотя, вероятнее все же это,
просто "совпадение"...

-- "Совпадение",-- на которое "попал я", -- решил я
скаламбурить, чувствуя какую-то непонятную мне неловкость.
Вероятно, столь же неловко у меня и вышла эта шутка, потому
что, вместо того, чтобы (по крайней, я этого ожидал) рассмеяться,
девушка строго взглянула на меня. Все в ней говорило, что она
хочет о чем-то меня спросить, но что-то ее сдерживало. Наконец,
она уже было решилась, и даже приоткрыла рот,-- как откуда-то с
улицы (это было отчетливо слышно, потому что как окна, так и
двери балкона были распахнуты настежь) послышались громкие,
даже очень громкие звуки (так, как будто собравшиеся вместе
музыканты принялись разом настраивать свои музыкальные
инструменты, из которых преобладали скрипка, контрабас и
виолончель. Да, бесспорно был еще и барабан, а, может, и не
один), которые вскоре сменились (вероятно, "настройка" была
закончена) мелодично-ритмичной классической музыкой.

На миг задумавшись, я попытался определить, кого из
композиторов они играли. Тут же передо мной проплыла череда
великих знатоков своего дела: Бетховен, Шуберт, Лист, Гайдман,

---

Бах, Чайковский, Гендель..., но ни к кому из них при всем моем желании я бы не мог отнести подобное.

-- Это Берлиоз, -- пришла на помощь девушка, заметившая, по всей видимости, мое излишне напряженное выражение лица.

Я вымученно и досадливо улыбнулся (мол, как же это я "не узнал" Берлиоза? Как не ему, мог принадлежать весь этот маскарад?). Но... но откуда на улице симфоническая музыка?... Мы почти одновременно припали к окну. Правда, в отличие от девушки, я уже готов был (от удивления) вывалиться из него. По улице не только проходил (или, вернее, проезжал на огромной площадке на колесах, прикрепленный к тянувшим ее двум легковым автомобилям, тоже, в свою очередь, привязанных вместе, одна за другой) полный музыкальный состав какого-то "симфонического оркестра". Но,-- как оказалось,-- и *зрители* собирались. Причем, их уже вскоре оказалось настолько много, что они образовали какую-то бесформенную толпу (утыканную - по тротуарам, проезжей части, крышам медленно проезжавших автомобилей), что я невольно скривился от обиды,-- почему же этого не было еще минутой раньше?!

-- Закончился рабочий день, и люди спешат по домам,-- запросто пояснила мне Лейза, видимо угадав мое состояние.

-- Ну, почему их не было раньше? - не унимался я, хорошо помня, что если в городе кто и был десятком минут раньше, то они сидели за своими заборами, калитки которых сейчас то и дело открываются, выпуская недавних затворников на улицу.

-- Да, -- махнула рукой девушка. - Не судите их строго. Они и сами боятся сделать что-либо самостоятельно. Без решения верховной власти в городе, собрания членов Высочайшего Синода---

Я вскинул удивленно брови. "Так значит, здесь еще республика?" - вырвался у меня немой вопрос. - И что, власть в городе не принадлежит какому-нибудь одному лицу, как это повсеместно распространено в стране. Да и не только во Франции, но и в других странах.

-- Нет,-- решительно произнесла девушка, всем своим видом показывая, что ей совсем не хотелось бы распространяться по этому поводу.

-- Может, тоже пойдем на улицу,-- предложил я, и тотчас же понял, что если девушка согласится, то мои шансы узнать еще что-либо о городе,-- сведутся к нулю.

Лейза, к счастью (теперь "к счастью", - вот что значит "сначала говорить, а потом думать"), не согласилась. Вместо этого она мне предложила занять, по желанию, любое место - или на кресле-качалке, или на диване, или хоть на том же пуфике, положив его на паркетный пол - и выпить чего-нибудь освежающего - на выбор, или холодный лимонад, или цитрусовый сок (апельсин, лимон, грейпфрут, ананас...), или просто стакан холодного чая - напиток, весьма распространенный в Соединенных Штатах,- добавила девушка,- откуда его привез ее папаша, путешественник...).

Слегка почувствовав себя смущенным от такого выбора, я попросил лимонада.

-- А хотите "минералки"? - вспомнила девушка что у нее есть еще и минеральная вода.

-- Да,-- кивнул я, желая поскорее перейти к расспросам, которые я, несмотря ни на что, хотел (поскорее) учинить над -- не о чем не догадывающейся -- девушкой. Или все же догадывающейся?.. Ибо, как только она подала мне бокал с "минералкой", то тотчас же удивленно уставилась на меня.

-- Франц, у Вас какое-то беспокойное выражение лица? - спросила Лейза. - Вас что-то тревожит?

-- И да, и нет,-- смутился я.-- А попросту, мне ничего не понятно,-- признался я. - Начиная от того: "как Вы обо мне узнали"? и, заканчивая "порядков" в этом, еще недавно казавшимся мне, безлюдном, городе. Что у вас тут происходит? - посмотрел я на девушку. Нисколько, впрочем, не надеясь на какой-то "честный" ответ.

Однако, я видимо ошибался. И девушка, словно давно ожидая подобных вопросов, стало рассказывать...

-- Я в городе (N...) живу с самого рождения,-- пояснила Лейза. - Но то, что Вы о нем сегодня успели "наговорить" (я и на самом деле,-- в нескольких штрихах,-- набросал портрет увиденных только за сегодня -- "странностей" в поведении "жителей города"),-- для меня непонятно. И почти такая же загадка,-- как и для Вас.--Девушка как-то обеспокоено посмотрела на меня.-- Вы уверены, что все было именно так? - обратилась она ко мне, и ее лицо приняло такой строгий вид (школьная учительница, отчитывающая нерадивого ученика), что мне стало

как-то неловко. Неловко за себя (может, я сам себе все преувеличил?); и за то, что я отнимаю у кого-то столько времени...

Однако, я взял себя в руки, и постарался уверить ее, что все выглядело "именно так".

Лейза смутилась. Было заметно, что ей, как вроде, и хотелось верить. Но и до конца поверить,-- она не могла. В ее душе явно начиналась борьба. И к чему она может привести?.. Я не только не знал, но и инстинктивно побаивался этого...

(Я вдруг начал себя убеждать, что мне, по сути, и безразлично: верит ли мне она?! Да и не знаю я ее совсем... То ли дело Софи... Да, к тому же, мне хотелось поскорее куда-то приткнуться книги, переданные стариком-библиофилом. Пакет неприятно стал тяготить меня. Также, как и нахождение "в гостях").

Я стал придумывать причину, по которой мне следовало срочно уходить.

-- А Вы знаете Софи? - спросил я, тая про себя надежду, что, если Лейза скажет, что "знает" (они ведь почти одного возраста; мало ли, учились вместе... или играли... общие друзья, и проч.), то будет легче отвязаться от нее.

Но я почувствовал, что девушка, явно затягивает с ответом. И тогда я попросту спросил,-- знает ли она, как от ее дома добраться до Морского вокзала, недалеко от которого и жила Софи... И еще недавно, жил я... Или не жил? Ведь сейчас вполне могло оказаться, что никакой Софи (равно как и меня, и, само собой, разумеется, какого-то там Морского вокзала) и не существует. А все это,-- лишь плод воспаленного воображения

"свихнувшегося от знаний" вечного студента (говорил же кто-то, что изучение и философии и психологии,-- могут привести к травматическим для психики последствиям)...

Впрочем,-- о чем это я?!-- я тотчас же встряхнул головой, собираясь, во что бы то ни стало, получить от девушки ответ.

Я повторил вопрос. Вернее, теперь уже два: знает ли она Софи? И, сможет ли мне объяснить,-- как добраться до Морского вокзала? (Где Софи жила...).

-- К сожалению, я ничем Вам не смогу помочь,-- неожиданно холодно (моментально,-- как я отметил,-- изменившись в лице (и куда девалась ее недавняя улыбчивость?),-- ответила девушка.

-- Ну, что ж, тогда я, пожалуй, пойду,-- поднялся я с дивана. - Пока на улице еще есть люди (несмотря на то, что Лейза закрыла окна и даже опустила шторы, так что шум улицы перестал доноситься в комнату, я отчего-то был уверен, что толпа еще не разошлась), попытаюсь хоть у кого-нибудь выяснить дорогу,-- несколько обиженно пояснил я, действительно направляясь к входной двери, за которой и намеревался скрыться.

-- Они Вам ничего не скажут,-- еле слышно (но так, чтобы я это мог расслышать) произнесла Лейза, отступая вглубь комнаты, и слегка покачивая головой; так, что теперь ее светлая (девушка была блондинкой,-- почему-то заметил я про себя) челка прикрыла глаза, и я совсем лишился возможности что-нибудь "прочитать" в них. (Я всегда оставлял за собой право предположить,-- верно, и нет, о чем говорит человек: по его глазам). Теперь этой возможности я был лишен.

-- Что Вы сказали? - пытался я "выгадать" время, пытаюсь нащупать *скрытый смысл* - в словах девушки.

-- Я сказала, что все ваши вопросы бесполезны,-- взглянув на меня (в ее глазах я прочел решительность, даже какой-то вызов), ответила девушка.

-- Единственный, кто Вам может помочь,-- это я,-- добавила она.-- Но Вы для этого должны запастись терпением. Ибо ничто не может произойти быстрее того, чем стрелка часов достигнет полночи. (Что за бред?! - подумалось мне).

-- Подождите,-- тем не менее, я пытался понять, к чему девушка клонит.-- Вы что же, хотите сказать, что я должен у Вас просидеть до полуночи, и только потом удостоиться чести услышать что-то такое, что обещает пролить свет на эти загадочные истории, происходящие в вашем городе,-- с долей такого презрительно удивления переспросил я,-- что, наверное, ничего кроме *недовольства* - в моих словах и не просматривалось.- Это же... Это же,-- черт-те что,-- наконец-то нашелся с ответом я. (Готовый еще немного, и разразиться настоящей площадной бранью).

Я был взбешен. И совсем не желал скрывать своего негодования. Я даже не собирался толком вслушиваться в ее ответ. Собираясь попросту отстранить ее, и выйти вон. И, видимо, это желание было столь заметно во мне, что девушка даже готова была мне уступить. Но... Лейза (только сейчас я заметил, как же она была красива!) - одним движением,-- дернув за опоясавший ее халатик поясок,-- освободилась от тотчас же спавшей с нее одежды, и, не сводя с меня глаз, отступила на несколько шагов

назад, так что вскоре она своей обнаженной спиной коснулась единственного в его комнате дивана.

Небольшая грудь Лейзы (небольшая, но все же заметно выделяющаяся на фоне плоского живота и необычайно прямой, как будто девушка слегка прогнулась назад, спины) слегка покачивалась в такт ее шагам; и я, было, на миг подумал, что так, по всей видимости, быть не должно... Или грудь (при таких маленьких размерах и плавных да медленных телодвижениях) должна оставаться неподвижной? Или размеры ее,-- визуально занижены? И имеет место,-- не иначе как,-- обман зрения. Но, как бы то ни было, я уже собирался (что казалось мне, как минимум, *нелегко* выполнимым) оторвать свой взгляд от ее груди (интересно, удобно ли смотреть на обнаженную грудь девушки, если она разделась специально для Вас?), и, скользнув (на прощание) по животу (отметив необычайно ровный и маленький пупок), бедрам (не упуская их сексуально-притягательный изгиб), чуть-чуть выпуклым и упругим ягодицам (девушка, сама, видимо, желая, чтобы я ее получше рассмотрел, встала вполоборота),-- готовился "отворачиваться", как...

Я даже не помню, как все произошло?! Я лишь ощущал себя, периодически окунавшимся в пучину манящей "глубины", периодически "выныривая" на поверхность, и погружаясь вновь...

Я делал то, что (оправдывал - уже позже - я себя), оказавшись на моем месте, делал бы любой нормальный мужик. А именно - я стал *любить* эту женщину. И, по мере того, как я ее *любил* все сильнее и сильнее (с какой-то, до того, неизведанной, яростью,-- а то и ожесточением,-- врываясь в то, что было передо мной развернуто), я ощущал, что мне навстречу устремляется

поток такого сексуального желания (усиленный в неимоверную степень ощущением, по девичьи легкого и податливого тела),-- что я начинал понимать, что, пожалуй, вот оно, "счастье"...

И в последующие минуты-секунды-мгновения, в синхронных телодвижениях сплетенных тел, находил все большее подтверждение единожды возникшей мысли; и это ощущалось тем сильнее, чем больше (отмечаемым - все "про себя" - подсознанием) я чувствовал признаки приближающегося "финала"; финала, своеобразным выразителем которого, мог стать "взрыв", который давно уже назревал (и назрел) во мне; и который... Впрочем, я был уверен, что и Лейзе - "достается" не меньше моего. И судя по крику (сначала медленному и еле различимому, но постепенно возрастающему, пока не стал он походить и не на крик даже, а на турбину реактивного истребителя, набравшему обороты у меня под ухом (как мог, зажимал подушкой), и по тому оргазмоистическому припадку, в котором внезапно забилося подо мной тело девушки,-- и по всему этому, я и понял, что Лейза тоже испытывает сейчас *свое* "счастье".

... Мы лежали, мокрые и изможденные, поверх скомкатой белоснежной простыни, и, наверное, точно такого же одеяла; и совсем ничего не хотелось больше делать; а если что и "хотелось",-- то уже никак - и не могло... Ибо, чтобы прийти к этому "состоянию", - нами было *повторено все* по несколько раз; в разных - всегда новых - *вариациях*; и каждый из нас удивлялся неистощимой любовной силе другого (но всегда верно *подстраиваясь*,-- под задаваемый -- партнером -- темп); но

никак не чувствовалась усталость; да и время было только - девять, десять часов - по полудни; каждый понимал, что должен многое у другого спросить; хотя бы поинтересоваться о той жизни, что была до него; и не из-за того, чтобы неосознанно как-то, *навредить* друг другу; а то и совсем наоборот,-- чтобы не совершить глупостей, которые наверняка случались со многими *предыдущими*... Да и всегда было интересно,-- узнать о дальнейших планах "любимого" человека. (И вовсе "не благодарное" занятие - пытаться спланировать жизнь с другим человеком, по сути ничего и не зная о нем...).

-- Это хорошо, что ты остался,-- произнесла Лейза, лежа, как и я, на кровати, не укрываясь ничем (даже, быть может, специально и предназначенной -- для того -- простыней), и отвлечено уставившись в потолок.

Я ничего ей не ответил; а только нащупал своей рукой ее маленькое запястье: и чуть крепче обычного, сжал его. Девушка только в благодарности - скосила глаза...

-- А мы ведь могли познакомиться еще в прошлом году,-- предположила, нарушив образовавшуюся (на миг) паузу, Лейза. - Помнишь, когда ты встречал приплывшую в тебе на пароходе Софи (...так ты ее знаешь?.. еще бы... мы подруги...), и рядом с ней стояла девушка?.. (...ты?.. скажи,-- это была ты?..). Так все же помнишь?

-- Помню...

-- Помнишь... Но это была не я... Сестра... Но именно так она мне и рассказывала... И даже предсказывала---

---

-- Что? Что она предсказывала тебе---

-- Ты тогда сказал ей, что, если в том городе, откуда она приехала, все такие красивые,-- то этот город следует внести большими буквами на любую карту мира... Как город невест...

-- Я помню это... Но все совсем не так---

-- Так. Все было именно так. А еще ты---

-- Послушай---

-- А еще ты---

-- Нет, нет,-- послушай меня---

-- Я слушаю---

-- Нет, нет,-- ты на самом деле послушай...

-- А еще ты сказал, что почти влюбился в нее...

-- Но я не мог этого сказать?!

-- Сказал, сказал... Как сказал и то---

(Да ведь мы совсем с ней не говорили,-- начал вспоминать я.--Да и... я понял, что совсем не помню никакой девушки - тогда - кроме Софи...).

-- Ах, да, что-то припоминаю,-- как можно искреннее произнес я. Хотя уже точно знал,-- что никакого разговора между нами тогда не было. И вообще не могло быть ничего подобного. Да и не был я прошлым летом у Софи... А был я... А я ведь был тогда в Швейцарии! - вспомнил я.-- Как вспомнил и девушку, с которой там познакомился. И которая... А ведь действительно,-- она была очень похожа на Лейзу... Как же ее звали?... Барбара?... Анна?... Линда?... Лейза... А ведь ее тоже звали Лейза... (От удивления я даже привстал,-- испуганно всматриваясь в черты Лейзы... Нет... Не она...).

-- А что было дальше? - попросил я, успокоившись, продолжения *рассказа*...

-- А дальше ничего и не было,-- отрезвляюще спокойно, ответила Лейза.--И девушки никакой не было. Я ее выдумала. Моя сестра - к тому времени - уже погибла. В автокатастрофе,-- добавила она.--Но Патриция, наверняка, могла захотеть поехать пароход. а ты, Наверняка, мог приехать к своей Софи - в прошлый год. И вы---

-- Наверняка---

-- И вы наверняка,-- могли встретиться,-- словно уже не обращая внимания на меня, закончила Лейза.--Впрочем, "тогда",-- рядом с твоей "невестой", могла оказаться и я.

-- Вы покупали...-- начал догадываться я.

-- Мы покупали лотерейные билетки,-- подтвердила мое предположение девушка.-- Каждый год. Я и Софи (...так ты действительно знала ее...). Главным призом, всегда была путешествие - на двоих - по странам Европы. Счастливы отбирались по всей Франции и, по-моему, приходилось всего по два выигрыша на каждый город---

-- Вы выиграли?

-- Из нашего города - выиграли только мы.

-- Странно. Софи мне ничего не говорила? - недоуменно пробормотал я, немного поражаясь тому, что, если это было на самом деле,-- почему мне об этом неизвестно? Ведь тогда, - и я это теперь отчетливо вспомнил, - Софи предварила свой неожиданный (неожиданный потому, что ни она, ни я,-- не знали, что такое случится) приезд, телеграммой. Где (вполне обыденно) сообщала, что, собственно, такого-то числа, такого-то месяца, и во столько --

---

их экскурсионный корабль, будет проплывать по Рейну. И остановится... Она назвала город, который был совсем недалеко от Берлина, где жил и учился я. Естественно, я примчался к ней. Но она даже и не обмолвилась, что вместе с ней должна была ехать (а тем более приехала!?) ее "лучшая подруга"; ну, или точнее,-- сестра этой подруги.

-- Да Вам тогда, наверное, было не до того,-- предположила Лейза, хитро так улыбнувшись и шутиливо откидывая уголок одеяла, которым до того закрывала низ живота.

Я оценил ее намек, и вскоре мы вновь закружились в круговороте любви, смены поз, частоты и интенсивности взаимных вздохов, порывов, полувскриков и закончили только тогда, когда большая и маленькая стрелки настенных часов,-- проявили удивительную "солидарность"; а начавшийся тут же бой,-- совпал и с нашим "финалом" любви, подытоженному сладострастным извержением (на протяжении всех двенадцати ударов, прокрикиваемых кукушкой), и наступившей тотчас же -- гармонии с собой, и гармонии с окружающим миром; нирваны, заполнившей (все без остатка) частицы наших обнаженно-умиротворенных тел, погружая их в тайну всемерного счастья, покоя и радости...

-- А если бы мы все-таки встретились тогда? -- задумчиво произнесла Лейза, голос которой, слово в какой-то прострации, доходил до меня, возвращая в реальность.

Но мне вдруг совсем расхотелось знать: что было бы тогда?! Потому что мне сейчас было настолько "хорошо" (и особенно от ощущения лежащей рядом девушки, отдавшей мне себя всю, без остатка, девушки,-- получившей и от меня,-- почти то же),-- что в моем прозвучавшем моем ответе, было что-то такое, отчего Лейза как-то слишком удивленно на меня посмотрела.

-- Тебе, наверное, пора уходить? - предположила она, поднимаясь с постели, и накидывая на себя (валявшийся на полу) халатик. - Твоя Софи заждалась, -- сдержанно добавила она, тут же, впрочем, послав мне ("томно-изменчивый") взгляд (отчего-то вдруг заревновавшей) женщины; взгляд, внесший сумятицу в мои мысли, ибо я теперь был абсолютно обескуражен в своем предположении, сердится ли на меня Лейза, или мне это просто показалось.

-- Я уже все равно опоздал,-- попытался я дать себе небольшую фору, дабы обдумать создавшееся положение.

Казалось, это возымело действие; потому как Лейза перестала "суетиться" (то, что она делала, иначе не назовешь), и чуть ли не в первый раз за все время, пока мы были вместе, посмотрела мне в глаза; вернее, -- *спокойно* посмотрела мне в глаза.

-- Ты считаешь, что ничего *такого* не произойдет, если ты у меня останешься? - с надеждой проговорила она, вероятно, *именно так* истолковав мои слова.

-- По крайней мере,-- я не считаю, что теперь стоил бы торопиться, -- уклончиво заметил я, пытаюсь выиграть еще какое-то время.

-- А ты любишь *свою* Софи? - задала Лейза слишком провокационный вопрос, чтобы я на него ответил. А потому, я лишь сделал несколько шагов к девушке, и обнял ее. По крайней мере, это было единственно *допустимым* из того, что я мог сделать (чтобы не навлечь,-- на себя,-- ее гнев).

Однако, Лейза была, по всей видимости, немного умней, чем я предполагал (а, может, своенравней); а потому, легко выскользнув из моих объятий, повторила свой вопрос.

"Умный человек, дважды такой вопрос не задаст", - пронеслось у меня в голове; и, решив, что это все же *случилось* (то есть, вопрос задан), на него может последовать ответ вполне "в духе его". Однако, девушка, видно почувствовав мое желание "откупиться" односложным ответом, уточнила его. Да так,-- что не оставила и шага на отступление.

-- Если бы сейчас сюда вошла Софи, ты бы ушел с ней, или остался со мной? - не унималась Лейза.

-- Софи? -- переспросил я, взглянув на входную дверь, которая отражалась в стоявшем (около входа в комнату) зеркале, как будто и впрямь ожидая увидеть там Софи.

Мой испуганный взгляд не прошел незамеченным для Лейзы; а потому девушка, лишь усмехнулась, и "поспешила" мне на помощь.

-- Я все поняла, -- сказала она. - Да я и не предполагала другого. Просто хотела еще раз убедиться. Извини. Возвращайся к своей Софи. И можешь вычеркнуть меня из памяти. Как ты, наверное, уже не раз делал до меня. Ведь, насколько я поняла, девственником ты не был?

-- Ну, ты тоже не была до меня "девочкой",-- нашелся я.

-- Убирайся вон, -- прошипела Лейза. - И чтоб духу твоего здесь не было.

-- Но куда же я пойду? - вполне искренне (конечно, с долей наигранности - уж это-то я умел) спросил я. - Ведь ты так и "не рассказала" мне дорогу.

-- Сам найдешь, -- не обращая внимания на какие бы то ни было (с моей стороны) уловки,-- все в том же "недовольно-разгневанно-обеспокоенном" духе выпалила Лейза. (И как это в такой красивой девушке умещается столько злости?).

-- Хорошо, -- только оставалось сказать мне и, быстро одевшись (главное, чтобы еще ничего не забыть, - из одежды, - имею в виду), покинуть приютившую меня квартиру.

-- Опять мне предстоит путь. Путь в неизвестность,-- подумал я, оказавшись на улице.

ГЛАВА 4

Мне даже бесполезно было оглядываться по сторонам. Была ночь. И отблески луны лишь выхватывали уголки домов, стен, заборов, высвечивая тротуар или его отдельные куски, так же, как и проезжую часть. Но так, что мне стоило великого труда угадывать дорогу. Вернее, угадывать-то, куда я должен был наступать, чтоб не свалиться в яму (которых, между прочим, днем, я почему-то, не замечал), ибо правильное направление я по-прежнему не знал.

Отчего-то был уверен, что Лейза сейчас смотрит на меня из окна или с балкона, но, взглянув наверх, убедился, что я ошибался. Все в этом городе опять казалось безлюдно-пустынным.

Я решил руководствоваться уже единожды верным и когда-то выбранным способом, а потому просто-напросто пошел прямо, надеясь, что когда-нибудь (в том, что это должно было случиться, я был уверен, иначе это противоречило бы единому сценарию мироздания), я натолкнусь на кого-нибудь (или что-нибудь), что должно было мне подсказать истинный путь домой. Домой к Софи, которая (в этом я тоже был уверен) уже хватилась меня - все же отсутствие было слишком долгим, чтобы проявлять свойственную ей беспечность.

Однако, как в какой-то старой поговорке, гласящей, что все пути ведут в Рим (тоже, наверняка, придумана "не на пустом месте") я неожиданно (и в первую очередь, для себя. А для кого же еще, ... -- ого-го, я уже начинаю нервничать, -- если вокруг никого не было) понял, что нахожусь на том же самом месте, где когда-то (еще днем, или, если угодно, поздним утром)

меня *окликнул* старик-библиофил. Да, но каким же образом я снова здесь оказался?.. Это же надо! Стоило вообще куда-то тогда отсюда уходить, чтобы за оставшуюся половину дня сплошных мытарств, вновь оказаться на той же самой улочке?!..

Я поднял голову вверх. Где-то там живет этот странный профессор Клод Одран, вместе со своим братом Кори Сандерсом. Окна на втором этаже еще горели, но я не совсем был уверен, те ли это окна? Конечно, я нисколько не собирался идти сейчас - да и в другой раз, пока не особо желал бы - к этому старику-библиофилу, чтобы выспрашивать у него дорогу домой. К тому же, может, он уже спит. Да наверняка спит, учитывая его почтенный возраст! Я поймал себя на мысли, что моя привычка не обращать внимания на детали подвела меня в очередной раз. Я, конечно же, нисколько не был уверен, что Клод Одран живет за теми окнами, которые сейчас горят. Какой же все-таки был этаж?.. Второй?.. Или третий?.. Нет, наверняка второй... Когда спрашивали этого Пьера, или Мишеля, или, как там его?-- они ошиблись этажом... Но "не дошли", или "прошли"?.. Нет. Я совершенно не помнил. Хотя.... - я задумался -- по всей видимости, это должны были гореть окна этих двух стариков. Только их ненасытный к знаниям ум заставлял, скорее всего, сидеть их за чтением какой-нибудь книги, или изучением старинного трактата... А, может, и просто перебирать свою библиотеку (которая, я знал, насчитывает порядка десяти тысяч томов), *освежая в памяти* прочитанные когда-то произведения.

Что ж. Я решился. Взбежав (довольно бодро, если не считать того, что запнулся на первой же ступеньке, чуть было, не растянувшись на каменном полу - спасли деревянные перила, о

которых я, было, подумал, что почему они не кованые, железные, там, но тут же переключил свою мысль на раздавшийся где-то наверху, на чердаке шелест, так как кто-то будто освобождает качан от капустных листьев, и после, уже не обращая внимания на перила - да какая разница, какие они должны быть! - да и вообще, не обращая внимания больше ни на что, я буквально вбежал, проглотив одним мгновением несколько десятков, отделявших меня от заветной двери, ступенек, и воткнул свой большой палец правой руки (я был все-таки правша) на кнопку дверного звонка. Сделав (исключительно из вежливости) небольшую паузу, я больше "не отпускал" звонок (не знаю, что на меня нашло), доставляя, видимо, тем, кто находился за дверью, какое-то неприятное беспокойство. Ибо в первом (а, может, уже втором) часу после полуночи, слушать, как какой-то чудака показывает такое нахальное (иначе это и не назовешь) нетерпение, чтобы войти к вам в дом (и еще неизвестно, хотите ли вы этого или нет)? Впрочем, у вас этого никто не спрашивает, лишь с какой-то маниакальной настойчивостью давит - отдаваясь по нервам -- на дверной звонок, хотя, если разобраться, его можно было бы подобрать и потише, или вовсе отказаться). В общем, если подвергнуть создавшуюся ситуацию внимательному и тончайшему анализу - и лучше психологическому - то можно было выяснить, что... интересно, а стоит ли столь глубоко (и долго) размышлять о том, что должно было совершиться и так? Конечно, не без моего ведома, но с моим непосредственным участием, стоит мне только побыстрее войти в эту злосчастную квартиру, в которую почему-то никто не спешил меня впустить, интересно... Все это становится весьма интересно...

Я отдернул свой побелевший (вероятно, от прилагаемого усилия, а не от холода, хотя ночью, в этом странном городе, было прохладно) палец от звонка, и почти в ту же самую минуту, не дав мне подумать о чем-нибудь еще, дверь отворилась, и на пороге появилась заспанная физиономия... доктора Мишеля! В том, что это был он собственной персоной, я теперь несколько не сомневался, ибо подобное косматое и полупьяное ("амбре", исходившее от него, и вырвавшееся наружу, было "еще то!")... не знаю, можно ли было назвать то, что я увидел, человеком?-- хотя, без сомнений, то, что я видел перед собой - *пока им еще было*, - но то, что на лбу возникшего мужчины было написано, что он и есть тот самый доктор Мишель (о чем, к тому же, свидетельствовала серебряная табличка с именем и родом занятий жильца этой квартиры, прикрепленная к двери - и как это я раньше ее не заметил?)... Как же его фамилия?--совсем некстати подумал я.

-- Простите, -- понял я свою оплошность. -- Я, вероятно, ошибся. Мне нужен профессор Одран, -- медленно и как можно вежливее произнес я, еще раз посмотрев на номер квартиры (которого, между прочим, совсем не было), и делая вид, что, поняв свою ошибку, собираюсь уходить.

-- Вам нужен Клод? - вероятно, уже пришел в себя доктор Мишель (что ж, придется мне пока так его и называть, хотя для меня было бы более приятно ограничиться сугубо официальным именованием по фамилии. Это, по крайней мере, как бы изначально не предусматривает в отношениях чего-то "личного". Тем более, что мне ни с кем не хотелось в этом, уже давно ставшим для меня странным, городе близко с кем-то сходиться... За исключением, конечно же, Софи, да, может быть,

---

ее родителей. И все же средние годы Мишеля - вероятно, что-то между сорока и сорока пятью - да и клочковатого вида жиденькая борода с такими же закрученными тончайшими светлыми, но пока, вроде бы, не седыми - бакенбардами, да, как я уже заметил, его необычайно густая и длинная шевелюра все же вполне не располагали меня к тому, чтобы называть их обладателя как-то "ласково" да уменьшительно; ну, скажем, хотя бы -- по имени... В свою очередь, я ждал такого же "отношения" и к себе. И меня это устраивало. К тому же, с доктором Мишелем, я, как уже говорил, собирался ограничиться чисто официальными отношениями. Хотя, если разобраться, никакие отношения с ним, может быть, и вовсе мне были ни к чему).

-- Да, мне был нужен Клод Огран; но я уже понял, что ошибся, -- как можно вежливее попытался я ему растолковать, чтобы поскорее обратиться отсюда. - Еще раз извините, -- проговорил я, делая шаг назад и собираясь уже спускаться вниз (хотя, как я понял, профессор жил этажом выше, но мне вдруг расхотелось с кем-нибудь встречаться).

-- Мишель, кто там? - услышал я женский голос и взглянул в просвет между приоткрытой дверью и дверным откосом, в котором, вероятно, сейчас должна была появиться обладательница этого чудного грудного голоса.

-- О!..

-- А!..

На меня смотрела... Лейза. Вернее... Лейза - "двадцать лет спустя"... Все тот же каменный профиль горделиво приподнятых скул (не иначе как в их роду были аристократы), вскинутые брови, осанка...

-- Ну, что же ты держишь гостя в дверях? - с еле различимым наигранным возмущением раздался все тот же женский голос (теперь я видел и его обладателя, вернее, обладательницу).

-- Но молодой человек, вероятно, не к нам, -- попытался, было, оправдаться доктор Мишель, все еще стоя на том же самом месте и не решаясь, что же ему делать: закрыть дверь, предварительно пустив меня, или же закрыть, но уже без меня?

Видя подобные сомнения, я уже готов был облегчить ему задачу и просто-напросто начать спускаться вниз, как неожиданно почувствовал такое необъяснимое желание оказаться внутри этой квартиры, что, взглянув в глаза наблюдавшей за мной женщине (и почувствовав в них что-то "необъяснимо манящее"), я решил воспользоваться ее (только ее, а не Мишеля, хотя его нерешительность тоже можно было как-нибудь истолковать; в том числе "и в свою пользу") приглашением, и подошел к двери. Мишелю ничего не оставалось, как посторониться, пропуская меня вперед.

-- Вы ведь не из нашего города? - поинтересовалась женщина (она назвалась Сандрой), подарив мне изучающе-загадочный взгляд.

-- Нет, -- честно ответил я. - Я из Берлина.

-- О, Берлин, -- мечтательно закатил глаза вверх Мишель, но тут же осекся, подумав, должно быть, что подобное проявление чувств при незнакомых людях ни к чему.

-- Мой муж проходил там преддипломную практику, -- пояснила Сандра. - У профессора ..., -- она назвала имя известного на всю Германию профессора-эндокринолога.

-- А Вы, молодой человек, в какой области знаний нашли свое призвание? -- неожиданно любопытствовал доктор Мишель, которому я явно нарушил какие-нибудь традиционно-вечерние планы (ну, там, чтение книги, полуночные размышления, сон, или, скажем... секс с женой), и который - я это явно на себе ощущал - был на меня попросту зол. Ну, по крайней мере, сердит; что было, впрочем, тоже вполне достаточным основанием для того, чтобы даже не попытаться это скрывать.

-- Я специализируюсь в области философии, -- отчетливо произнес я, посмотрев в глаза (какие-то рыбки) доктора Мишеля, и ни в коем случае не собираюсь давать ему какое-то право *преобладания* надо мной. Ибо любой интеллигентный человек на моем месте должен бы был, вероятно, стусеваться и почувствовать себя -- как минимум, неловко, да, должно быть, предпринять какую-либо "попытку" *ухода*. На это-то, должно быть, и рассчитывал Мишель. Но от меня он этого не дождется.

-- И какого философа Вы бы выделили? - ничуть не собирався сдаваться доктор Мишель.

-- В первую очередь мне нравится немецкая школа философии, -- как ни в чем ни бывало (вернее, стараясь не замечать язвительного тона доктора Мишеля, который почему-то видел меня исключительно *оппонентом*, нежели каким-то *союзником* - хотя, так и должно было быть. Ведь не он ко мне напрашивался в гости. Но и не я же сам. Виной тому, скорее, было очарование его супруги, на которую я - уж никак не смог удержаться - изредка поглядывал) продолжил я, заставляя себя все-таки убрать взгляд (он, должно быть, вышел слишком откровенно-разглядывающим, но смотреть, и правда, было на что:

полные груди вполне ясно очерчивались прозрачным розовым пеньюаром, на который, вероятно, только в последний момент был наброшен желтый халатик, а слегка полноватый животик лишь подчеркивал сексуальную притягательность сорокалетней женщины), вернее, перевести его на, вероятно, озадаченного Мишеля. - Это, в первую очередь, Ницше, Шопенгауэр, Гегель, хотя, стоит заметить, я не менее восхищаюсь и французской школой. Тот же Монтень чего стоит! - заметил я.

-- А Фрейд? - полюбопытствовал Мишель (ну, надо же,-- он готов со мной пуститься в размышления?!).

-- И Фрейд, -- согласился я. -- Зачем же исключать из этого списка Зигмунда Фрейда. Созданный им психоанализ я считаю вершиной психологии.

-- Особенно его теория *уравнивания* все под половое влечение? - усмехнулся доктор Мишель.

-- Ну, я думаю, что Вы попросту не совсем верно трактуете его учение, -- предположил я. - Но, даже если рассматривать его в том усредненном виде, в котором хотите увидеть Вы, то я все равно не вижу особых поводов, чтобы хоть в чем-то попытаться умалить влияние Фрейда на современную науку.

-- Но ведь, и Шопенгауэр, и, кое в чем его опровергающий Ницше, и, может, вообще не согласный с ними двумя Монтень - эти философы принадлежат к разным, зачастую, противоположным философским течениям, -- заметил доктор Мишель. - Как же Вы их можете объединять в одно? - удивился он.

Вероятно, мой взгляд оказался сродни такому, как смотрят на "придурков"? Да я это вдруг почувствовал и сам.

-- Ну, во-первых, если мне помнится, ваш первоначальный вопрос был совсем не об этом, -- мне захотелось переменить тему. -- А, во-вторых, чтобы любить или не любить кого-нибудь, надо вначале научиться его понимать, -- может быть, несколько жестко ответил я. - А, чтобы понимать, надо его сначала хорошенько изучить. А чтобы изучить, необходимо, как минимум, ознакомиться с большинством его трудов. И я нисколько не уверен, -- посмотрел я на притихшего доктора Мишеля, -- что Вы предприняли подобный труд. Хотя бы в силу того, что у Вас совсем иная профессия, которой, мне хочется надеяться, Вы и отдаете все свое свободное время, -- попытался я как-то сгладить неловкую паузу.- А если это самое время у Вас еще остается, то я на Вашем бы месте предпочел его лучше потратить на свою супругу, -- как-то неожиданно вырвалось у меня.-- А уж никак не на изучение философских трудов, которые Вам в вашей жизни, может быть, вовсе и не понадобятся,-- тем не менее, решил я закончить свою мысль.-- Не иначе, может быть, как где-нибудь в какой-нибудь компании сказать что-то подобное, чтобы придать своим словам философский оттенок, и чтобы окружающие (и, в первую очередь, окружающие дамы) томно вздохнули, мол, какой это доктор Мишель душка, столько знает! Но ведь это все пустое, - - посмотрел я на Мишеля, который и так внимательно, быть может даже "слишком внимательно", следил за моей речью, -- эти разряженные куклы, если и скажут так, то лишь для того, чтобы в пример Вам хоть каким-нибудь боком прикоснуться к науке, не имея о ней вовсе никакого представления, ибо для них абсолютно

все равно, какая это наука - психология, философия или химия. Для них все это - область какого-то сверхъестественного (а попросту, им непонятного *нечто*), а потому зачем, зачем, спрошу я Вас, тратить свое свободное время для того, чтобы когда-нибудь, Вы слышите -- когда-нибудь,-- порадовать кого-нибудь из них? Не лучше было бы для Вас попросту заниматься тем делом, которое у Вас больше всего получается, да не лезть в те дебри, в которые, поверьте, хватает охотников и без Вас? -- наконец-то закончил я свою "обвинительную тираду" (понял ли хоть что-нибудь из нее доктор Мишель - и как там его фамилия? Но ведь и нечего разводить излишнее панибратство!), и посмотрел на доктора Мишеля.

-- Это замечательно, -- неожиданно захлопала в ладоши Сандра, -- я давно уже собиралась убедить Мишеля в чем-то подобном, -- выразительно посмотрела она на меня.

-- Ну, не знаю, -- смущенно, было, попытался оправдаться доктор Мишель, тут же замолчал, поймав на себе уничтожающий (чей? Мой? Сандры?) взгляд.

-- Кстати, он пробовал, было, и вступать в полемику с живущим над нами Клодом Одраном, - с неприкрытой женской язвительностью, "добивала" мужа Сандра. (Сандра, по всей видимости, относилась к тому типу женщин, которые, хоть и любят своих мужей, но считают их менее знающими и образованными, чем другие люди).

-- Да, Вы, должно быть, знаете профессора Клода? - спросила у меня женщина.

-- Ну, разумеется, знает, -- заметил доктор Мишель. - Иначе от чего ему столь настойчиво звонить ему в первом часу

ночи, -- более, чем язвительно добавил он (как я понял, доктор по-прежнему, видел во мне "врага"; пора бы его "повернуть" на свою сторону...).

-- С Клодом Одраном я познакомился только сегодня днем, -- признался я, полагая, что вероятнее всего, чем я больше буду казаться "искренним", тем больше и расположу (или хотя бы попытаюсь расположить) этого "червяка" (вот кого напоминал мне доктор Мишель! - долговязый, в каком-то коричневом ночном белье, - неужели я его и правду поднял с постели, но почему тогда горел свет? - и такой же склизкий. Или, вероятнее, вопросы его были такими, что хотелось скорее на них ответить, а после пойти вымыть руки).

-- И решили к нему наведаться ночью, -- нисколько не унимался доктор Мишель.

-- Я попросту заблудился, -- честно признался я, даже и не думая оправдываться.

-- И решили, что в первом часу ночи, профессор должен Вам ответить, куда идти? - продолжал свои ехидные колкости доктор Мишель.

-- Да что Вам дался этот "первый час ночи"?! - вспылил я. - Ну, ошибся я дверью, ну, имел неосторожность разбудить вас, ну ругаю уже себя за это, ну, и что дальше? Разве на этом инцидент не исчерпан? Я вообще готов был идти дальше, если бы вы меня не пригласили.

-- Ах, это я Вас пригласил? - "разыгрывал удивление" доктор.

-- Ну, не Вы, а ваша жена, -- заметил я, мол, ну и что с того. Если пожелаете, я готов тотчас же уйти.

-- Да куда же Вы сейчас пойдете? - спохватилась Сандра, -- уже, как-никак, глубокая ночь. Мы с Мишелем (правда, Мишель) - она подарила мужу один из тех взглядов, от которых тот, вероятно, не в первый раз съеживался внутри, предпочитая тотчас же принимать сторону грозящей закатить скандал супруги - предлагаем Вам *заночевать у нас*; а утром Вы сможете, на ваш выбор, или попасть к профессору Клоду Одрану, или же, сразу направиться к Софи.

-- К Софи? - удивился я тому, что Сандра знает имя девушки, к которой я приехал (то есть, она вообще знала - что я к кому-то приехал?).

-- А что же тут удивительного? - как бы ответила Сандра на мой вопрос. - Вам разве Лейза не говорила обо мне?

-- Лейза? - не менее удивился я, совершенно не понимая, как же и о ней (вернее, о том, что я был у нее) могла узнать Сандра?

-- Лейза моя племянница, -- пояснила Сандра (так вот откуда такое сходство), словно о само собой разумеющемся факте. -- И после смерти сестры - ее матери - я полагаю, что должна быть в ответе за нее.

-- Но как Вы узнали, что я общался с Лейзой? - не нашел я ничего проще, как попросту откровенно у нее поинтересовался.

-- А я и не знала, -- ответила Сандра.

-- Не знали?

-- Да. Вы сами мне об этом сказали.

-- Да не может быть, -- спохватился я. - Я хорошо помню, что ни о чем таком мы с Вами не говорили.

-- Да, не говорили, -- призналась Сандра. - Но, рассказывая, что заблудились, Вы обмолвились, что шли по такой-то улице (Сандра назвала несколько улиц, про которые я и вправду говорил ей, почему-то запомнив, что по ним шел). А на одной из этих улиц живет моя племянница Лейза. И, судя по тому, что Вы там проходили в два-три часа после полудня, я заключила, что Вас наверняка она бы увидела.

- ?..

-- Да не смущайтесь Вы так, -- улыбнулась Сандра. -- Просто я наверняка была уверена, что моя племянница не может пропустить такого, как Вы.

-- Как я?

-- Ну, да. Чужака, -- уточнила Сандра, улыбнувшись чему-то своему, и при этом не забыв бросить взгляд в сторону мужа (не понял ли он , что она имела ввиду?) и, тут же успокоившись, уже открыто посмотрела на меня.

-- А-а-а, -- задумчиво произнес я.

-- Да не удивляйтесь Вы так?.. - снова попросила Сандра. - Лейза на самом деле хорошая девочка. Просто ей уже давно стало тесно в этом городе. И очень хочется куда-нибудь отсюда выбраться.

-- А почему бы просто не взять билет на пароход (вспомнил я, как она упоминала о своей возможной поездке) или на поезд, да не уехать? - недоуменно заметил я.

-- Ну, это было бы слишком просто, -- улыбнулась Сандра.

-- Слишком просто? - не понял я.

-- Да девочка хочет, чтобы произошло *как-то иначе*.

-- И что, много в ваш город приезжает чужаков?

-- Вы имеете ввиду, многие ли из них ходят под ее окнами? - усмехнулась (хотя ей, пожалуй, впору бы было, и обидеться) Сандра.

-- Извините, я не это хотел сказать, -- смутился я.

-- Ладно, -- вмешался доктор Мишель (первый раз он оказался, как нельзя, кстати), -- если уж Вы на самом деле не знаете дороги "домой", я бы Вам мог ее показать, -- предложил он.

-- Правда, -- так обрадовался я, что вверх все еще стоящую передо мной (никто из нас так и не воспользовался стульями, которые стояли тут же) семью в легкое недоумение. По крайней мере, я это прочитал у них в глазах.

-- Разумеется, это будет возможно только завтра, -- несколько медленнее, чем следовало бы, и все еще удивлено меня разглядывая (он вообще не менял своего взгляда с первых же секунд нашего "знакомства") произнес доктор Мишель.

-- Конечно, конечно, -- заверил его я. - А сейчас, может быть, Вы сможете мне показать предстоящий путь по карте, -- попросил я.

-- По карте? - не понял доктор.

-- Ну, да, -- удивляясь, что ж здесь непонятно, ответил я.

-- Вы, вероятно, не поняли, -- очевидно, догадавшись (догадавшись о чем-то, о чем я даже не имел никакого представления). - Я не собираюсь завтра с Вами идти.

-- Почему? - удивился я. - Разве не Вы только что мне это предложили?

-- Я Вас собирался проводить до улицы, -- ответил доктор Мишель. - И показать, сколько еще улиц Вам предстояло

пройти, чтобы попасть туда, куда Вы хотите. Вы ведь, если не ошибаюсь, собирались домой. Вернее, к своей Софи, -- явил он пример необычайной осведомленности.

-- Да, я собирался к Софи, -- немного выходя из себя, ответил я. - И был уверен, что Вы поможете мне до нее добраться.

-- Конечно же, -- согласился доктор Мишель. - Я Вам помогу это сделать. Но вот только сам я не пойду. Неужели это не понятно?

-- Извините, доктор, может быть, на ваш взгляд, это и необычайно просто, но мне непонятно абсолютно, -- вконец запутался я.

-- Да что же, черт побери, здесь еще может быть непонятно?! -- вышел из себя стремившийся все время оставаться спокойным (точнее,-- стремившийся держать себя в руках), доктор Мишель. - Ваша Софи живет всего в нескольких кварталах отсюда, и нужно быть необыкновенным... -- доктор Мишель осекся -- ... "чудаком", чтобы заблудиться в этих нескольких сотнях метрах.

-- Всего в нескольких кварталах? - удивился я (впору было наконец-то воспользоваться предложенным ранее стулом, чем я, впрочем, и воспользовался).

-- Ну, это, правда, в каких плоскостях смотреть? - вступила в разговор, замолчавшая, было, Сандра.

-- Что значит, "смотреть в каких-то там плоскостях"? - не понял я.

-- Ну, Мишель имеет ввиду, что, если ориентироваться по оси абсцисс и координат, то на какой-то параллели точка нахождения нашего дома и дома Софи, пожалуй, и совпадут, --

---

неожиданно запутанно выразилась Сандра (у меня промелькнула мысль что и я давно сошел с ума, и передо мной теперь появляются лишь откровенные безумцы)... Впрочем, услышать от женщины нашего века (а XX век только начинался, ...24 год -- еще - год юности) подобное,-- было бы как минимум, весьма любопытно. Неужели Сандра тоже была за охватившую Америку, а вслед за ней и Европу, эпоху женской эмансипации, являя собой пример женщины, разбирающейся в таких сложных областях, как математика, физика, география?.. К чему были эти заумные высказывания сейчас?.. Или Сандра хочет показать, что ее не стоит недооценивать?.. Если... если, конечно, не собирается меня окончательно запутать?.. Но могу ли я ее вообще (вернее, собираюсь ли?) *оценивать* как-то иначе, нежели как сексуально-притягательную женщину, особенно в этом ее эротичном пеньюаре? А сейчас, кстати, меня вообще интересует другой вопрос. Неужели все это время Софи находилась от меня все в нескольких кварталах, а я этого не знал? Но изменилось ли бы что с того, как если бы я об этом знал? Разве не стремился бы я в этом случае в ней так же, как и сейчас? Неужели я хоть на миг оставил свои попытки попасть домой? Почему нет? Так к чему же эти возникающие сомнения? Да и сомнения в чем? В моей искренности? Или любви к Софи? Но даже и *случившееся* в доме у Лейзы, с самой этой Лейзой (я на миг представил жар ее обнаженного тела), не может служить ничем иным, как подтверждением моей *любви* к Софи. Да, да, именно любви. Ведь как, по-вашему, можно было еще любить женщину, если не позволить себе на миг попытаться ее сравнить с другой?.. И, конечно же, убедиться в том, что она - именно она, а не другая,--

---

прекрасна, и заслуживает еще большей любви и внимания, чем я ей, до сей поры, уделял. А, значит, и любить я буду ее еще больше (именно, любить духовно, ибо физически это предполагается само собой). А что может придать еще ту необъяснимую остроту, пикантность нашим отношениям с Софи, как не "случайный" адюльтер на стороне? Ведь только после него, я всеми своими "частицами души" ощущаю, как еще больше люблю Софи! Как стремлюсь к ней! Как хочу поскорее заключить ее в объятия! И любить... Любить ее с такой не иссякающей силой, которая и невозможна была бы у людей, слишком долго знающих друг друга. Ибо чувства... чувства "усыхают", как завядшая роза на подоконнике Лейзы, которую ей, вероятно, кто-то подарил до меня. Ибо сам я ей не успел ничего подарить, кроме как свою любовь... тоже любовь?.. Но ведь "любовь" к Лейзе была совсем другой, нежели к Софи?!.. И Лейза мне казалась более привлекательна,-- но лишь оттого, что с Лейзой у меня было "в первый раз", а с Софи... Но ведь именно после моей "любви" с Лейзой, я понял,-- как люблю Софи... Люблю так, что и не могу "жить без нее"... И ведь это действительно я смог понять -- только после того, как "любил" Лейзу...

Хотя, конечно, я знал это и раньше... Знал еще до того, как познакомился с Лейзой. Тем более, знал до того, как между нами возникли какие-то "отношения"...

Секс... конечно же, секс... Но уже если так,-- то я бы ничего не имел против того, чтобы увидеться с Лейзой еще раз. Хотя... Я задумчиво посмотрел на Сандру. Передо мной была такая же Лейза (в том, что эти две женщины были схожи, я убеждался каждый раз, когда замечал - сколь "откровенно" меня

рассматривает Сандра...). Причем у Сандры (или мне все же кажется?), уже как вроде во взгляде ничего и не читается, кроме как... страсти... А ведь Сандра, пожалуй, намного привлекательнее Лейзы... Да, к тому же, это все таки взрослая женщина... Без всяких там - свойственных юности - "фырканий", да нелепых причуд... Женщина, знающая себе цену... И умеющая ценить - мужчину...

И, рассуждая про себя, я по всей видимости как-то "по особому" смотрел на Сандру... И она... Она "поняла" мой взгляд... (Не то что ее придурок-муж...).

-- Значит, Вы не будете возражать, если я у Вас переночую? - набрался я храбрости, и посмотрел на мужа Сандры.

-- Да, оставайтесь, -- махнул рукой доктор Мишель, явно обескураженный происходящим.

-- К тому же я, спать пока не собиралась, -- поддержала меня Сандра (неужели я ей действительно "понравился"?).-- Поэтому мы могли бы - поболтать пока... Ну, например, Вы нам с Мишелем расскажете про Германию,-- как-то загадочно посмотрела на меня Сандра, и я ощутил (впрочем, я давно уже "что-то ощущал"... Да вот боялся себе в этом признаться...).

-- Что до меня, то я-то как раз спать собираюсь, -- произнес доктор Мишель (как же его фамилия?).

-- Хорошо, дорогой, ты можешь идти отдыхать,-- охотно (и даже, как я заметил, с какой-то радостью) проворковала Сандра. -- А мы с Францем,-- если ты, конечно, не возражаешь,-- немного посидим на кухне.

-- Ведь Вы, Франц, не откажетесь мне немножечко рассказать... о Германии? - это уже было адресовано мне.

-- Да ради Бога, Сандра, я спать еще совершенно не собирался, -- согласился я. - Если, конечно, доктор не будет против, -- посмотрел я на него.

-- Да делайте, что хотите, -- пробурчал Мишель, уходя в спальню (вернее, перед тем, как уйти в спальню, он еще какое-то мгновение в нерешительности переминался на месте - вероятно, борясь, как с начинавшим одолевать его сном - он, видно, действительно рано ставал,-- так и с мучавшей его ревностной нерешительностью: оставлять жену наедине с каким-то "первым встречным"?... Но, вероятно, пересилило первое, а потому доктор Мишель, выдавив из себя пожелание нам "покойной ночи" - хотя ночь, по всем признакам, спокойной быть "не собиралась" - ушел в спальню).

-- Так что же Вы хотите, чтобы я Вам рассказал? - спросил я Сандру, позволив себе присесть в стоявшее неподалеку (конечно же, на кухне, ведь мы уже туда прошли) кресло, и внимательно посмотрев на стоявшую передо мной (она почему-то еще стояла. Хотя, что ей оставалось делать, особенно, учитывая то ощущение, что я читал на ее лице, и которое она не собиралась от меня скрывать) женщину.

-- Не знаю, -- тихо (так тихо, что мне пришлось даже вслушиваться) произнесла Сандра.

-- Вы знаете, о Германии на самом деле можно говорить долго, -- решил я брать ситуацию в свои руки.--Но уподобляться в своем рассказе какому-то гида- экскурсоводу, мне, если честно, не

хотелось. Поэтому я произнес совсем другую фразу. Фразу, заставившую стоявшую передо мной женщину, как-то иначе посмотреть на меня. (Или мне это только показалось?).

-- Что до меня,-- сказал я,-- то мне было бы намного приятнее поговорить о Вас. (Ну что, каков, а?).

-- Да что обо мне говорить, -- скромно потупив взор, произнесла она; но я уже заметил, что попал "в десятку". (То, что она сейчас хотела, чтобы говорили только о ней, было несомненно; это было также верно, как то, что ночь предваряет рассвет; и если на небе светит солнце, это еще совсем не значит, что не может пойти дождь).

-- Вы очень красивы, -- произнес я самую банальную фразу, которая только могла бы родиться в моей голове, но именно она возымела неожиданное воздействие, ибо Сандра, смутившись еще больше, присела подле меня.

-- А чем Вы занимаетесь днем? - спросил я.

-- Днем?... Днем я,-- смутилась она,-- немножко музицирую... немножко пишу...

-- Пишите?... В том смысле, что сочиняете?..

-- Нет, нет, -- покачала она головой, улыбнувшись. - "Пишу", в смысле - "пишу". Я переписываю работы мужа. Вернее, редактирую то, что он написал за ночь. Знаете, когда слишком быстро "бежит мысль", иной раз может выйти совсем что-то неразборчивое... А у мужа совсем нет времени "пересматривать" свои записи, -- пояснила она, еще больше смущаясь...

-- Он готовит какой-то научный трактат? - осведомился я, слегка пододвигаясь к ней поближе.

-- Почти, -- уклончиво произнесла она, не заметив (или сделав вид, что не заметила) моих маленьких "маневров".

-- А в какой области медицины он специализируется? - спросил я, еще на несколько сантиметров пододвигаясь к ней.

-- А он разве не говорил, -- удивилась она, -- эндокринология.

-- А, -- кивнул я головой, как будто речь шла о чем-то, само собой разумеющемся. Теперь я уже был на таком расстоянии от нее, что мог легко до нее дотронуться. И даже приобнять, если бы того пожелал. Или захотела она. И мне почему-то показалось, что она этого и хочет, и желает. Моя рука осторожно начала "прощупывать" свой путь, огибая тонкие складки легкой одежды и поглаживая наэлектризованное тело женщины. Я очень удивился, ибо все тело этой сорокалетней женщины было натянуто как струна, и, по всей видимости (в этом я уже не ошибался), она испытывала не меньшее психоэмоциональное напряжение от "предполагаемой близости" (к этому все шло), чем я. Словно "это", -- у нее должно было произойти "в первый раз"... (Позже я поражался, как точно я тогда это подметил. При наших последующих встречах - а они, хоть и случались очень редко, но все же "случались" - Сандра в первые минуты - или, вернее сказать, в самые первые мгновения *близости*, даже только "ожидания", -- вела себя так, словно это ей было столько лет, сколько мне... и даже еще меньше... И лишь только потом, после, она полностью "раскрепошалась"; и, отдавая себя разгоравшейся страсти, -- она каждый раз открывала для меня такие высоты наслаждения, о которых я - уж, по крайней мере, до того - и не подозревал. Это было что-то на грани фантастического

прикосновения к "запретному плоду"; вкусив который,-- женщина преобразается в богиню Любви; демонстрируя "искусство", которому никто никогда не научит, ибо оно дано самой природой, и через ее тонкие грани не может перешагнуть "непосвященный")...

Так было и в этот раз. Я уже сделал достаточно "откровенных" намеков, чтобы дать, по крайней мере, понять, "что я хочу", но Сандра по-прежнему сидела безучастно и... дрожала. Но стоило мне только "засомневаться" в уместности своих намерений,-- как женщина быстро наклонилась вниз, и я тотчас же ощутил мой высвобождаемый из-под одежды "орган желания", который оказался погруженным в такое воздушно-втягивающее "пространство",-- что мне стоило превеликого труда, чтобы не только не закричать (хотя легкое "постанывание" сдержать я не смог), но и постараться "сдержать" себя, что тотчас же все и "не закончилось"...

И все же я, видимо, немного переоценил себя (или "недооценил Сандру). Потому как "хватило" меня совсем ненадолго, и через какое-то время - я уже выпускал пульсирующими потоками все свои страхи, тревоги, сомнения и неуверенности - в ее улыбающийся "орган любви"...

Не успел я еще осознать что произошло (как-то отвлеченно отмечая про себя -- как Сандра "приводит себя в порядок"), как в кухню вошел ее муж.

-- Не спится? - спросила Сандра, вытирая платком губы. Причем, делала она это с таким "равнодушным спокойствием", что

будь ее муж хоть втрое умней, чем он был на самом деле,-- и то, вряд ли он бы хоть что-то заподозрил.

-- А мы с Францем пытаемся спорить! - посмотрела на мужа Сандра.

Но тому явно было не до нас. Он хоть и стоял сейчас пере нами, но... спал. Спал, с открытыми глазами. (Действительно, идиот,-- подумал я).

-- Вы полагаете, что неоромантизм Англии отличался от того понятия, которое вкладывали в него французы? - спросила меня Сандра, словно наша "беседа" продолжалась, и ее придурок-муж - совсем "не помеха".

-- На мой взгляд, он был ближе к германскому, -- неожиданно "вступил в беседу" доктор Мишель, заставив меня внутренне содрогнуться (уже не недооцениваю ли его я?).

- Немецкий неоромантизм находился под влиянием ницшевской философии, -- тем не менее, словно "на автомате" высказался я. - И, на мой взгляд, интерес к нему в современной Германии значительно обострился в результате деятельности духовно-исторической школы в литературоведении и историков экспрессионизма.

-- Не в результате ли этого наши французы - Бодлер, Верлен и Рембо, были охарактеризованы у вас в Германии как "романтики"? - спросила Сандра.

-- Возможно, -- согласился я. - Но, если иметь виду -- столь почитаемую мною Англию, то там неоромантика скорее означает некую модификацию их традиционного "авантюрного романа", -- предположил я, -- что наглядно проявляется, например,

---

в творчестве Хаггарда, Стивенсона, Коллинза, или того же Артура Конан-Дойля

--.То есть, у тех авторов, которые в своих произведениях на первый план выдвигали описание какой-нибудь экзотики, будь то "Остров сокровищ" Стивенсона или "Лунный камень" Коллинза, -- уточнила Сандра. - Но в таком случае, с таким же успехом можно говорить о неоромантике французских колониальных романов; того же Лотти, или Фаррера? -- произнесла Сандра.

-- Я вижу, у вас тут разгораются серьезные литературные споры, -- заключил доктор Мишель. - Если не возражаете, я все же пойду спать. У меня завтра ранняя практика.

-- Но Вы, наверное, покажете, как и обещали, мне дорогу? - осведомился я.

-- К вашей Софи? - уточнил доктор Мишель. Но в его тоне больше сквозила какая-то отвлеченность, даже, скорее констатация факта, нежели ирония. Уж, во всяком случае, там не было никакой былой озлобленности. И мне даже стало как-то неловко, ибо я почувствовал, что доктор Мишель, попросту уставший человек. *Уставший* от жизни.

-- Дорогой, я тоже скоро иду, -- видно, почувствовав какое-то чувство вины перед мужем, произнесла Сандра.

-- Да ты вполне можешь еще побеседовать, -- попытался уверить жену доктор Мишель. - Тем более, что Франц, как я понял, знаком с литературой. Так что, благодаря ему, ты хоть утолишь свой "филологический голод" (и не только филологический,-- подумал я, вспомнив полученное мной недавно наслаждение).

Сандра лишь согласно моргнула глазами, выставив вперед свою мордочку (интересно, она сейчас похожа на лису. А, если разобраться, я всегда - тогда, когда напряжение от страсти уже "спало",-- почти бессознательно сравнивал женщин с какими-нибудь представительницами (а иной раз и "представителями") фауны или флоры. В такие минуты, женщины действительно расслаблялись (точнее - "позволяли себе расслабиться"), и всегда казались мне по-настоящему искренними; я бы даже сказал, что только в такие минуты женщины наиболее *искренни*.

Именно в такие (а не,-- как полагал я раньше,-- в мгновения страсти; нет, тогда они еще находятся под неким "впечатлением", порою думая о том: "какое они произведут впечатление на мужчину", и только тогда, когда все уже "произошло") минуты (а порой и секунды), женщина по-настоящему может расслабиться. И тогда можно увидеть именно ту *искренность*, какую мы так мало видим в жизни. И сейчас, Сандра, по всей видимости, находилась как раз в таком состоянии *умиротворенности*... (К тому же я вполне предполагал - и не без оснований - что в недавнем "полете страсти" был не я один; "получить свое" смогла и она. Ведь есть же женщины, которые не только рассматривают секс - как некую "жертвенность". Но и наслаждаются - не меньше мужчины. И Сандра, по всей видимости, принадлежала к их числу).

-- Я Вам так и не успел рассказать о Германии, -- сказал я, дождавшись, пока Сандра поплотнее закроет за вышедшим

мужем дверь, и усядется подле меня, положив мне на бедро свою руку.

-- Теперь Мишель не проснется до самого утра, -- пояснила она мне, видя, как я обеспокоено посмотрел на дверь, услышав там какой-то скрип. - Но уже все равно поздно. Вам, наверное, нужно отдохнуть, -- посмотрела она на меня.

-- Нет, нет, -- убежденно ответил я, хотя на самом деле спать очень хотелось.

-- Если хотите, я могу Вам сделать кофе, -- предложила Сандра. - Раз уж нам довелось сидеть на кухне, -- добавила она и, поняв утвердительно мое молчание, потянулась к кофейнику, стоявшему тут же, на плите.

-- А почему Вы сказали, что знаете о том, что встречаемые мне на улице люди ни о чем не разговаривали? - дождавшись, пока Сандра поставит передо мной маленькую кружечку с дымящимся напитком, я попробовал вернуть разговор в нужное мне русло.

-- Я Вам так сказала? - уточнила Сандра.

-- Мне показалось, что да! - осторожно ответил я.

-- Ну, во-первых, по той простой причине, что основной народ в нашем городе все же неразговорчив, -- как ни в чем ни бывало, принялась рассуждать Сандра, отмахивая с глаз спускавшиеся копны белых волос. - А во-вторых... неужели Вам так это интересно? - загадочно посмотрела на меня женщина.

-- Не знаю, -- искренне признался я. - Просто, еще вчера я не подозревал, что сегодняшний день принесет мне столько перипетий, -- задумчиво добавил я. Стоило только мне выйти на улицу, как сразу же почувствовал, что что-то должно случиться.

Сначала этот нищий... -- и я вкратце поведал Сандре, что со мной уже произошло. Как раз до тех событий, когда я оказался у них с Мишелем. Ну, может быть, свое повествование о посещении Лейзы разбавил несколькими придуманными мною деталями (вообще-то, я стараюсь быть всегда искренним, особенно, когда о чем-то -- или ком-то -- рассказываю. Но иногда бывает просто необходимым кое в чем себя ограничить, или, наоборот - как сейчас - придать рассказу небольшие подробности. Но опять же - исключительно в целях кое-какого "скрашивания" отдельных, могущих быть неправильно истолкованными, моментов).

На всем протяжении моего, в общем-то не слишком длинного, монолога, Сандра просидела необычайно тихо, даже, как мне показалось, пыталась "вслушиваться" (что, собственно говоря, ей, как оказалось, весьма неглупой женщине, может, было и свойственно; ведь "умение слушать" -- на мой взгляд было *искусство*)..

И только один раз, когда я позволил себе слишком откровенно высказаться по поводу вероятной глупости или, если быть точнее, боязливости людей в этом городе, -- Сандра "хмыкнула", слегка (одобрительно) кивнув головой.

-- Так что, не знаю, что теперь делать, -- театрально попытожил я свои откровения. - Вы у меня остались последняя надежда.

-- Ну, если не считать еще профессора Одрана, -- заметила Сандра (значит, она все-таки внимательно следила за рассказом... Или услышала только последнюю фразу и поняла, что просто обязана что-то сказать, дабы не казаться безучастной?).

-- Если честно, -- признался я, -- расставшись еще днем -- как с профессором Одраном, так и с его братом Сандерсом,-- мы условились встретиться только через несколько недель. И, что до меня, то мне, признаться, нисколько и не хочется делать это раньше.

-- Значит, Вы пробудете у нас в городе еще несколько недель? - поинтересовалась Сандра, являя пример *необычайной догадливости*. (впрочем, или время уже было -- и на самом деле -- позднее, или я слишком *заговорил* женщину, но мне захотелось поскорее закончить наш разговор, словно я опасался, что Сандра произнесет какую-нибудь "глупость"; и у меня изменится мнение о ней...

-- По всей видимости, все зависит от того, когда я все же попаду домой. В смысле, встречу с Софи, -- тем не менее ответил я. - И, если честно, мне бы очень хотелось, чтобы это произошло завтра.

-- Ну, мне бы, наверное, тоже этого хотелось, -- может, чуть медленнее, чем должно быть произнесла женщина (это меня "заинтересовало", и я несколько заинтересованно посмотрел на нее).

Заметив мой взгляд, она слегка вздрогнула (или это мне показалось?), и посмотрела куда-то в пол (то есть, "убрала глаза"... или это тоже мне показалось?).

Больше никто из нас ничего не произнес. Я быстро (несколькими глотками) допил свой - надо признать, давно остывший кофе, - и, поставив чашку на стол (блюдечко никто мне не дал) -- стал мучиться откровенным "безделием".

Сандра, неловко попытавшись скрыть зевоту (или, наоборот, показала мне, что тоже мучается *ничегонеделанием*), все так же безучастно изучала пол.

-- Ну, тогда до завтра, -- сказал я, понимая, что нужно сделать хоть какие-нибудь действия, чтобы меня "положили спать" (где я буду спать, я нисколько не догадывался. И буду ли вообще?)

-- Я Вам постелила в мужниной комнате, -- проговорила, поднимаясь, Сандра, имея ввиду, по всей видимости, их спальню (по крайней мере, она мне именно так представила ту комнату, где сейчас спал - надеюсь, он спит -- доктор Мишель).

-- Да нет, нет, -- запротестовал я. - Мне будет вполне уютно и здесь, на кухне (странно, неужели у них всего одна комната?).

-- Зачем же на кухне? - удивилась Сандра.- Вы вполне можете с Мишелем. Там у нас стоит еще один диван.

-- А Вы? - спросил я.

-- Я в своей комнате, -- ответила женщина, почему-то покраснев.

(Так значит, все-таки была еще одна комната).

-- Или Вы хотели бы со мной?

(Довольно смело с ее стороны шутить подобным образом).

-- Да нет, отчего же, -- согласился я. - Могу и с Мишелем. Хотя, признаться, с Вами бы понравилось больше, -- принимал я "правила игры".

-- Как-нибудь в другой раз, -- "пообещала" она. Причем, сказала это таким "металлическим" голосом, что я невольно

почувствовал себя юношей, которому уставшая от его
"повышенного либидо" взрослая женщина - указывает его "место".

ГЛАВА 5

Я проснулся от какого-то щемящего беспокойства. Открыв глаза, я сразу понял причину волнения. Я был один в квартире. Все еще надеясь на то, что ошибся, я встал с дивана (который был великодушно мне предоставлен семейством Муарже -- семейная фотокарточка с лицами обнявшихся Сандры и Мишеля и подписанная именно этой фамилией, стояла, это я заметил сейчас, прямо на фортепиано; вероятно, кто-то из них, должно быть, Сандра, действительно "музицировал"), и еще раз обошел все комнаты в надежде отыскать хоть кого-нибудь из этого семейства. Можно уже не говорить, что все было напрасно.

Вероятно, чтобы я не слишком сокрушался по поводу "их отсутствия" (вообще-то, мне было бы все равно, если бы только они не обещали мне сегодня показать дорогу к Софи), на кухонном столе - рядом с, вероятно, предназначавшимся мне, завтраком: кое-какие фрукты, сметана, молоко, пара сэндвичей, кусок колбасы и десяток круассанов - очень, кстати, мило с их стороны, но мне сейчас было не до еды - лежала записка, где на белоснежном листе аккуратной фиолетовой тушью, вероятно, рукой Сандры было написано буквально следующее: "Франц! Просим нас великодушно извинить. У Мишеля срочный вызов, а меня он просит ему ассистировать. Завтрак на столе. P. S. Если располагаете временем -- можете нас дождаться. По времени сложно предположить, но то, что мы еще встретимся - наверняка. Просим не судить излишне строго. Семейство Муарже".

Еще раз, повертев в руках бумажку, я подумал, что, вероятно, женщина хотела мне сказать что-то еще. Но - не решилась. Или ей кто-то в этом помешал...

Я задумался. Если исходить из ее вчерашнего поведения, то можно было бы сделать вполне однозначные выводы по поводу того желания, которому она так неосмотрительно вчера поддалась. Ведь, по всей видимости, подобное в ее жизни случается не часто. Мишель, вероятно, типичный сноб. Да и бывал ли он хоть чем-нибудь доволен - предположить было невозможно. Скорее всего - нет. Хотя и можно допустить, что его сделала таким жизнь. Жизнь... Я начинал понимать, что семейство Муарже стало слишком много места занимать в моих мыслях; и потому, еще раз окинув пустующую квартиру (словно желая в очередной раз убедиться, что на самом деле никого нет) я вышел на улицу (все тот же треклятый тротуар), и медленно пошел в сторону, причем, по поводу "стороны",-- это было, на самом деле, выбрано так произвольно (то есть, "не выбрано"... "не выбрано",-- потому как я и не выбирал), что через несколько десятков (а, может, и сотен, метров) я понял, что иду по какому-то - уже известному мне -- маршруту. Отчего-то решив, что так быть не должно,-- я свернул в несколько первых попавшихся мне закоулочков, потом прошел под низкорастущими яблонями -- по-моему, то были именно яблони, правда, какой-то невиданный ранее сорт,-- после перешел через небольшой мостик (перекинутый через расплывшуюся лужицу), еще раз куда-то свернул, поднялся в горку (и какое-то время шел по ней, не спускаясь), а потом спустился где-то - уж не знаю и где я был - по горку, еще раз куда-

---

то свернул, и неожиданно очутился прямо перед домом виденной мною вчера девушки, с которой я тогда чуть не столкнулся.

Увы, если удалось "не столкнуться" тогда, то это - как оказалось - совсем не означало что этого удастся избежать сейчас. Причем, так получилось - что, то ли я как-то слишком быстро сбегал с горки, то ли девушка - не в пример прошлому разу - резво выскочила из калитки, но только мы столкнулись друг с другом; да так, что ее ножки каким-то образом попали в жернова моих (спешащих... ведь я действительно спешил) ног, и, запутавшись в них, она была вынуждена "подчиниться закону всемирного тяготения" (другими словами, ей ничего не оставалось, как попросту упасть).

Единственно, что еще было возможно сделать на моем месте - и я это сделал - то это только постараться как-то смягчить ее падение, упав под нее...

На удивление, девушка оказалась чуть тяжелее, чем это предполагала ее хрупкая фигурка.

На всем протяжении своего "полета" не проронив ни слова, она все же позволила себе смущенно улыбнуться, в душе вероятно веселясь от курьезности случая. Но тут же (видимо опасаясь быть "застигнутой" в такой "недвусмысленной" позе), она быстро вскочила и, нисколько не собираясь мне даже попытаться что-нибудь ответить, двинулась дальше. Уже медленней и слегка прихрамывая (ну, вот, не хватало еще кому-то из-за меня испытывать неудобства...).

-- Девушка! Извините меня, пожалуйста, -- попробовал я прокричать ей вслед (вообще не терплю, когда кого-то приходится догонять), но неожиданно (конечно же, неожиданно для меня) она

обернулась и, по всей видимости, постаралась придать своему взгляду *выразительность* и *строгость* (или выразительную строгость); однако, из этого ничего не получилось, и я -- впервые, может,-- заметил, что передо мной стоит, просто-напросто, еще "ребенок".

-- Я не очень Вас ушиб? - постарался как можно мягче, произнести я.

Несмотря на, казалось бы, простой вопрос, девушка продолжала хранить молчание.

Только глаза ее слегка приоткрылись еще шире.

-- Может, она немая! - подумал было я, как (видимо опасаясь: что я могу именно так и подумать),-- она решила что-то ответить.

Однако, это было сделано столь тихо, что мне ничего не оставалось, как только задать ей еще один вопрос. Тот, который уже вертелся у меня в голове.

-- Почему Вы меня боитесь? - спросил я, хотя, быть может, надо было просто "спросить дорогу" к Морскому вокзалу, да уйти поскорее прочь. Девушка и вправду чего-то боялась. (А может -- меня?).

На вид, как мне показалось,-- ей было лет 16-17. Роста она была совсем небольшого; фигура еще только начинала приобретать женское очертание. Волосы были длинные, заплетенные в косичку, и по цвету напоминающие спелую тыкву.

А глаза казались настолько выразительны, что, взглянув в них всего один раз,-- хотелось смотреть снова и снова...

-- Меня зовут Катрин, -- наконец-то произнесла девушка (Голос у нее еще был совсем детский, но уже звучали нотки женщины. Женщины, желающей казаться взрослой, самостоятельной и уверенной в себе. Однако, быть может, это так и будет. Когда-нибудь. В будущем. Но сейчас это было совсем не так. Или, скорее, так совсем не было. И потому, еще раз взглянув на Катрин, я почувствовал легкие уколы совести. Как будто ее в чем-то обидел).

-- Вы живете одна в этом доме? - спросил я, имея ввиду тот дом, из которого она недавно вышла, и около которого мы все еще стояли.

-- Нет, -- ответила Катрин, -- с мамой и старшим братом.

Кивнув, я позволил себе улыбнуться. (Я задал этот вопрос просто потому, что надо было что-то спросить,-- чтобы услышать от нее хоть какой-нибудь ответ. Когда тебе кто-то отвечает,-- он, словно поближе "пододвигается" к тебе по невидимому мостику между вами. И немножечко открывает себя. И когда это происходит, человек начинает понимать, что на самом деле, ничего страшного не происходит; то есть, Вы, как будто бы, и не такой страшный, как то показалось вначале; ведь часто так выходит, что "страшен" или неприятен нам не какой-то конкретный человек,-- а тот образ, который мы вместо него придумали. (хотя, на самом деле, ... красота или красота с частицей "не" - не имеет никакого значения. Иной раз опасен не сам конкретный человек, а тот образ, который мы видим в себе подобном живом человеке).

Не желая больше смущать девушку,-- я,-- словно "между прочим",-- поинтересовался: не знает ли она -- как мне найти Морской вокзал?

-- Морской вокзал, -- испуганно произнесла девушка. - Нет, я совсем не знаю, -- поспешила добавить она, хотя я понимал, что она меня обманывает.

-- Я живу от него неподалеку,-- как можно вежливее ответил я, совсем не понимая, что заставило девушку испугаться.

-- Вы там живете? - неуверенно произнесла она, недоверчиво на меня посмотрев.

-- Меня зовут Франц, -- как можно дружелюбнее представился я. - Я ученый. Из Германии. А в ваш город я приехал по приглашению семьи Моро, у них же и остановился, -- постарался я как можно больше предоставить сведений о себе, надеясь, что, быть может, хоть это убедит девушку, что я вовсе не опасен. (Хотя, в чем может выражаться эта самая "опасность" - я не знал. Ведь для любого страха предполагается хоть какая-то причина. Это также верно, как и то, что причина страха кроется в "неизвестности". А когда неизвестность перестает быть таковой,-- ее уже "не бояться". Ну, и значит...).

-- Меня еще знает семья Муарже: Сандра и Мишель. Профессор Одран. Лейза - она живет здесь рядом, в нескольких кварталах от Вас, -- зачем-то стал перечислять я всех знакомых в этом городе.

-- А почему же Вы тогда не спросили у них? - вырвалось у Катрин, но она тотчас же смутилась столь откровенно проявлять свою "заинтересованность".

-- Видите ли, мне очень важно попасть она Морской вокзал. Как я уже говорил, рядом с ним я живу. А ведь меня, должно быть, уже хватились. Я не могу и дальше доставлять столько неудобства. Пожалуйста, помогите мне. Неужели Вы не знаете, как пройти к этому вокзалу?

(Посмотрев на девушку, я был уверен, что она знает. Но, не заставляя же ее мне признаваться "силой"?).

-- Хорошо, -- наконец-то согласилась она. - Однако, с Вами я туда не пойду. Я просто расскажу Вам дорогу.

-- Спасибо Вам огромное, а то я уже, было... - начал благодарить я, но девушка выставила предостерегающий жест рукой.

-- Пожалуйста, не надо меня заранее благодарить, -- попросила она.

Удивленный, я замолчал.

Девушка как можно доходчивее постаралась мне объяснить, куда же я должен идти. Выходило, что я, вроде бы, и находился неподалеку; однако, в тех поворотах, о которых постаралась поведать мне она (неужели можно постоянно идти, сворачивая то направо, то налево, неужели нет более прямой дороги?), вскоре была готова запутаться и сама девушка. Так, по крайней мере, мне показалось.

-- Подождите, -- взмолился я. Тут надо быть математиком, чтобы подсчитать все количество пересекаемых улиц, на которые должен сворачивать я. Давайте, если можно, сначала. А я постараюсь начертить какую-нибудь схему того, что Вы мне будете рассказывать.

Девушка, как ни в чем ни бывало, стала мне объяснять все сначала, а я, присев и поднимая только голову (слушая ее), принялся чертить на земле (благо что пыли в этот жаркий солнечный день было достаточно) черточки, обозначающие ту дорогу, по которой мне предстояло сейчас пройти.

Когда Катрин закончила свой рассказ, я взглянул на то, что получилось. По всему выходило, что, чтобы следовать тому, что здесь оказалось нарисовано, следовало, по крайней мере, иметь постоянно перед глазами составленную карту. Столько там было поворотов, зигзагов, хитросплетений будущего пути, что невольно задумался, а смогу ли я вообще попасть туда, куда мне было нужно? Неужели я смог самостоятельно так далеко забраться?

Девушка, по всей видимости, вполне разделяла со мной мои опасения, а потому, замолчав, лишь задумчиво рассматривала со мной получившуюся схему. Скорее всего, она сама удивилась подобному "схематическому результату".

-- Ну, что ж, -- поблагодарил я (обеспокоено поглядывавшую на меня) девушку, вставая и разминая затекшие от долгого сидения на корточках ноги. -- Постараюсь следовать описанному Вами маршруту, -- взглянул я еще раз на схему, запоминая все, необходимые мне сделать, повороты. - Вправо... влево... еще влево... прямо... снова влево... два раза вправо..., -- еле слышно повторял я про себя, понимая, что запомнить подобное будет весьма сложно. Но иного мне ничего не оставалось.

-- Мы, должно быть, уже никогда не увидимся..., -- произнес я, поворачиваясь к девушке.

-- Почему же?! - в первый раз не опасаясь своей же собственной улыбки, воскликнула девушка, кокетливо разыгрывая недоумение.- Я назавтра приглашена к дяде Рене (к моему удивлению, она назвала имя отца Софи) на его День рождения.

-- Вы знаете Рене и Оми Моро? - недоуменно посмотрел я на Катрин, еще не успев до конца осмыслить то, что она знала родителей Софи.

-- Дядя Рене, приходится двоюродным братом моей матушке, -- как ни в чем ни бывало пояснила Катрин Удивительная девушка,-- подумал я.--Там, где нужно смущаться - она не смущается. А там, где вполне можно показать свою искренность,-- пугается чего-то...).

Только сейчас, еще раз взглянув на начерченную со слов девушки карту, я увидел, что последняя, отмеченная девушкой стрелка, ведет не к самому Морскому вокзалу, который был обозначен пароходиком, а к стоявшему неподалеку трехэтажному домику, даже внешне очень похожему на тот, где я остановился.

-- Так подожди..., -- я задумался, посмотрев на Катрин. - Выходит, что ты приходишься троюродной сестрой Софи?

-- Да, -- отвлеченно, словно здесь находилась не она, а лишь ее тень, проговорила девушка.

-- Так почему же ты мне об этом раньше не сказала?! - вспыхнул я, вконец сбитый с толку услышанным.

-- Видите ли, -- как ни в чем ни бывало, ответила девушка, -- моя матушка в последнее время не очень-то дружит со своим братом (моим дядей, -- пояснила она специально для меня), а потому до сих пор находится в сомнениях: стоит ли нам

воспользоваться его "приглашением". К тому же, тот район, где он проживает (а туда, куда сейчас собираетесь отправиться Вы, -- пояснила она тоже специально для меня), как бы это выразиться... -- девушка сделала задумчивое лицо, пытаясь подобрать правильное слово, -- носит... не очень хорошую славу, -- наконец-то нашлась она, но было видно, что она слегка недовольна? Получилось не совсем то, о чем бы она хотела сказать...

Я решил не мешать Катрин, и продолжал, не отрываясь, смотреть на нее.

-- Понимаете..., -- снова начала она. - В последнее время там, где сейчас проживает дядюшка Рене, стали происходить не совсем объяснимые вещи. А, если учесть, что многое в нашем городе и так может быть не совсем верно истолковано (ведь Вам, вероятно, уже пришлось с этим столкнуться? - посмотрела на меня Катрин. - Я утвердительно кивнул головой), то обстановка, складывающаяся в их районе, и вовсе загадочна.

-- А что ж там может быть загадочного? - позволил себе удивиться вслух я.

-- Понимаете, -- Катрин посмотрела на меня взглядом, схожим с тем, как смотрят на маленького мальчика взрослые дяди и тети -- в ответ на его по детски нелепую попытку судить о взрослых вещах. - Я не знаю, когда это произошло, но случилось именно так, что наш город был разделен на несколько районов (разделен негласно, разумеется, такого Вы не увидите ни на одной официальной городской карте); и жители любого из этих районов, стараются не посещать остальных. Вы меня понимаете? - спросила Катрин, заметив, должно быть, мои немного выпученные от

удивления глаза (самому на себя мне, если честно, в такие моменты смотреть не доводилось. Но уже не раз кто-то меня уверял, что когда я слышу какую-нибудь важную,-- или, попросту, интересную для себя информацию,-- то смотрю как-то "по особенному" ...).

Если честно, я уже давно ничего не понимал. Но сказать об этом девушке,-- было равносильно признаться... Черт знает в чем, на самом деле, это означало "признаться". Но ни о чем подобном я спросить девушку не мог. А она... Она, видимо, не замечала каких-то особых противоречий, бушующих внутри меня. И с удовольствием продолжила бы "общаться" со мной и дальше, если бы... если бы внезапно та самая калитка, откуда она вышла, вновь не отворилась, и прямо перед нами (надо ж, оказывается, с момента нашей встречи мы не сдвинулись и на шаг) не появилось недовольное лицо пожилой женщины, которая, слегка сгорбившись (то ли от работы, то ли от старости; хотя, присмотревшись, я увидел, что не такая уж она и "старая": пятьдесят пять, ну шестьдесят, не больше), и недовольно покачивая головой, погрозила Катрин пальцем, прошипев, что мол, негоже так долго задерживаться на улице с незнакомыми мужчинами.

На меня она посмотрела весьма неприветливо.

-- Вы извините, я просто спросил у Катрин как мне пройти... -- попробовал было я вступить за девушку, но видно зря произнес ее имя, потому как вздрогнув при упоминании его,-- женщина еще сильнее нахмурилась, и махнула куда-то вперед, желая, видимо, чтобы я поскорее убрался отсюда.

Не понимая причину такого недовольства, я взглянул, было, на Катрин, но на ее лице застыл такой страх, словно ее мать (а эта женщина, по всей видимости, была ее матерью) застала ее с мужчиной в постели, а не на улице. А еще через мгновение, старуха пошире приоткрыла калитку, и я уже машинально потянулся взглянуть, что скрывалось за ней, но увидел лишь всю ту же дверь, захлопнувшуюся за проشمыгнувшей вовнутрь девушкой. Старуха осталась снаружи, видно, решив самолично удостовериться, что я уйду.

Естественно, мне ничего не оставалось, как последовать "в указанном мне направлении". Я даже не подумал еще раз взглянуть на схематические наброски плана правильного пути. И еще долго во мне все кипело. Я вообще всегда быстро заводился. Но в последнее время заметил, что порывы внезапной ненависти стали иметь во мне некий, если так можно выразиться, признак "эпизодичности". То есть, попросту, это уже не происходило так часто, как раньше. И даже напоминало какую-то... *избирательность*, что ли...

Другими словами, в иные мгновения я "взрывался как бомба" (в которой вместо взрывчатки было -- требующая "восстановления нарушенной справедливости" -- моя душа); в иные же разы, я наоборот: только отмечал про себя, что пора бы уже, вроде как, "и взорваться", -- но даже не возгорался во мне фитилек, который был бы привести огонек к детонации...

А порой я оставался совершенно спокоен к происходящему. Вот ведь как бывает... И так, кстати, было и сейчас. Мне бы вовремя вспылить, урезонить распоясавшуюся

старуху - ведь "на карте" стояло мое сегодняшнее "попадание
домой"... Ан нет. Промолчал.

С чем себя и мог "поздравить": куда дальше идти - я не
знал!

К своему удивлению, только отойдя от странного дома
(странный дом, странная старуха, странная девушка, странный
город...)-- я постучал в первую попавшуюся калитку.

Однако, как и следовало ожидать, чуда не произошло.
Мне не только никто не открыл или хотя бы откликнулся, но я
даже поначалу не понял, есть ли кто в доме?

Но там, конечно же, кто-то был... Бесшумная тень,
скользнувшая в оконном проеме (вероятно, сначала кто-то хотел
посмотреть, но потом передумал, опасаясь оказаться замеченным)
служила тому бессловесным подтверждением...

Разозлившись, я со всей силы саданул ногой по калитке.

Ответом мне послужил лишь надсадный скрип
натруженных петель...

Осознав, что больше меня здесь "ничего не ждет", я - уже
из безысходности - повторил свой "удар", а потом (не знаю что на
меня "нашло") проделал то же самое с калиткой другого домика.
Но результат был один и тот же. Разве что, за исключением того,
что теперь никакой "тени" я не заметил (А, может, и в первый раз
ее тоже не было?). Запертая изнутри калитка, кстати, скрипнула
так же.

-- Ну что вы все попрытались! - закричал я скорее от отчаяния, чем от того, что действительно надо было кричать.

- И как в таком городе можно было жить?-- пронеслось у меня в голове.

В бессилии от происходящего, я окинул презрительным взглядом окружающий меня город и внутренне содрогнулся от увиденного. Сегодня он показался мне еще более жалким. Обшарпанная, местами заметно облупившаяся штукатурка некогда желто-серо-красных домов (краска казалась настолько старой, что я был не уверен, красили ли дома при жизни многих их обитателей)... Да и весь город, являл какой-то жалкий пример погруженного (в высвеченную полуденным солнцем пыль) в хаос некогда жилого массива... Теперь казавшегося - унылым, мрачным, и опустевшим...

У меня возникло желание тотчас же покинуть этот город. Надо было лишь найти (опять найти?) железнодорожный вокзал, взять билет на ближайший поезд до любого немецкого городка (тогда я даже забыл, есть ли прямая ветка до Берлина), и поскорее умчаться отсюда прочь.

Но сейчас это было делать еще рановато. Надо было хотя бы найти Софи. Она-то - мне почему-то казалось, что это будет именно так - сможет объяснить мне, что же у них тут на самом деле происходит.

-- Странно, - подумал я. - Но вчера, ни сама Софи, ни ее почтенного вида мать, Оми, ни о чем подобном не обмолвились. Да и Рене ничего не сказал. Вообще, меня никто ни о чем не

предупредил! - вскипел я, чувствуя, что сейчас начинал ненавидеть всех и вся.

(-- А что они тебе должны были сказать? - спросило мое второе "Я").

-- Ну, хотя бы намекнуть, что город их "не совсем обычен", -- вступил я в диалог с самим собой. (Вообще подобное со мной случалось частенько... Особенно в последние несколько лет... Крупных ссор пока не было... Но спорили мы иногда -- до безумия... И в момент подобного "безумия", отчаявшееся меня "образумить" мое второе "Я" куда-то исчезало; и лишившись "собеседника",-- я успокаивался...).

(-- И ты бы в это поверил? - спросило меня мое "Я").

-- Да не поверил, конечно, - признался я сам себе.--Но, по крайней мере, сейчас бы так не удивлялся.

(-- Да полно тебе, неужели так удивлен?).

-- Взбешен, ... понимаешь, -- взбешен! - продолжал вести я внутренний диалог.

-- Ну, соберись, значит, -- предложил мой "оппонент" (когда - "друг", когда - "оппонент",-- подумал я).--И вместо того, чтоб разглагольствовать впустую,-- лучше подумай, как будешь выпутываться.

-- Это уж точно, -- согласился я.

Мы пришли к неожиданному единодушию. А значит,-- и "примирению" друг с другом.

Я понял, что можно было сколь угодно еще клясть "почем зря" этот чертов город, но ни к чему бы *позитивному* это

не привело. Ведь в знаменателе,-- стоял все тот же --
вопросительный знак.

И с каждой проходившей минутой,-- он становился "еще жирнее".

Надо было идти искать Софи. "Стоять на месте - это значит, идти назад" - вспомнил я слова Конфуция, и поэтому попросту пошел вперед. Любой шаг вперед, по крайней мере, приближал меня к заветной цели... Или отдалял от нее, -- подумало мое второе "Я".

ЧАСТЬ 2

ГЛАВА 1

Молодая женщина, судя по возрасту - даже девушка, шла домой в том веселом расположении духа, которое бывает свойственно только влюбленным людям. Наконец-то небо услышало ее молитвы (а Софи - это была именно она -- была необычайно верующей протестанткой, прихожанкой церкви Св.апостола Павла). Конечно, в последние несколько лет, ее "вера" подверглась небольшой "трансформации". Виной чему - дружба с Францем.

Вообще же, как почему-то считала бабка Софи,-- Августина Луаварье,-- ничего хорошего дружба с Францем ей дать не могла. Но сама Софи так не считала.

Да и ее бабка,-- особо не настаивала. Августина Луаварье,-- была весьма экзальтированная старушонка, 85 лет отроду,-- происходившая из некогда знатного рода, одной из ветвей которой - этого, правда, никто никогда не проверял, но со слов бабки было именно так - значились даже монаршие особы (факт, надо заметить, весьма спорный, как всегда считала Софи. - Но, если бабушке того хочется, то пусть будет именно так). Ну а вот чего Софи знать не могла,-- так это о былой "дружба" ее бабушки - с дедом Франца (тоже Монтестье).

Когда-то они весьма близко знали друг друга (об этом факте ни она, ни -- и о том она была уверена - Франц, никому никогда не говорили). Да и уже, наверное, не скажут. Франц умер, а она... А она не скажет по той простой причине, что, несмотря на поспешное "бегство" ее возлюбленного, который, узнав, что молоденькая курсистка забеременела, предпочел просто уехать из

страны и перебраться в Германию,-- всегда продолжала его любить. И даже несмотря на то, что, как ей стало известно, ее бывший возлюбленный, в Германии женился и у него родился сын. Но вот тут уже и начинается самое интересное. Потому как,-- решила рожать (а потом и родила) - и Августина. Родила, получается, брата, сводного брата тому мальчику, который родился у Франца в Германии. И решила рожать она, даже несмотря на сопряженный с этим, разрыв со своими родителями; не пожелавшими воспитывать чужого отпрыска, их внука.

Правда, все переменилось после того, как Августина неожиданно вышла замуж за Карла Моро. И тот был весьма рад появившемуся вскоре первенцу, который был на самом деле сыном Франца, но,-- незнающий "о беременности своей невесты от другого",-- Карл считал "своим"; он назвал его Рене; а у того, в свою очередь, родилась дочка, Софи, которая через много лет и имела несчастье познакомиться с внуком Франца Монтеские, бывшего "жениха" ее бабки, и который, опять же, приходился Софи никем иным, как кузенком (но она об этом, конечно же, не знала).

С самого первого дня, даже с самой первой минуты их знакомства, Софи знала, что любит Франца. А так как ее отец с детства научил ее добиваться поставленных целей, то она была уверена, что рано или поздно, но Франц обязательно на ней женится. По крайней мере, она приложит к этому максимум усилий. А значит,-- все получится именно так, как она задумала.

И сейчас, когда Франц наконец-то закончил свое обучение в Университете (какое уже по счету?), Софи надеялась, что именно теперь, он сделает ей "предложение".

А это значит, что скоро Софи примерит свадебную фату. А еще через время, их дом огласит крик младенца, их (ее и Франца) младенца. Первого. Ибо всего она хотела иметь три... пять... семь... в общем, много детей... А, если она этого хотела, то что же сможет ее остановить?..

В своем последнем письме (в вынужденной разлуке они писали друг другу письма), Франц сообщил, что намерен продолжить обучение. Собирался получить ученую степень; но Софи верила, что это (как писал Франц) "еще под вопросом" (на самом деле, "вопрос" давно был решенным; просто Франц не хотел заранее травмировать девушку и посчитал, что лучше ей все объяснит при встрече). Главное, что он придет.

И когда Франц сообщил ей о дате приезда, она сама пошла его встречать на вокзал; несмотря на то, что время было слишком раннее; да еще среди недели; и попросту хотелось спать; а еще надо ехать в институт; ведь занятия пропускать никак нельзя; а еще... а еще были и другие причины; но разве могли они перевесить -- на чаше весов судьбы -- то, что приезжал Франц?! Ведь это и было для нее самое главное!..

И вот сейчас она бежала домой. Рабочая неделя наконец-то завершена. И она могла со своим "любимым" -- провести целых два дня! Вместе! Наедине! Ну, или почти наедине (ведь с родителями тоже надо было считаться). Хотя они ничуть и не

мешали. И даже наоборот. Ведь, именно родители были "инициаторами" того, чтобы Франц остановился не в какой-нибудь гостинице, а именно у них. И именно родители предложили, чтобы Франц разместился именно в ее комнате. Потому как давно уже не сомневались, что Франц в скором времени станет полноправным членом их семейства.

Да Франц, пожалуй, считал точно также. И даже о чем-то подобном (правда, как-то расплывчато - но она с легкостью списала все на привычную неуверенность Франца) сообщил ей когда приехал, и выслушал все новости, с которыми делилась с ним девушка. А еще, -- почти то же самое, -- он повторил у нее дома. При родителях. И получалось, что он, вроде как, приехал просить ее руки.

И, хотя это было совсем не так, -- все знали, что Франц приехал просто навестить свою возлюбленную, ибо, несмотря ни на что, пока они вынуждены были жить далеко друг от друга даже в разных странах (хотя, что в XX веке каких-то несколько сот миль) - получилось, что это было так. (В своих снах - да мечтах; но что такое сны, -- как не выражение какой нашей мечты). И сейчас дело было только за родителями Софи. Но она знала, что они, конечно же, согласятся; да они и были согласны; просто хотели объявить это "в праздничной обстановке", которая и планировалась в конце первого дня пребывания Франца в их городе.

И сейчас Софи бежала домой; и думала она, что там ее ждет Франц. И совсем не представляла Софи, как же ей дотерпеть до того момента, когда ее родители - начнут говорить Францу

столько прекрасных слов. И когда он (фантазии уже полностью захлестнули воображение девушки) она, Софи, пойдет с Францем в церковь... Ведь запомнит она этот день на всю свою жизнь... Потому как - будет этот день - днем их помолвки... А после будет праздничный ужин... И придет много гостей (все больше знакомые папы и мамы, но и ее тоже... Вот только у Франца родственники далеко, в Германии)... И сядут они все вместе за праздничный стол... И будут наслаждаться едой (она с мамой, специально для этого случая, испекут праздничный пирог), и все будут говорить только хорошее, и всем будет только весело, и все будет именно так. Потому что она этого хочет. А если хочет она...).

Вот только не знала Софи, что не застанет она дома Франца. И будет ждать его, замерев у окошка... Но... не дождется. И уже будет полночь - а его все не будет... Уже и забрезжит рассвет,-- а Франц все не возвратится... Уже и солнце выйдет (знаменуя собой наступление нового дня),-- а Франц еще не придет... И тогда Софи решит искать его (несмотря на уговоры отца, который предложит известить об исчезновении "будущего зятя" полицию)... Но он не сделает этого, ибо попросит его о том жена, которая отправится вместе с дочкой -- на поиски "пропавшего"... Да и отец Софи - пойдет вместе с ними...

И втроем обойдут они все близлежащие улочки да закоулки... И в конце концов,-- решат разделиться... И каждый должен будет "прочесать" выделенную именно ему местность... Что они и начнут делать... И что они, вероятно, делают и сейчас...

ГЛАВА 2

Уже ни о чем не думая, я пошел вперед. Мельком взглянув на солнце, я отметил про себя, что у меня еще есть в запасе несколько часов уходящего дня... Ну, может, еще час можно будет *отдать* вечеру... А после - наступит ночь... Опять наступит ночь! А это значит, что уже двое суток я блуждаю по этому чертову городу... Двое суток без моей Софи...

Внезапно пришедшая в мою голову мысль, заставила ускорить шаг. Я уже не оглядывался по сторонам, пытаюсь отыскать за виднеющимися тут и там заборами людей, у которых мог бы спросить... Ничего я не мог. Ведь они бы мне все равно не ответили... И даже не стоило отвлекаться на подобное... Как оказалось, совершенно бесполезное занятие...

Пройдя, как минимум, час - часы мои остановились еще утром, но внутренний голос *считал* именно так - я наконец-то вышел к тому месту, где, и это я помнил совершенно отчетливо, вчера мне повстречался нищий. Нищий... Не он ли послужил причиной всех бед? Или, скорее, их *предзнаменованием*? Ибо хоть в судьбу, как и в Бога, я не верил, но, как ни крути, со вчерашней встречи с нищим все и началось.

Или все же эта встреча явила собой начало "открытия правды" об этом городе?.. Городе, где жила Софи... И где, волей обстоятельств, мне довелось оказаться...

Уделив "размышлениям о нищем", ровно столько времени, сколько необходимо было чтобы почти убедить себя: что

это действительно была "нелепая случайность", я готов был вновь тронуться в путь, как мое внимание привлекло пение. Пение, бесспорно уже известное мне. Это опять был нищий. Тот самый... Вчерашний...

Я огляделся вокруг, выискивая знакомую долговязую фигуру, но никого не увидел. Не может быть! Ведь я точно только что слышал (сейчас пение прекратилось) это отвратительное пение не попадающего в воображаемые ноты гнусавого голоса?! Но поблизости действительно никого не было!.. И чтобы это значило?.. Я не мог ошибиться! Значит, он попросту стоит в другом месте, а отрывки его голоса случайно доносит сюда ветер, но... ветра-то не было?! Солнце - правда, уже не такое палящее, но еще значительно припекающее - было. Бесконечные улочки, лишь в каких-то местах пересекаемые другими - тоже были. Проклятые заборы и покосившиеся домики - и те были. Но не было нищего.

-- Да на черта он мне сдался, -- подумал, было, я, как пение началось снова, и, вновь (теперь уже гораздо внимательнее) прислушавшись, я наконец-то увидел "певца".

Только для этого мне пришлось поднять голову вверх. Высоко-высоко, метрах в десяти от земли, сидел то самый нищий, для чего-то водрузившись на самое высокое (из растущих по близости) дерево. Он восседал на широченной ветке как на троне, одетый в точно такое же (вчерашнее) тряпье, и единственное, что в нем прибавилось, -- это дурацкого вида колпак (по типу тех, какие носят дирижеры некоторых оркестров, или... умалишенные...), водруженный (должно быть, торжественно) на его голову.

-- Эй! Ты чего туда залез? -- прокричал я (обращаясь, конечно же, к этому оборванцу), и посмотрел на нищего, ожидая от него хоть какой-нибудь (интересно, какой?) реакции.

Но ответа не последовало.

-- Немедленно слазь! -- прокричал я снова. И вновь был тот же самый результат.

Спроси меня, кто: зачем мне был нужен нищий? И... не ответил бы я... Ведь и сам толком не знал... Но быть может, я у него собирался выпрашивать нужную мне дорогу?... Да и почему бы нет?! Ведь нищие, бродяги и прочие отщепенцы,-- всегда отличались своим неприятием общепринятых правил (правил "игры"... Играя, впрочем, в какие-то свои, только им известные, игры); а потому так могло случиться, что именно от них (а один из представителей которых сейчас располагался на дереве) я и добьюсь ответа... Если, конечно, этот "ответ" вообще был... Что-то я стал разувериваться во всем... (Но тому и причины, как будто бы, были... Ведь, разве могло *в действительности* происходить то, что со мной происходит в этом городе?... Да и скажи мне кто об этом неделю, две, месяц, год назад... -- и я бы посчитал подобного человека сумасшедшим... Как минимум... А теперь выходило так - что сумасшедшим становлюсь я...).

Проторчав еще с десяток минут около дерева, на котором по прежнему находился не замечавший меня (или -- не желающий замечать?!) нищий, я, чертыхнувшись про себя (причем, несколько раз!), пошел дальше. Настроение и так было не ахти какое... А теперь оно испортилось окончательно...

Однако, вскоре у меня появился повод *обрадоваться*. Да это, видимо, и не совсем точно передаст то мое чувство, которое я внезапно испытал. А дело все в том, что я только что понял: если сегодня я увидел нищего на том же самом месте, что и вчера, -- то значит, -- где-то рядом должен быть и дом Софи! По крайней мере, вчера (сейчас я стоял и вертел в разные стороны головой - в поисках этого самого дома), он был неподалеку. Ведь, чтобы мне натолкнуться на нищего, -- достаточно было пройти несколько минут...

Ну, конечно же! Вот и тот самый дом! Несколько этажей (Софи живет на третьем), свежевыкрашенный, необычайно насыщенный бордовый цвет фасада, да и забора дурацкого нет... Да и Софи, должно быть, заждалась...

Я быстро вбежал в подъезд, поднялся на нужный этаж и... замер на месте. Что было лучше: позвонить или постучать?.. И что мне сказать в ответ?.. Меня ждут уже вторые сутки, а я стою около порога и размышляю о мелочах! Я с силой надавил на кнопку дверного звонка. "Открывайте, это я!" -- прокричал, было, я (естественно, про себя), но... но мне никто не открывал! Вот это да!.. -- пронеслось в голове, пока я с силой вдавливал палец в дверной звонок. Но дверь действительно никто не открывал! Ее вообще никто не мог открыть! Ведь в квартире никого не было...

Но я-то об этом не знал! Постояв еще какое-то время, и чувствуя себя вконец одураченным, я стал медленно спускаться со ступенек... Что я мог подумать?.. О чем вообще -- мне надо было думать?.. И надо ли было вообще... думать?..

Удивленный всей этой нелепой ситуацией (и уже подспудно считая ее ничем иным, как одним из звеньев единой цепочки всех тех "странностей", которые я наблюдал в этом городе) я в нерешительности остановился около лавочки перед парадной, зачем-то посмотрев на окна квартиры Софи. Из них, естественно, никто на меня не смотрел. А что я думал, -- Софи с родителями по каким-то причинам решили мне не открывать дверь и сейчас все втроем прильнули к окнам?.. Бред какой-то?! Неужели я об этом сейчас думал?!

...Тем не менее, я зачем-то еще раз посмотрел наверх (скорее всего, к окнам меня тянуло инстинктивно; хотя и трудно найти какое-либо объяснение подобным "инстинктам"), и решил... обойти вокруг дома... Вот уж, поистине непостижимо, что мной руководит (вообще-то, этим "руководителем" должен быть как у всех нормальных людей - разум. Но может быть я ненормальный?).

Естественно, я никого не заметил (а что я хотел увидеть - разгуливающую вокруг дома "троицу"?).

Постояв еще минуты с две в нерешительности, я допустил единственно возможное, что может и давно стоило подумать: Софи -- а с нею и ее родители -- отправились на поиски... меня...

Вот только вопрос, когда она ушли?... (Это я к тому, -- что ведь, вполне возможно, они уже могли вскоре и вернуться...).

И я остался ждать их возвращения.

ГЛАВА 3

Профессор Клод Одран был высокий, сухошавый, жилистый старик, с длинными седыми волосами, острым носом и слегка смеющимися (особенно когда он начинал какой-то - ставшей особенно свойственной ему в старости - критической оценке происходящее) подслеповатыми глазками. Очки профессор носить не любил. Хотя они у него всегда присутствовали. И если была на то действительно необходимость, он (кряхтя и фыркая), напяливал их на свой длинный нос.

Сегодня профессору приснился весьма скверный сон. Будто его, почему-то одетого в мушкетерский камзол, да еще и "связанного"(?!), какие-то люди в черных длинных балахонах (так что совсем не видны были их лица, но он был уверен, что это были мужчины) повели, сначала по длинным коридорам казематов - он четко различал сырой подвальный запах стен и даже видел холодные, мокрые, с покрытым сверху мхом, торчащие из этих самых стен красные кирпичи - а потом вывели на воздух - резкий порыв бросающегося в лицо воздушного потока мешал дышать - и приковали к скале. Когда он оказался прикованным к скале,-- внизу разбивались о берег огромные волны начинавшегося шторма...

Ничего больше с ним не произошло (скорее всего, этому помешал звонок заведенного с вечера будильника), но... профессор лежал сейчас в своей кровати, широко раскрыв глаза и не зная о том, как же ему следует этот сон истолковать?..

Раньше,-- когда профессор Клод Одран был значительно моложе (а тем более когда еще и не был он профессором), он настолько был занят наукой, что во сне ему снились только какие-то научные открытия. На другое он попросту не обращал внимания. И, быть может потому, дожив до седин,-- оказался один. Без жены (которой никогда и не было), детей (тоже не было), или каких-то родственников (если с кем-то когда и поддерживал отношения, то это было настолько давно, что сейчас он даже не знал: жив ли был кто из них?..).

Но это было раньше... Сейчас профессор уже не мог быть столь "беспечен"... И уделял снам - самое серьезное внимание... (Над чем бывало шутил его братец...).

Ну а как было иначе?.. Ведь, с каждым днем, с каждым часом, с каждой прожитой минутой, Клод Одран чувствовал, как подступает старость. И просто вынужден был (для своего же самосохранения) обращать внимания - вообще: "на все".

Профессор Одран наконец-то спустил свои худые стариковские ноги с кровати, и подошел (и походка давно уже была старческая,-- словно мимоходом отметил он) к одному из окружавших его комнату книжных шкафов.

-- Где же "она"?.. Где же "она" может быть? - мучительно всматривался в плотные ряды простиравшихся перед ним книг.-- Ведь наверняка, в ней скрывается какой "ответ"... осталось только найти ее...-- руки профессора ловко ощупывали название каждой книги; он поглаживал пальцами выпуклости букв, и его пальцы стремились дополнить глаза... Так ему казалось намного надежней... Так эта книга быстрее отыщется...

То, что он искал,-- был труд одного ученого, доктора психиатрии - профессора Зигмунда Фрейда. Книга была "о сновидениях"... Один из главных - насколько он помнил - трудов австрийского ученого... С которым, кстати, пусть и поверхностно, - но он был знаком. И теперь - с помощью своего "знакового" -- Клод Одран надеялся истолковать приснившееся.

-- Что случилось? - поинтересовался его брат Кори Сандерс (не такой сухощавый, а даже с небольшим наметившимся брюшком, в толстых очках и такой же огромной роговой коричневой оправе. В отличие от брата, не признававшего никакой растительности на лице, у Кори Сандерса были большие, густые, длинные и закрученные по бокам черные усы, которыми, признаться, он очень гордился.

Вообще-то, Сандерс предпочитал носить парик (преобразующий его редкие, жиденькие, и торчащие по бокам волосы -- в пышную шевелюру). Но сейчас было утро. Раннее утро. И он, признаться, попросту оказался разбужен своим "неугомонным братцем", которому вдруг приспичило что-то разыскивать именно сейчас в книжном шкафу. А потому, Сандерс предстал перед братом совсем не в том виде, в котором тот его привык видеть днем.

-- Ищешь что-то ценное? - то ли недовольно, то ли с какой-то даже нежностью в голосе (вполне допустимой, ибо из всех родственников они остались только вдвоем, да и "нашлись" случайно, пять лет назад, встретившись на каком-то симпозиуме в Швейцарии) обратился Кори Сандерс к Одрану.

-- Понимаешь, -- ответил Одран, не отрываясь от своего занятия, -- мне сегодня приснился довольно необычный сон; и я очень хочу его разгадать.

-- Одран, -- наставительно произнес Кори Сандерс (несмотря на то, что он был почти на десять лет младше брата, Сандерс считал, что в жизни он намного практичнее его, а потому не чурался иногда давать тому "советы"). Неужели ты можешь верить в эту антинаучную чушь?

-- Ну, верь - не верь, а то, что все описанное у Фрейда именно так - факт почти неоспоримый, -- убежденно "огрызнулся" Клод Одран. -- К тому же, мне уже слишком много лет, чтобы я мог игнорировать даже такие, как ты их называешь, "глупости", -- несколько "наставительным" тоном добавил он.

-- Ну, глупостями я их не называл, -- уточнил Кори Сандерс. - Но то, что это абсолютно ненужные вещи, то есть, попросту пустая трата времени, -- это бесспорно.

-- Хотя, конечно, если тебе сейчас нечем заняться... -- добавил Сандерс.

-- Как это нечем? - удивился Одран. - Разве я тебе не говорил, что уже как неделю бьюсь над старинным манускриптом, который мне доставил знакомый археолог, приехавший с раскопок древнего Рима.

-- Вот я как раз о том и говорю, -- заметил Сандерс. - Есть более важные вещи.

-- А как же мой сон? -замерев на месте, недоуменно посмотрел на него Одран.

-- Что, действительно это тебя так тревожит? - с любопытством поинтересовался Сандерс.

-- Очень, -- искренне признался Клод.

Кори заинтересованно посмотрел на брата.

-- Не знаю, помнишь или нет, -- начал Клод.-- Но как-то я тебе рассказывал, что одно время серьезно увлекался как раз тем разделом медицины, который, по всей видимости, сейчас интересен тебе (Одран, не отрываясь, смотрел на брата). Так вот, если хочешь,-- если это на самом деле тебя так тревожит,-- я бы мог (в порядке исключения, конечно,-- усмехнулся он),-- учитывая наши родственные отношения: помочь тебе.

-- ?

-- Ну как, согласен?

-- Ты на самом деле в этом разбираешься? - с сомнением спросил Одран.

-- Ну, вообще-то, это не так уж и сложно, как ты думаешь, -- пожал плечами Кори.

-- Полагаешь? - задумался Одран.

-- Ну, вот смотри, -- оживился Сандерс, подняв вверх глаза и собираясь быстренько разъяснить брату мучившую его проблему.

-- Нет, нет, нет, -- взмолился Одран. - Пожалуйста... Для меня это слишком серьезно, чтобы об этом говорить таким вот образом.

-- А ты как хочешь? - не понял его Сандерс. - Ах да... -- спохватился он. - Хорошо. Дай мне чистый лист бумаги, лучше два, карандаш (Одран тут же ему все последовательно выдал), и предоставь мне какое-то время. Сейчас все будет готово,-- пообещал он, удаляясь в кабинет брата и плотно закрывая за собой дверь.

Одран в этот момент (вот уже несколько минут кто-то настойчиво тарабанил в дверь) наконец-то услышал шум на лестничной клетке, и пошел открывать дверь.

-- Извините, пожалуйста, это Софи, внучка Августины Луаварье -- услышал за дверью Одран молоденький женский голосок. - Мистер Одран? Профессор? - по всей видимости, уже давно повторяла Софи одну и ту же заготовленную фразу.

-- О, простите, -- опешила она, когда, тихо подкравшийся к двери профессор Одран одним резким движением ее отворил, удивленно уставившись на непрошенную гостью. Но гостей он не любил. Клод Одран считал, что любые гости - это лишь отрыв от работы и ненужная трата времени.

-- Простите, мистер Одран -- смущенно (она тоже была не очень довольна тем, что приходилось столь бесцеремонно-настойчивым образом тревожить профессора. Но у нее были слишком серьезные жизненные обстоятельства, чтобы этого не делать) пролепетала девушка. - Если помните, третьего дня (несколько дней назад) я к Вам уже приходила от моей бабки, Августины Луаварье - с Августиной, Клод Одран был знаком еще с детства. Одно время у них было даже что-то вроде романа. Пока Августина не предпочла ему (более старшего по возрасту) Франца, который считался когда-то его другом, и который потом, "наигравшись", бросил Августину, укатив в Германию.

Но зла Клод не держал. Хотя после этого и настолько разочаровался в женщинах, что с тех пор даже не пытался уже "влюбляться" в кого-то. Так и жил один. (Хотя, время от времени, встречался с Августиной. И вот недавно она попросила несколько

книг по английской литературе прошлого века. Для "жениха" своей дочки, Софи).

Но сейчас Клод Одран непонимающе уставился на девушку, пытаясь разобраться: что же ей было нужно? Книги-то он, как помнил, передал.

-- Так вот, -- Софи чувствовала ужасную неловкость, но и дороги назад уже не было.- Этот самый Франц... Он приходил к Вам?--девушка с какой-то подкупающей доверчивостью смотрела на Клода Одрана.--Понимаете... Франц куда-то пропал. Мы не можем его найти. Должен был вернуться еще вчера, и вот... -- Софи (профессор уже догадался, что перед ним была внучка Августины) в бессилии развела руками. На ее лице появилась слезинка, которая, медленно увеличиваясь в размерах, готова была вызвать и остальные, что неизменно привело бы к типичной женской истерике. А этого Одран, ох как, не любил.

-- Успокойтесь, девушка, -- дружелюбно ответил он. - Я прекрасно помню и вашу бабушку, и Вас, и, разумеется, того молодого человека... Вы назвали его имя...Франц...-- профессор,-- словно припоминая что-то,-- смотрел куда-то сквозь Софи.--Ну, конечно же.. по-моему, он так и представился,-- позволил себе улыбнуться Клод Одран, словно он уже действительно "все вспомнил".- Ну, так что же у Вас произошло? Вы обмолвились о какой-то проблеме?--серьезно посмотрел он на девушку, всем своим видом изъясняя немедленное желание ей помочь.

-- Да, профессор, -- чуть всхлипывая, кивнула головой Софи.

-- Ох уж эти женщины... и эти их слезы,-- недовольно поморщился Клод Одран. Но тут же его лицо вновь приняло

благожелательное выражение. Он вспомнил, что него просили помощи. И как истинный джентльмен - профессор Одран всегда готов был прийти на помощь. Причем... Пойдите-ка! - чуть ли не закричал Одран от озарившей его догадки. Мушкетеры!.. Мушкетеры, как известно - об этом, по крайней мере, много писал Дюма (романами которого когда-то зачитывался Одран),-- считали своим долгом всегда прийти на помощь!.. И тогда,-- и мушкетерский камзол (который был на мне в том самом сне!), и ситуация, в которой я там оказался - связанный да прикованный к скале,-- не есть ли звенья одной цепи?.. Другими словами,-- не являлся ли мой сон -"предостережением"?! предостережением того, что со мною что-то произойдет, если я... Если я окажу ту помощь, которую от меня сейчас требуют,-- невероятная догадка пришла в голову Одрана.--Вот ведь как все повернулось?!

На всем протяжении "размышлений" профессора, Софи терпеливо ожидала "решения", которое он примет... Хотя ей, по большому счету, от него и ничего было не нужно, как только узнать - когда от него ушел Франц?.. И, быть может, куда он направился?..

-- Франц действительно приходил вчера,-- все же решил "помочь" девушке Одран.--Только он давно ушел. Ушел еще вчера,-- смотрел на нее улыбающийся профессор (он всегда улыбался, когда говорил о чем-то "очевидном").

-- Брат ему еще дал книги. Много книг, -- пояснил появившийся в дверях Кори Сандерс (он только что составил "расшифровку" сна, и вышел из кабинета, дабы показать полученные "результаты" Клоду. А, не застав его, принялся

искать. Став случайным свидетелем окончания разговора профессора с девушкой).

-- Это мой брат, -- пояснил профессор Одрен, видя, как встрепенулась Софи, с беспокойством уставившись на незнакомого человека. - Он тоже был со мной вчера. И, по-моему, успел даже перекинуться с вашим Францем несколькими словами.

-- О да! - охотно включился в диалог Сандерс, -- у вашего молодого человека оказались весьма недурные познания в литературе, -- признался Кори.

-- Мне это известно, -- потупив взор, сказала Софи. - К тому же, он прекрасно разбирается в философии, психологии и истории, -- добавила она.

-- Ну, до этого мы не дошли, -- улыбнулся Клод Одрен. - Но, признаться, был бы весьма рад еще раз побеседовать с вашим женихом. (Для профессора не прошло незамеченным, как от этих слов зарделись щечки у стоявшей перед ним молоденькой девушки).

-- Жаль, что этого мне застать не удастся, -- с сожалением произнес Сандерс.

-- Мой брат сегодня уезжает, -- пояснил Клод Одрен, заметив испуганный взгляд девушки.

Софи и на самом деле была очень встревожена. А потому,-- заметив это,-- братья не стали (как уже было начали) разыгрывать перед ней свой любимый шуточный "спектакль двух актеров", когда они входили в спонтанно выдумываемые роли; и учиняя чуть ли не "допросы" тем, кто оказался на тот момент рядом с ними.

Так уже начиналось и в этот раз, но кто-то из них остановился первым, пожалев девушку.

-- Нам действительно неизвестно, где сейчас находится Франц,-- со стариковской заботой посмотрел на поникшую девушку Одран.

- Мы бы охотно согласились Вам помочь его отыскать, но - знаете ли - годы,-- искренне посетовал Кори Сандерс.

-- Нет, нет, -- спохватилась девушка, у которой и в мыслях не было, чтобы эти старички принимали участие "в поисках". Она вообще к ним относилась с каким-то пиететом. И допустить даже мысли: чтобы они тратили свое время на нее?.. Да ей легче было отказать от поисков совсем.--Тем более - ей уже помогают ее родители,-- поспешила добавить Софи, опасаясь как бы и на самом деле: они ей не решили бы помочь...

-- Ну-у-у, -- многозначительно переглянулись два пожилых профессора; мол, если к поискам подключились и родители девушки, значит, дело действительно того стоило. (Если честно, то на самом деле Клод Одран с трудом даже вспомнил Франца. Он предпочитал не откладывать в памяти то, что ему не может в последующем пригодиться).

--- Не отчаивайтесь, -- по-стариковски приобнял Софи Кори Сандерс. - Он обязательно найдется.

-- Спасибо, -- девушка с благодарностью посмотрела на принявших такое участие в ее судьбе двух стариков и, вымученно улыбнувшись, начала спускаться вниз.

Она уже почти вышла из подъезда, как в самых дверях парадной посторонилась, пропуская влетевшую туда средних лет женщину. Сандра - а это была именно она -

---

запоминающе взглянула на удрученную девушку (Софи), но тут же забыла о ней, продолжив свое стремительное движение. И только дома, перед тем, как укладываться спать, она вспомнила о случайной встрече и, сопоставив возраст девушки и то, к кому она пришла (а Сандра так быстро поднималась, что услышала, как закрывается дверь в квартире над квартирой над ее, поняв, что визит был к профессору Одрани), а также вспомнив обрывочные слова Франца о какой-то Софи, к которой он приехал, поняла, что это наверняка была она. А, значит, Франц - при упоминании имени ее ночного гостя у женщины сладко заныло внизу живота - *еще не дошел*. Еще "не дошел",-- теперь уже какими-то тревожными "звоночками" отдалось в ее голове...

Но подобное продолжалось недолго. Сандра давно уже придерживалась правила: не думать об "участниках" своих любовных романов. Тем более, что в последнее время - их становилось все больше. А потому, поворочавшись еще какое-то время, женщина наконец успокоилась, и через время она уже окунулась в царство Морфея.

Что совсем нельзя было сказать о Софи.

После посещения профессора Одрани, девушка дошла до своего дома (ах, если бы только Франц знал дорогу, и пошел как она - "по кротчайшей"!), и встретила... со своими родителями, которые пришли раньше нее всего на четверть часа (естественно, с теми же как и у нее, результатами), и не застав дочь дома,-- пошли уже на поиски ее.

Встретившись друг с другом, они решили подняться в квартиру, и уже там дожидаться возвращения Франца.

Настроение у всех было подавленным.

ГЛАВА 4

Я удалялся все дальше и дальше от того места, где меня ждала (с каждым шагом я это чувствовал все больше) Софи.

Если вы спросите меня, куда я иду?.. То... лучше и не спрашивайте... Я сам не знал... Но отчего-то я все шел и шел. И с какой-то необъяснимой настойчивостью, все дальше отдалялся от дома Софи. Дома,-- к которому я так стремился. Дома,-- который я нашел. Дома...

Я давно уже не разбирал дороги. Я просто *шел*. А куда?.. Ну не знаю я куда я иду? Не знаю!

И почему-то *знать* - мне вовсе и не хотелось...

-- Быть может я совершаю очередную глупость?.. Ведь самое обидное то, что я уже значительно удалился от дома Софи... И каким-то бессознательным чувством понимал, что этого, быть может, мне делать и не стоило...

Но и себя *остановить* я не мог... Или не хотел?..

Да может правда - не хотел...

-- А почему бы тебе не вернуться? - ввел меня в легкое недоумение внутренний голос.-- Действительно: почему?

-- Да не могу... не могу я, -- неожиданно почти что закричал я. И прохожие бы, верно, шарахнулись в сторону.

Но прохожих не было...

-- Почему? - удивилось мое второе "Я".

-- Не могу, потому что... -- не могу, -- давно запутавшись в самом себе, устало произнес я. (И почти тут же мучительный вопрос сдавил мне виски: а почему ты не хочешь вернуться туда, где тебя ждут?..).

-- Действительно - почему? - спросил я сам себя.

-- Так какого черта ты еще здесь стоишь? - сбило меня с привычного ритма размышлений мое "Я"; и я что было сил - пустился в обратный путь.

-- Почему, почему, почему...-- слова - учащенным дыханием-ударами - отдавались во мне, а я бежал и все думал - почему, почему, почему?..

-- Я не знал ответа. Я боялся его. Я стремился убежать от себя...

-- А что с тобой было-то? - попробовало "подковырнуть" меня - мое "Я".

- Что было-то? - через время повторило попытку оно. Но видимо решив, что я уже не отвечу, решило как-то само - "справиться" с ответом...

А я молчал... Я действительно молчал, понимая, что просто-напросто как-то быстро устал - в этом городе...

Хотя, какая это была усталость?.. Усталость странная...

Тем более, что ничего похожего - как будто бы - не было раньше...

Или было?..

Не было! Не было,-- и не могло быть! Столь внимательного, собранного, начитанного студента - еще надо было отыскать...

А мои "нескончаемые" беседы с моим дедом?! Они, пожалуй, дали мне намного больше - чем все мои институты... Что и подтверждалось - досрочной сдачей, порой, нескольких семестров...

На самом деле - так было только один раз. Дед, узнав, что я такими темпами - как, видимо, поделился с ним радостью кто-то из близких - досрочно закончу институт,-- вмешался. И наказал меня высидывать все лекции "от начала до конца".

Ну уж аспирантуру меня никто не обяжет проходить. Диссертация у меня уже была готова. Поэтому, как приеду,-- сразу возьмусь за сдачу.

...Интересно,-- а к чему я все это говорю?.. Ах, да! Я ведь просто хочу хоть что-то сказать в свою защиту... Ведь то, что со мной происходит в этом городе?! Кто-то же должен быть сумасшедшим?.. И "выбор"-то,-- минимален: или город? Или... я...

Как-то не по себе мне стало от подобных предположений... Я решил больше ни о чем не думать... И еще больше усилил шаг... Но, наверное, быстрее, чем я шел -- можно было только бежать. И я побежал. Я бежал, и постепенно мое состояние (состояние той "затуманенности", в котором мое сознание пребывало почти сразу после приезда в этот странный город) разглаживалось... Мне становилось действительно легче... Легче настолько, что я даже... Я чуть не остановился "от испуга". Ко мне вновь пришел этот некогда испугавший меня вопрос: куда

я бегу? И главное - зачем?.. И ведь самое ужасное было то, что я вновь не знал ответа...

А потом (ему "на смену") пришел и другой вопрос. Я вдруг представил себе: в каком виде я предстану перед Софи!? И ее родителями!? (Которые уже наверняка хватились меня, и ищут вместе со своей дочерью). Каким, в каком виде я предстану перед ними?.. Грязный, мокрый, с всколоченными волосами... Я вдруг стал противен сам себе...

-- И что же я скажу Софи? - уже подступала следующая мысль.

-- Может, честно во всем сознаться?.. Абсурд! Никто не поверит! (Притом что, как обычно, "выхватят" из рассказа только обидные для себя "детали". И на основании их - и построят весь "приговор").

Да и как - на самом деле - может заблудиться взрослый человек?.. Сейчас же я двигаюсь в правильном направлении?.. Стоп! Я резко остановился, и запыхавшись, оглядывался по сторонам. А действительно ли я двигаюсь в правильном направлении?.. Быть может я вновь ошибся?..

Я с неподдельным ужасом оглядывался по сторонам, и вдруг понял... Я понял что снова заблудился...

-- Но как? Как могло такое случиться? - нещадно ругал я себя; и все больше понимал - что это именно так... Я заблудился. Заблудился снова. Причем,-- я как-то даже сейчас не мог вспомнить - в какой стороне был дом Софи?..

-- Эх, кабы мне только снова услышать того нищего,-- с надеждой подумал я.

-- И что - стал бы снова ругать его!? - ехидно
поинтересовалось мое второе "Я".

Но я промолчало. Говорить ни с кем не хотелось...

ГЛАВА 5

Прежде всего, мне следовало внимательно осмотреться на местности. Однако, надежда на то, что я запомнил хоть малейшие отличительные детали обратной дороги (обратная дорога уже столько раз становилась "обратной", что сейчас требовалось уточнение --*обратной* к дому Софи, ибо, даже уходя, я, вероятно, намеревался вернуться, ибо подспудно старался выхватить куски ландшафта, по которым в последующем смогу распознать дорогу домой) была весьма призрачной.

Так и оказалось на самом деле, ибо, сколько я не силился вспомнить (оживив в памяти те самые, запоминаемые мной "куски ландшафта"), у меня ничего не получилось.

Все, что я видел сейчас, -- было все то же самое. То, что я видел и всегда. Да и сама местность,-- при ее "детальном рассмотрении",-- оказывалась несколько странноватой (неужели я когда-то проходил мимо?). Здесь не было никаких -- ни улиц, ни дорог, ни тротуаров (ни асфальтовых, ни гранитных... никаких!); не было домов (ни маленьких, одноэтажных, ни многонаселенных... никаких!); не было даже деревьев..

Хотя нет, деревья все же были. Хотя по размеру они больше напоминали голые осенние кустарники (и это несмотря на то, что была середина лета; и еще по крайней мере час назад, я видел -- заметив, правда, краем глаза,-- что вся растительность была необычайно зеленой. Ну, не такая, конечно, как весной; но листья "были"; хоть и запылившиеся, серые, и кое-где выжженные солнцем -- так же, как и трава -- но они "были". А то что я видел сейчас... Нет, такое ведь тоже было возможно. Но... поздней

осенью, например... А летом?.. Я также мог допустить, что на болотах трава могла и не расти. Но куда делись листья на деревьях?.. Как и сами деревья?.. Что это за убогий ландшафт?.. А где дома, улицы, город, наконец?! Каким таким образом я оказался в сельской -- и сельской ли? -- местности?)...

Постепенно я понимал, что все мои вопросы я мог адресовать кому угодно,-- только не тому, кому они должны были предназначаться. А так выходило - что "перенаправлялись" они - все равно мне. И "ответов" не было...

Мне вдруг почудилось, что меня кто-то окликнул. Я прислушался. Ну да, отчетливо повторилось мое имя. Но откуда?.. Где тот голос, который... О-о-о! Прямо передо мной я неожиданно увидел Софи... Рядом с ней шла Сандра... И -- Лейза... И все они идут ко мне?.. Но почему они обнаженные?.. И вместе?..

.....

Я очнулся на длинном -- уходящем далеко в море -- морском песочном берегу.

Был почти штиль. Моя щека лежала на чистом -- без единых камушков, ракушек и т.п. "наполнителей" этого самого берега -- песке. И только к губам еле-еле подкатывали легкие барашки волн. Начинаясь вечер, а вечером море, должно быть, решило чуть-чуть показать свой характер. Шторм -- а то и, скорее, легкий "штормик" -- вероятно, только *планировался*. Но небольшая

"разминочная репетиция" начинавших все быстрее бежать волн, уже дошла до моих губ; слегка обмочив их - поцелуем волн.

Я лежал с закрытыми глазами. Я все оттягивал тот наслаждение, когда смогу - открыв глаза - увидеть море. Море я любил. Любил настолько, что никогда бы не стал его как-то описывать... Обязательно бы запутался в словах... Когда я видел море - я лишь способен был тихо постанывать от удовольствия... Море... Море...

Я открыл глаза, всматриваясь, и... резко выбросил вверх свое тело. Никакого моря не было и в помине! Как не было штиля, песка и вообще ничего похожего! Я лежал на земле. Вокруг были болота. Быстро вечерело (или точнее сказать, -- темнело). Начинался ветер. И, по-моему, дождь. Да, так и есть. Редкие крупные капли дождя беспорядочно начинали падать на голову, на лицо, на рубашку, растекаясь на ней просвечивающими тело пятнами на брюки, заставляя их прилипнуть к телу, на туфли, где капли смешивались с налипшей ранее пылью, превращаясь в грязь... Сейчас бы пригодился мой пиджак... Интересно, куда же он подевался, я же был в нем... Независимо куда я направлялся,-- я всегда одевался как на учебную лекцию или собрание... И теперь с удивлением оглядывал себя... Почему так холодно?.. Ведь сейчас - лето?..

-- Здравствуй, Франц, -- поздоровался со мной средних лет мужчина с густой шевелюрой, пышными усами, и окладистой бородкой. Я его сразу же узнал.

-- Здравствуй, Ив, -- поздоровался я. -- А где твой дядя?

-- Он на маяке, -- ответил Ив (это был именно он, тот самый молодой мужчина, которого я видел в городе). -- Сейчас начинается шторм, и ему самое время быть там.

-- А почему ты не там? -- спросил я. -- Ведь ты художник (художник, -- подтвердил Ив) -- тебе тоже самое место сейчас быть там. Рисовать начинающийся шторм. Ведь шторм начинается? (Начинается, -- подтвердил Ив).

.....

-- Кого ты выберешь, меня или ее?

Передо мной -- слева и справа -- стояло два небольших дивана. На том, что справа,-- лежала обнаженная Сандра (это именно она сейчас обращалась ко мне). Слева, -- почти в схожей позе, и тоже без одежды,-- Лейза.

-- А может, ты хочешь меня? -- раздался нежный женский голос у меня за спиной, и, обернувшись, я увидел стоявшую в накинутом на обнаженное тело легком прозрачном одеянии...Катрин. Ее молодая, еще не целованная и набухшая соками желания грудь,-- не позволяла убрать от нее взор. Должно быть, так приятно чувствовать себя "первым",-- пронеслось у меня в голове,-- и, повернувшись к ней, я сделал шаг навстречу.

-- А как же я? -- услышал я еще один женский голос. Даже никуда не поворачиваясь, я хорошо помнил, кому они принадлежал... Софи...

.....

-- Что ж, весьма и весьма похвально, молодой человек, -- произнес профессор Розенталь, мой научный руководитель, приподнимаясь со своего места и, мельком окинув присутствующих ученых мужей (средний возраст собравшихся заметно превышал 45 лет; были тут и известные ученые, сделавшие судьбоносные для науки открытия; и совсем молодые ученые; у которых все еще впереди...). - Что ж,-- повторил профессор.-- Вы уверенно заявили о себе как знающий специалист. И я думаю, что ученая коллегия будет со мной единодушна (профессор обвел глазами зал) -- Вы достойны присуждения Вам ученой степени!

Все поднялись со своих мест. Зал аплодировал стоя.

-- Заключительная речь просто блестяща, -- доносились до Франца отдельные голоса обменивающихся мнениями ученых.

-- А как Вы находите выдвинутую им теорию этого направления психоанализа?!..

-- Нет, бесспорно, за молодым человеком большое будущее?!..

-- Но, не знаю, ставить под сомнение самого Фрейда?!..

-- А что, разве Зигмунд когда-то тоже не был молодым? Я хорошо помню его выступление, когда он вернулся из Парижа...

-- Да, верно, его теорию тогда не поддержал даже его научный руководитель...

-- А я всегда верил в молодых... Именно им суждено ниспровергать с пьедесталов уже устоявшиеся теории...

.....

-- А я все же с тобой не согласен, Франц, -- старик (Франц Монтестье. Дед Франца Монтестье) принялся расхаживать по комнате от камина до двери. -- Ты не можешь делать столь категоричные суждения.

-- Почему?

-- Да хотя бы потому, что значительно проигрываешь мне в возрасте,-- чуть задумавшись, не нашелся что ответить дед.

-- Но разве это не является -- хоть в какой-то мере -- моим преимуществом? Иногда молодой ум бывает более гибок и проворен...

-- Пронырливее...

-- Ну, вот. Ты обиделся. А ведь я совсем не хотел тебя обидеть.

-- Хорошо. Я не обижаюсь. Но пообещай мне, что прежде, чем ты сделаешь окончательные выводы, -- ты еще подумаешь?!

-- Хорошо. Я согласен.

-- Я всегда в тебя верил, мой мальчик...

.....

-- А ведь он совсем не похож на мальчика? Я имею в виду внешне, -- красивая белокурая женщина, с ласковой материнской улыбкой смотрела на лежащего в кроватке младенца.

-- Ну уж, так и не похож?! -- ставил под сомнения слова жены, молодой черноволосый мужчина, тоже всматриваясь в младенца.

-- Много, я скажу, Вы понимаете, молодежь, -- высокий старик подошел к люльке и осторожно взял на руки младенца. -- Когда-нибудь он подрастет, и я ему передам все, что знаю. И тогда я почувствую, что прожил не зря.

-- Мы в этом нисколько не сомневаемся, -- почти в один голос уверили старика отец и мать младенца, приобнявшие своего сына вместе с отцом и свекром. -- Недаром мы ему дали твое имя.

.....

-- Так ты на самом деле, будешь меня ждать? -- с легчайшим сомнением, которое только можно было прочесть на его задумавшемся лице, произнес молодой человек, обращаясь к потупившей взор девушке. -- Скажи мне, Софи, -- это правда?

-- Да, -- тихо повторила девушка. -- Я хочу быть только с тобой.

-- Но ведь там, во Франции, за тобой, должно быть, увиваются десятки поклонников?.. И все они моложе меня... А кто-то -- и красивей?..

-- Но ведь они не такие, как ты...

-- Не такие умные? -- пошутил молодой человек.

-- И умные тоже... - тихо произнесла девушка, все ниже опуская от смущения глаза.-- Они просто другие... обычные...

-- А чем необычен я?..

-- В том числе и тем, что спрашиваешь об этом...

.....

-- Вы считаете, он долго пролежал без сознания? --
спросила Софи, бережно подкладывая под голову, постепенно
приходившего в себя, Франца, подушку.

-- Должно быть, что так, -- согласился доктор
(почтенного вида старик, отступивший на шаг от лежащего на
постели молодого человека и, несмотря на снятое пенсне --
которое он держал в руках, протирая платком -- окидывая ее
взглядом). Но я думаю, что ситуацию не стоит слишком
драматизировать.

-- Вы так считаете? -- с надеждой посмотрела женщина
на приглашенного к ним домой доктора. Именно домой, незадолго
до этого, она - вместе с мужем и дочерью - принесли
подобранного неподалеку от их дома Франца. Франц до сих пор
оставался без сознания. И нашли они его лежащим прямо посреди
дороги (задаваясь вопросом - как это на него еще никто не
наехал?.. Экипаж там, или автомобиль?..).

-- Я в этом уверен, -- кивнув головой, произнес доктор.

-- А чем могло быть вызвано такое его состояние? --
задал вопрос отец Софи, который все это время стоял в стороне,
переводя взгляд то на медицинские манипуляции приглашенного
им доктора, то на - казавшиеся безжизненным - тело Франца.

-- Пока судить не берусь, -- осторожно заметил доктор.--
Обычно, чтобы оказаться в подобном состоянии, существует
несколько причин. От самых банальных, до... сугубо медицинских
заболеваний. К тому же, у меня нет медицинской карты
пациента... Я даже еще с ним не обмолвился ни словом... Слишком

трудно в таких условиях делать какие-то выводы... Подождем хотя бы, пока он очнется...

-- Да, да, -- быстро произнес смутившийся от того, что потревожил доктора, Рене,-- простите меня..

-- Ну, не знаю, кто тут должен перед кем извиняться, -- произнес доктор.-- С молодым человеком все в порядке,-- добавил он, убирая руки с запястья Франца, у которого он только что считал пульс.-- Дайте ему немного времени, и он окончательно придет в себя. А сейчас, по возможности, его лучше оставить одного. Он должен отдохнуть. Завтра с утра я приду снова. Если потребуется какая моя помощь,-- звоните. Ну а сейчас я вынужден откланяться. До свидания.

Пожилой доктор, галантно поклонился дамам, пожал руку Рене и, взглянув на молодого человека (слегка шевелящего губами во сне), еще раз попрощался, и вышел.

Тот час же все последовали его примеру, и проводив доктора до входной двери, в который уж раз выразили ему свою благодарность, а потом,-- когда шаги того послышались на лестничной клетке,-- разбрелись по своим комнатам. Каждый хотел побыть один. Но больше всего, хотелось побыть одной - Софи. После того, что произошло с Францем (вначале его долгое отсутствие, поиски, а потом... то состояние, в котором они нашли его), Софи совсем растерялась: что ей было и думать?..

Девушка неожиданно вспомнила свой отъезд из Берлина.

Франц, ее Франц, одетый как всегда -- в костюм, белую сорочку, и повязанный поверх нее галстук,-- был в тот день необычайно серьезен. И, хотя это было традиционное для него

выражение лица, она тогда с опаской спросила, не случилось ли у него чего-нибудь такого, что тревожило бы его.

-- Нет, -- спокойно ответил тогда Франц. -- Мне просто стало грустно, что ты уезжаешь... "Мне просто стало грустно..." -- от этих слов у девушки стало легче на душе... Значит,-- Франц ее все-таки любит... (Услышать это было еще приятней и оттого, что на протяжении последних дней перед ее отъездом,-- Франц казался необычайно молчалив). Вообще, он иногда впадал в подобное меланхолическое состояние; иногда он "трещал" без умолку; а иногда,-- внезапно замолкал. И тогда Софи невероятно мучилась: не обидела ли она ненароком любимого?.. Поэтому, когда он замолчал тогда, ей стоило большого труда убедить себя, что молчание Франца вызвано чем-то иным... Но никак не ее каким-нибудь, случайно оброненным, словом... Так значит, он просто переживает от необходимости ее отъезда?..

Почему Софи сейчас вспомнила именно этот случай?.. Может, она просто устала?.. И ей тоже надо хоть немножечко отдохнуть?.. Ведь за эти двое суток она спала, дай Бог (девушка задумалась, вспоминая), 2-3 часа. Не более того. И теперь тоже нуждалась в отдыхе. Глаза Софи медленно закрылись сами собой, и она уснула, уснула спокойным сном умиротворенного человека. Ведь она нашла того, которого искала. И ее любимый тоже спал (надеюсь, с ним все в порядке? - сквозь сон, подумала девушка) в соседней комнате. Ничего... завтра они проснутся... и у них будет время обо всем поговорить... а пока...

Впрочем, Софи уже спала. И не будем ей мешать. Тем более, что в соседней комнате -- там, где спал Франц --

---

послышались какие-то шорохи. Может, он уже проснулся?
Давайте-ка заглянем лучше туда. Ибо, не знаю, как у вас, но у
меня накопилось немало вопросов, и мне очень бы хотелось найти
на них ответы...

ГЛАВА 6

Вы правы. Я, конечно же, проснулся. Меня по-прежнему зовут Франц. Франц Монтеские. И уверяю вас, находясь в этом городе (городе N), я не стал ни на год взрослее. И мне по-прежнему двадцать восемь лет. Хотя, кажется, что уже все тридцать пять. Или сорок.

Да что там возраст. То, в каком я сейчас пребывал состоянии, я, пожалуй, не позавидовал бы ни кому. Это только подумать. Дважды за каких-нибудь несколько дней, я терял сознание. Дважды! И это притом, что за всю свою жизнь такого не случалось ни разу! Не знаю, как вам, а мне было над чем задуматься. И это при том, что в последнее время я думал больше, чем когда-либо до этого. Но мои, задаваемые самому себе вопросы, оставались без ответа.

Что было со мной? Что происходило? Я попал под влияние каких-то, действующих независимо от моей воли, обстоятельств? Не знаю?! Хотя то, что все это происходило помимо моей воли, было, пожалуй, точно... Что я здесь делал?.. Ах, да! Вот видите, до чего иной раз можно договориться? Я же приехал к Софи... Софи... Что теперь думает обо мне эта милая девушка?.. Любит ли она меня по-прежнему?.. Не разочаровалась ли?.. А люблю ли я ее?.. Да не об этом сейчас речь. Хотя, если речь все же и об этом, еще хуже; ибо мне совсем, нисколько не хотелось сейчас об этом думать. Пусть это будет излишне эгоистично, но мне сейчас вполне было достаточно того, что Софи любит меня. Все-таки эти странные потери сознания и провалы в памяти... Или нет. Я, пожалуй, все помню. Вот только.. только...

Хотя да, эти потери сознания... Они волнуют меня сейчас больше. По всей видимости, мне стоит самому разобраться в этом. Ибо в подобных случаях мне не поможет никакой врач. Да что там врач. Я сам врач. По крайней мере, для своего организма. И то, что сейчас как раз подошло время для серьезного анализа, это бесспорно. Пришло время во многом разобраться. И, чем быстрее я к этому приступлю, тем будет лучше.

Однако... с чего же начать?.. К сожалению, я не смог это сделать так, как хотелось бы. Потребуется, по крайней мере, присутствие еще одного человека... Софи... ибо потребуется уточнение кое-каких деталей. А без нее, без моей Софи, это будет сделать весьма проблематично.

.....

Я сидел в той комнате, в которой меня оставила Софи. Было уже утро -- я это почувствовал по пересвисту птиц за окном (неужели в этом городе были птицы?), но за временем не следил. Часом раньше или позже... Все равно, когда кто-нибудь кто-то из них проснется (я имею ввиду -- Софи или ее родители); и они первым делом заглянут ко мне. Это было мое маленькое преимущество (как больного) перед жизнью. Что я делал? Да ровным счетом -- ничего. Хотя нет. На моих коленях лежала открытая книга. Я перевернул обложку -- Франц Кафка "Превращение". Как она попала ко мне? Должно быть, нашел в этой комнате. Или... Если придет Софи, я должен ей буду как-то объяснять происходящее со мной... Может, списать все на несчастный случай? Мол, случайно упал, ударился головой... Хотя нет, голову бы желательно было совсем исключить... Значит, упал, ударился... Ну, и каким-то образом очнулся совсем в другом месте,

---

как хотел... Кто хотел?.. Не все же такие придурки, как мне порой кажется... Скорее, меня примут за умалишенного...

-- Франц? Франц, ты не спишь?! (шаги, открывается дверь в комнату) Франц?! А я слышу, кто-то в твоей комнате разговаривает...

-- Софи?!.. Это я, видно, зачитался (...неровен час, действительно примут за ...)

-- Бедный мой Франц..., -- подошедшая Софи ласково прижала мою голову к своей груди. -- Что с тобой случилось, Франц?.. Мы все так переживали?!..

-- Послушай, Софи...

-- Подожди, подожди... (я ощутил на своем лице прикосновение губ доброй девушки, ее руки гладили меня по голове, ласково теребили волосы... Взглянув на Софи, я увидел слезинки, которые неуверенными, неровными струйками стали прокладывать себе дорожку по ее щекам...)

-- Софи, -- мне пришлось встать, и я приобнял девушку, с легким усилием прижав вырывающееся тельце к себе. -- Софи. Уже все в порядке. Теперь мы вместе, -- былая уверенность возвращалась ко мне, и какая-то частичка ее передалась Софи. Девушка перестала прилагать те незначительные усилия, которыми она надеялась высвободиться из моих объятий, расслабилась, затихла и... заплакала.

-- Все уже позади... все позади, -- осторожно, как мог осторожно, я вновь принялся утешать девушку... Сейчас нам двоим надо успокоиться... И обо всем переговорить... Хорошо? -- позволив себе легкую улыбку, я заглянул в глаза девушки. Она тоже успокоилась. И теперь просто смотрела на меня. Однако, в ее

взгляде я почувствовал некую абстрагированность от происходящего.

-- Софи? -- спросил я. -- Слышишь, Софи?! -- мне нужно было вывести девушку из этого оцепенения, которое словно пеленой (или, лучше сказать, невидимой дымкой) окутало мою возлюбленную. -- Софи? Я специально приехал только к тебе. И хочу быть с тобой, -- ничего лучшего, чем слов любви -- влюбленной в меня девушке -- я не стал искать. Если уж они окажутся бессильны?..

-- Франц, -- девушка уже по-другому посмотрела на меня. -- Я слишком переживала за тебя, Франц... Ведь ты должен был только сходить к старику-библиофилу... Я была у него... Профессор говорил, что дал тебе книги...

(..... Ведь старик действительно дал мне книги... но сейчас их со мной не было... значит...)

-- Ты их потерял? -- Софи с тревогой смотрела на меня.

-- Я их, должно быть, у кого-то забыл, -- задумчиво ответил я.

-- Ты куда-то заходил еще? -- удивленно посмотрела на меня Софи.

-- Да нет... -- словно вспоминая, я тоже посмотрел на девушку. -- Ты знаешь, если бы нам пройти по той дороге, по которой шел я, мне кажется, мы бы их смогли отыскать.

-- Ты так считаешь?.. -- с сомнением покачала головой Софи, сделав задумчивое лицо и, не отрываясь, глядя в одну точку.

-- К вам можно? -- вслед за осторожным стуком за дверь, послушался голос мамы Софи -- Оми.

-- Ой, заходите, конечно, -- привстал я.

-- Ну, о чем ты спрашиваешь? -- надула губки Софи, посмотрев на входящую мать. (Она не хотела, чтобы родители считали, что у нее есть какие-то тайны от них, -- догадался я).

-- Отец спрашивает, не ваши ли это книги?! -- мы (я и Софи) посмотрели по направлению руки Оми, и в приоткрытую дверь (Оми предусмотрительно посторонилась) увидела аккуратно сложенные на комодe книги.

Я сразу же узнал в них те, что мне дал Клод Одрaн.

-- Так значит, они нашлись? -- готова была захлопать в ладоши Софи. Я вышел за девушкой, которая уже поглаживала отыскавшиеся экземпляры.

-- Так значит, это действительно ваши? -- удивленно смотрела на нас Оми. -- Папа их нашел рядом с лежащим Францем, -- пояснила она, обращаясь к дочке и посмотрев на меня.

-- Мне дал их профессор Одрaн, -- ответил я.

-- А он еще сказал: возьмем на всякий случай. Должно быть, они имеют отношение к Францу (как я позже выяснил, Рене первым нашел меня, а потом уже подошли Оми и Софи).

ГЛАВА_7

-- Неужели на самом деле никто не откликнулся? - недоуменно пожал плечами Рене. - Я почти сорок лет живу в этом городе, но подобного раньше не замечал, -- с сомнением добавил он.

-- Мне тоже что-то не верится, -- вторила ему Оми. -- Конечно, можно учесть все, что угодно, но чтобы жители нашего города проявляли такое безразличие?

-- Вы что же, думаете, что Франц специально здесь сидит и все выдумывает? - вступилась за него Софи.

Подобная дискуссия разгорелась после того, как я им всем поведал о произошедшем со мной. Еще когда я рассказывал, я ловил на себе недоуменные взгляды ее родителей, -- Софи, как водится, молча внимала моему рассказу, поддерживая его и заранее соглашаясь со всем, что я говорил или мог рассказать. Признаться, о подобной *солидарности* со мной с ее стороны я мог только мечтать. И право, очень приятно, что у меня такая невеста.

-- Нет, конечно, выдумывать ему особого смысла, наверное, и нет, -- рассудил Рене. - Но согласись, -- он посмотрел на дочь. - То, что рассказывает Франц, вызывает, по меньшей мере, удивление.

-- Если это все правда, то это очень страшно, -- произнесла Оми, смотря перед собой. - Вот так работаешь (Оми работала в музыкальной школе преподавателем вокала) и не догадываешься, насколько, оказывается, люди бессердечны.

-- Ну, ты все же, пожалуй, преувеличиваешь, -- не согласился с супругой Рене. - Я ведь тоже не в будке сижу (Рене

работал инженером на заводе), и каждый день общаюсь с людьми. И, хочу заметить, он последовательно посмотрел сначала на Оми, потом на Франца, ничего подобного мне замечать не приходилось.

-- Может быть, так происходит оттого, что вы живете в этом городе, -- предположил я. - А ко мне относятся как к приезжему.

-- Не знаю, -- задумчиво покачал головой Рене. - Об этом я как-то не задумывался.

Но все же не думаю, что это не так. Или не совсем так.

-- Мне кажется, что люди, живущие в нашем городе, не должны выделять местных от приезжих,-- высказалась Софи, и я почувствовал, что и у девушки тоже появились небольшие сомнения по поводу моей правоты в этом споре. По крайней мере, видно было, что она всецело на моей стороне, но все же... В общем, понимая, что дискуссия может выйти за рамки тех добрых отношений, кои сложились у меня с семьей Софи (и, конечно же, с ней самой) я предложил пройти всем вместе по улице. Таким образом, я надеялся, что увиденное ими (и прежде всего, Рене, он наиболее рьяно пытался отстаивать свою точку зрения, то есть, отличную от моей) позволит мне, если не переубедить их (на это, признаться, я тоже рассчитывал), то, по крайней мере, заставить задуматься (а это, учитывая наш сегодняшний спор, все же было что-то). Итак, я даже и не предполагал, что мое предложение будет всецело поддержано (то есть, всеми членами семьи. Как можно было догадаться, *опасение* вызывал Рене; но как раз именно он оказался первым "за").

После завтрака мы решили больше не терять понапрасну времени, и отправились все вместе. Первым шел я. Рядом со мной (вернее, чуть поотстав - это было заранее оговорено - на метр-полтора) Софи. За ней - Рене и Оми.

Дорогу мы решили не выбирать, и я шел произвольно вперед. Конечно, сейчас мне было значительно легче, потому что я знал, что в случае чего, и Рене, и Оми, и Софи - "отыщут" обратную дорогу (было бы удивительно, если бы они не смогли. Но все же, по договоренности между нами, все должно было максимально приближаться "к реальности". К той "реальности", в которой очутился я сутки назад; поэтому, пройдя какое-то время, я постучал в первую попавшуюся дверь, дабы спросить какой-то адрес. (Рене, хорошо зная, какие городские достопримечательности нас ждут впереди, выбрал из них одну и, назвав мне, попросил разыскать именно ее. Как раз о ней-то я пытался сейчас выпытать "у ничего не подозревающих" горожан).

Мне никто не открыл. Я, ухмыльнувшись, посмотрев на непроницаемое (безмятежно-индифферентное) лицо Рене, повторил "эксперимент" с ближайшей, расположенной ко мне, калиткой. Результат был тот же.

-- Это еще не показатель, -- дал мне понять Рене, и я понял, что пока что его разубедить не удалось.

-- Ну, что ж, -- подумал я. - Посмотрим, что ты скажешь сейчас.

Прямо на меня шел низенького роста старикашка, с поддерживающей его трясущееся тело тростью. Мне показалось, что старик свалиться раньше, чем мы дойдем до него.

Однако, каково же было мое удивление, когда этот самый старикашка,-- стоило мне приблизиться к нему и задать вопрос по поводу той самой, якобы разыскиваемой мною, "достопримечательности",-- описал мне ее местонахождение столь подробнейшим образом, что, признаться, у меня от удивления свело челюсть. И я едва смог выдавить из себя слова благодарности (я вообще был довольно вежливым человеком, но сейчас это получилось настолько сухо и неприветливо, что ответивший мне старик удивленно на меня посмотрел, и поспешил убраться прочь. А мне стало очень неловко).

Несмотря на произошедший случай (явно ставивший под сомнение все мои слова, сказанные в доме Софи), я был убежден, что этот "эпизодический факт" *радушия горожан*,-- будет стоять особняком в том, что нам предстоит увидеть в дальнейшем. И, как оказалось, был прав, несмотря на ухмылку, появившуюся на лице Рене; ибо стоило нам пройти еще каких-нибудь сто метров, за которые нам не встретился абсолютно никто - относительная пустыньность города была в какой-то мере "за меня" - как нашему взору открылась наиллюбопытнейшая картина. А именно - горящий дом. Причем, удивительно было уже то, что частный одноэтажный дом горел, но никто тушить его не собирался.

Более того, рядом не было -- традиционных в таких случаях -- зевак. Об одиноких прохожих, краем глаза посматривающих на разгоравшийся огонь, я даже не говорю. Улица словно вымерла. Но, что было особенно загадочно (и в первую очередь, должно быть, для семьи Софи; я на подобное и рассчитывать), в соседних (с горевшим) домах были люди. Мужчина средних лет рубил во дворе дрова. Молодая полная

женщина вешала белье. Дети, нескольких лет отроду, играли в песочнице.

Но никто не обращал внимания на происходящее!

Как я и ожидал, подобное поразило Рене (Оми с Софи от удивления вообще застыли на месте).

Казалось, никто из соседей даже не замечает, что находящийся рядом с ними дом - горит! И ладно, было бы какое-то сарайное помещение. Так нет. Вполне обычный, местами (в прошлом) даже, может, красивый дом. Который теперь - горел.

Кульминацией происходящего стала пожарная машина... проехавшая мимо!

Я осторожно взглянул на стоявшую неподалеку семью (Рене, Оми и Софи), и почувствовал, что нисколько сейчас не хотел бы оказаться на их месте. У всех троих были та-а-акие (!) лица, словно то, во что они верили и к чему стремились всю жизнь,-- оказалось иллюзорной дымкой, растаявшей на глазах. Счет был 100:0 в мою пользу. Произшедшая картина явно перевесила все те сомнения, что в них еще оставались.

Это казалось еще ощутимее от того, что довольно длительное время, пока мы шли вперед (недавняя дистанция уже не соблюдалась), никто из нас не проронил ни слова. Да что там слова. Ни единый звук не был издан нашими губами. (Под словом "нашими", я, конечно же, понимал нас всех: Софи, Оми, Рене и меня; хотя как раз меня,-- можно было в расчет не брать; ибо я

чувствовал себя неким "режиссером", "актером", и - заодно - "автором сценария"; хотя *сценарий* мне был мало знаком; а актерами... на актеров больше походили те безмолвные куклы, в образе которых сейчас предстала вся семейка. Ну а тогда я был единственным зрителем. Единственным не только потому, что нам не попадался ни один прохожий, но и оттого, что вся, идущая рядом со мной, "троица",-- являла пример необычайного "однообразия" в действиях. Это были словно живые манекены,двигающиеся по строго заданным - и заранее запрограммированным - схемам. По правде говоря, мне было необычайно неловко себя чувствовать сейчас на месте любого из них. Тем более, я хорошо знал,-- что это всего лишь "начало". И, пожелаей они,-- жители этого города могут предстать перед ними в такой "красе",-- что какие-либо былые иллюзии - хотя у меня были все основания полагать, что Рене, Оми, и Софи,-- с ними уже расстались - не только исчезнут; но и разорвутся на месте взрывом, способным принести с собой немало тяжких последствий столь некогда доверчивому семейству Моро). И мои спутники, словно подспудно догадываясь что еще не все закончено, шли словно агнцы на заклание.

Природа, словно будучи в тайном заговоре (с кем -- со мной?), всецело участвовала в проводимом *эксперименте*. Выражалось это единственным, что было возможным от нее, дабы не изменять условия этого самого эксперимента - сохранением одинаково стабильных природных условий, в результате чего сейчас, несмотря на четыре часа пополудни, по-прежнему светило (и ужасно палило!) солнце, ветерок отдыхал где-то в тени,

---

выходной день близится к концу, но на завтра тоже был объявлен выходной - о чем еще вчера радостно сообщил Рене, стоило ему только переступить порог, придя с работы. Потому настроение расслабленной легкости, как тому и следовало быть, сохранялось и передавалось всем без исключения, хотя снобов, пессимистов и аскетов в расчет не берем. Выходные, будни, праздники - для них не имеют никакого значения.

Неизвестно, долго ли еще бы продолжалось наше "путешествие", но, сначала мы почувствовали витающий в воздухе запах аммиака (с какими-то еще примесями из таблицы химических элементов), а потом услышали (так приятно на фоне относительной тишины слышать чей-то голос) визг (именно визг - удивления, испуга, страха, непонимания?..) Рене.

Я слегка приблизился к этому, начинавшему удивлять меня, мужчине, который после повторения своего нечленораздельного возгласа (все же, наверное, "удивления"), принялся что-то бормотать себе под нос.

-- ... ну, не может быть! Этого просто не может быть... да нет... такое попросту невозможно.., -- в его *удивлении*, я без особого труда разобрал довольно (стоило признать, с дикцией у Рене был полный порядок) отчетливо слышавшиеся фразы. -- ... да нет...

-- Рене, что происходит? - медленно произнесла удивленная не меньше его Оми. - Это же твоя работа?..

-- Папа?.. - запнулась на полуслове шокированная Софи.

(--Так вот оно в чем дело? -- начинал догадываться и я. - Рене увидел *свой родной завод*. Хотя, насколько мне было

известно, как-никак,-- предстоящие достопримечательности, которые нам должны были попасться по дороге, Рене мне живописно обрисовал еще перед нашим отправлением,-- посещение (даже прохождения мимо) места его работы, в его рассказе не было. Интересно, что бы это могло означать?..)

-- Мы пошли совершенно иной дорогой, -- обескуражено произнес повернувшийся ко мне Рене. Глаза его были необычайно вытаращены, на губах застыла смущенная полуулыбка, он даже весь как-то то ли покосился, то ли скрючился...

-- Я тоже ничего не понимаю, -- поддержала его Оми (я взглянул на женщину и тут же отвернулся. Казалось, она вот-вот сойдет с ума).

На Софи я решил не смотреть. Все-таки моя будущая жена.

-- Папа... ты же десять лет ходишь этой дорогой, -- (это голос Софи).

-- Другой, дочка, совершенно другой, - (а это Рене).

-- Но к работе ты приходил именно с той стороны, где сейчас стоим мы? - пыталась докопаться до истины (а заодно проявить свои "дедуктивные способности") Софи.

-- Это так, -- тихо произнес Рене. - Но я до сих пор уверен, что мы шли в другую сторону.

-- Как же мы тогда сюда попали? - задала никому не адресуемый вопрос Оми.

-- Земля-то круглая, -- вздохнул я, даже не надеясь, что кто-нибудь оценит мой юмор. Но Рене, видно, все понял, потому что покраснел и смутился.

(-- Сейчас, должно быть, еще раз признает, что я был прав, -- появилась в моей голове мысль, но...)

-- .... Рене Моро?! - сокрушил воздух неподдельный крик изумления.

(-- Вот кто, должно быть, удивился больше всех, -- я окинул взглядом тщедушную фигурку мужичонки, чуть, должно быть, постарше Рене, с виду напоминающего *большого начальника*. Как позже оказалось, он таким и был).

Кастильо Фабучинни был... владельцем завода. То, что он был чистокровным французом, но носил итальянскую фамилию (а какое имя - испанское?), это еще было не так интересно, как то, что он помнил *всех работников своего завода*. Всех, начиная от вахтера, и заканчивая главным инженером, и тремя своими заместителями, в число коих, конечно же, не входил Рене. И главным инженером он не был. Так, обычный инженер. Один, среди двух десятков работающих на этом заводе).

-- Мистер Кастильо, -- от удивления (в которое сознание Рене было погружено всецело и полностью), спутав имя директора с его фамилией, проговорил Рене. - Вот, в выходной день решил показать семье свою работу, -- нашелся он.

-- Какой выходной день? - раскрыл рот от удивления Фабучинни. - Чей выходной день? - переспросил он, явно ничего не понимая.

-- Как чей? Мой, -- уже значительно тише произнес (скорее - промямлил) Рене.

-- Да ты что, не в себе? - недоумевал Кастильо Фабучинни. - Рабочий день в самом разгаре.

Тщедушная фигура директора завода теперь казалась "раздутой", по крайней мере, вдвое-втрое. Он даже несмотря на то что если бы и подпрыгнул,-- все равно не сравнялся бы в росте с высоким Рене,-- теперь смотрел на своего подчиненного сверху (и намного сверху) вниз.

-- Но ведь в этот день я выходной еще с первого своего дня работы? - неуверенно пытался оправдываться Рене. - Уже как десять лет, -- обескуражено добавил он.

-- Первый раз слышу, -- покачал головой Кастильо Фабучинни, который, по всей видимости, уже томился присутствием своего инженера, -- Но... Но, если Вы считаете, что сегодня выходной, -- вскинутые вверх брови мистера Фабучинни явно свидетельствовали о его большой мыслительной работе в данный момент, -- пусть так и будет. Сегодня выходной! - торжественно объявил он и повернулся к своему заводу. Собираясь, по-видимому, направиться туда. - Поспешу об этом уведомить всех работников, -- услышал Рене (а с ним и мы, замеревшие на месте и вслушивающиеся в развернутый перед нами диалог). - Пусть сегодня отдыхают... А завтра? - раздался вопросительный голос Кастильо Фабучинни, уже успевшего пройти с десятков метров (быстро же он ходил!) и обернувшегося к молчаливо взирающему ему вслед Рене.

-- Тоже выходной, -- так тихо ответил Рене, что мистеру Фабучинни пришлось, должно быть, читать по губам.

-- Спасибо! Спасибо, Рене Моро! - услышали мы все голос обрадовавшегося мистера Фабучинни, который еще быстрее припустил к дымящему своими трубами заводу.

Не успели мы перекинуться непонимающими взглядами, как тотчас же рядом с нами (а мы теперь стояли довольно скученно) появился запыхавшийся Кастильо Фабучинни.

-- Мистер Моро, -- несмотря на сбивавшееся дыхание, постарался, по возможности, торжественно объявить он. - Вы оказали мне, и в моем лице всему трудовому коллективу, неоценимую услугу. А потому будете за это вознаграждены. Отныне Вы - помощник главного инженера. Соответствующий приказ мною будет сегодня же подготовлен. А сейчас имею честь откланяться (в первый раз Кастильо Фабучинни, должно быть, заметил наше присутствие: дамы, господа) - он по-офицерски отщелкнул, поворачиваясь, каблуками, и, пройдя несколько метров чуть ли не армейским шагом, побежал. Мы еще с десяток минут стояли, замерев на месте, и спроси кто на сейчас, наверняка никто бы не ответил: кто мы? Что происходит? И зачем мы здесь стоим?.. Но постепенно задумавшееся настроение спало, и, словно выйдя из окутавшего нас тумана. Оцепенения, мы пошли дальше. Но вот, только куда мы шли, сейчас, пожалуй, не знал никто...

ГЛАВА 8

Несмотря на вынужденный

_____ (я говорю - вынужденный, потому что под иные характеристики произошедшее с Рене не подпадает) диалог с Кастильо Фабучинни, отец Софи казался (или, скорее, хотел казаться) расслаблено спокойным. Однако, достаточно было более или менее внимательного взгляда в его сторону, чтобы заметить пожирающее его внутренности беспокойство. Или безумное беспокойство. А, может и охватывающее его безумие. Подспудно я догадывался, что что-то надо делать. Но что? К тому же, я волен был корить в случившемся и себя. Ведь, с чьей подачи осуществлялся наш сегодняшний поход? И что еще могло произойти? Этого ведь не знал никто. Ну и, кроме того, был еще и один момент. Дело в том, что, как бы оно там не было, но то, что уже произошло в этом городе со мной, касалось, в принципе, только моей психики; то есть, посредством воздействия на мое подсознание анализирующего действительность сознания, и рождение в этом случае некоего побочного продукта, в виде,-- появляющегося в моей памяти блокирующего механизма, способного в дальнейшем вполне лояльно переносить похожие сценарии. Но это был мой мозг. Мозг, подвергающийся ежедневной (если не ежесекундной) тренировке посредством

решения многочисленных интеллектуальнейших задач имеющих у меня на вооружении. Да и я давно уже поставил перед собой цель развития максимума в совершенствовании интеллектуальных способностей; а потому,-- к тому, что по жизни случается переживать мне (в том числе, периодически происходящие бомбардировки сознания),-- я отношусь более чем философски. То есть, достаточно спокойно.

Но это совсем не значит, что так же индифферентно способен реагировать на происходящее мозг какого-либо другого человека; в том числе близкого мне (ведь, если разобраться, отец Софи вполне может оказаться моим родственником).

Вот почему я начинал чувствовать за собой ответственность, которую, даже при появившейся возможности, не стал бы с себя слагать. Ведь нельзя было допустить, чтобы кто-либо пострадал в результате несовершенства существующего мира. Тем более, из-за того, что кто-то (а в данном случае под, на первый взгляд абстрактным: "кем-то",-- я неминуемо подразумеваю Рене) не обладает выработанной во мне защитной реакцией на метаморфозы жизни. И я решил помочь Рене. К тому же, помимо Рене, рядом находилась еще и Софи со своей матерью. И мне даже не хотелось бы предполагать, как подобное (случись что-то похожее со мной) сможет "поработить" неокрепшую психику женщин (заранее прошу меня простить за выраженную антифеминизацию женского поведения. Но так уж случилось, что на моей памяти подобной силой -- силой развития мыслительных процессов -- обладала только лишь моя мать. И при всем моем уважении к "слабому полу", процент достаточно сильных личностей среди женщин, всегда будет несравненно ниже, чем у

мужчин; при этом, конечно же, я не склонен особо и выделять мужчин. Среди них наберется добрая половина, интеллект которых не выше, чем у обезьяны; так уж распорядилась эволюция, и в чем тут вина, -- разговор особый).

В результате, серьезно опасаясь того, как отреагируют Софи и Оми на происходящее (а я интуитивно догадывался, что это *не последнепотрясение* за сегодняшний день), я предложил закончить наши *эксперименты*, оставить наш с Рене спор в том виде, в котором он находился, и попросту отправиться домой.

Более того. Я готов был признать, что, вероятнее всего, сам неверно обращался к людям этого славного города (Боже мой! "Славного" звучит как издевка!); и вполне возможно (не играй с огнем, Франц!), мог бы вчера или позавчера, прийти домой намного раньше.

Не знаю, прониклись ли женщины (а с ними и, уже мало что соображающий, Рене) моими словами, или им попросту и самим захотелось домой (правы англичане, любя дом как крепость, а иногда в крепости хочет оказаться каждый), но уже через несколько секунд наш неразлучный квартет отшагивал (то, как мы шли, напоминало, скорее, N-ные сутки пешего супермарафона) по направлению к дому. Возникшую, было, у меня мысль пошутить по поводу "возможного исчезновения" нашего дома,-- я вовремя поймал, и загнал в темные погребца памяти, где уже хранились прочие крамольные и излишне свободолобивые мысли. Однако, подобная шутка, видимо, не отпускала мое сознание (или подсознание), а потому я еще

несколько раз отгонял со своего лица ехидную улыбку (что ж, я всю жизнь с собой боролся; да и что наша жизнь, если не борьба и преодоление жизненных невзгод, передраг, потрясений и превращений: бессознательного в сознательное и наоборот), стараясь ни в чем никого не винить.

Когда мы прошли треть пути (обратная дорога должна была казаться легче, но была трудней), Рене сам, ни с того, вызвался проверить мою недавнюю теорию по поводу эгоизма горожан (кстати сказать, Рене систематизировал мои мысли и слова, которые я опасался выложить родителям Софи). Пытаясь, было, его отговорить от проведения подобного нежелательного эксперимента, я случайно споткнулся и, отмахнувшись от помощи ринувшейся ко мне Софи, в сердцах чертыхнулся, мол, будь что будет.

Но, к моей великой радости, ничего не произошло. Однако, торжествовать победу (хотя, какая это была победа! счет в игре -- давно перестал идти. Да и после моего недавнего заявления, все должно было поменяться. То, что было победой, могло стать поражением. И наоборот!) было слишком рано. Барабанивший в калитку Рене уже собрался, было, уходить (пожимая, взглянув на меня, плечами), как та же самая калитка неожиданно отворилась, и, стоит заметить, как ни в чем ни бывало, из нее вышла необычайно толстая баба с лицом поварихи. Или повитухи, что сейчас было абсолютно все равно, ибо Рене недоуменно у нее полюбопытствовал, как же, мол, так, я стучу-стучу, а Вы мне не отворяете. Удивленный взгляд тетки на Рене мог бы быть единственным проявлением вежливости (а равно и

ответом), если бы в ответ на него не последовал вопрос Рене по поводу местонахождения Морского вокзала (мы шли домой, и Рене, вероятно, вспомнил некогда задаваемые мною вопросы).

Какое-то время на лице бабы читалась мыслительная работа (если поиски несуществующей извилины можно было назвать мыслью?!), после чего она не нашла ничего лучше, как тупо развернуться (на 180°) и зайти обратно, не забыв при этом закрыть за собой калитку.

Находиться дальше возле такого "гостеприимства" не было никакого смысла; а потому мы (я, Софи - она шла теперь рядом со мной, Рене и Оми, которая взяла под руку обескураженного Рене) поспешили домой.

Небо было абсолютно безоблачным. Светило (но уже не грело - сказывался приближающийся вечер) солнце. И на улицах стали появляться прохожие.

Но у Рене, а равно и ни у кого другого, не было больше желания искушать судьбу. А потому, на всем протяжении пути, никто из нас больше не проронил ни слова.

Казалось, судьба на сегодня закончила свои испытания; но уже в скором времени,-- нам пришлось убедиться в обратном.

ГЛАВА_9

Странного вида парочка стояла на противоположном от нас (через полупустынную дорогу; проезжающие иногда автомобили не в счет) тротуаре.

Он - молодой, лет двадцати, не старше, высокий (далеко за метр восемьдесят, скорее, даже, ближе к стадевяноста сантиметрам), черноволосый (длинные волосы, спадающие на плечи), худощавый, с намеками даже на атлетичность, довольно симпатичный (может, даже и красивый). Этаким испанский тип. Одет он был в узкие, темно-синие брюки, чем-то напоминающие джинсы, длинную цветастую рубашку навывпуск (преобладали красно-сине-желтые цвета), на ногах... впрочем, что там у него было на ногах, я даже не разглядел, ибо уже смотрел на его спутницу. Лет ей было не меньше, впрочем, и не больше, сорока. Низкого роста (доходила парню едва ли до его широких плеч), слегка полноватая, с белыми (скорее всего, крашенными) не слишком длинными волосами (что-то вроде "каре"), и удивительно... *блядским* лицом. Состоящим, прежде всего, из бросающихся в глаза ярко накрашенных губ (необычайно крупных и четко очерченных - ох, уж эти женские хитрости макияжа! - которые сложились в блудливо-эротично-вызывающую улыбочку), и томительно-невинных глаз, выражающих полную женскую покорность мужчине (любому мужчине, ибо она точно так же через время - по мере нашего приближения - посмотрела и на Рене, впрочем, как и на меня).

Несмотря на яркий наряд женщины, ни у кого не было сомнения, что она с таким же успехом могла натянуть на себя еще

столько же: все равно при первой же необходимости -- она в доли секунды скинет с себя абсолютно все.

Но речь сейчас не о том, кто из увиденных нами прохожих во что одет.

Хотя то, что мы все почему-то обратили на них внимание, было уже каким-то *знамением*, позволившим (о, если бы я мог все предугадывать наперед!) избежать хотя бы большинства из возникающих в нашей жизни нежелательных ситуаций.

Итак, мы стояли на противоположной стороне (от стороны влюбленных) тротуара и, чуть ли не откровенно разинув рты, взирали на парочку. У них был... ну, что-то вроде внутренне-семейного скандала или, по крайней мере, ссоры. Такой ссоры, в результате которой, еще минуту назад щебечущие друг другу нежности, влюбленные вспыхивают пунцовыми пятнами на разгневанных лицах, и поливают друг друга площадной бранью; хорошо, если еще удастся избежать физического сопровождения скандала; но в нашем случае, это, по всей видимости, тоже предполагалось; потому как молодой человек,-- предусмотрительно сделал шаг назад; а сужившая свои кошачьи глазки и скривившая в гримасе женщина, уже готовилась к прыжку в сторону недавнего кавалера.

Насколько я мог предположить, речь шла о вполне тривиальной (в подобных неравных - по возрасту - браках) "измене" молодого человека, позарившегося, по всей видимости, на какую-нибудь более молоденькую особь женского пола. Хотя,

---

скорее всего, никакой измены и не было вовсе; но такова уж природа стареющих женщин, имеющих молодых любовников, что им сплошь и рядом кажется адюльтер.

К счастью, женщина решила ограничиться выкрикиванием в лицо молодому человеку обвинений. Рассудив, что на этом у них все и закончится (хотя, подобное могло продолжаться еще долгое время) и, поймав себя на мысли, что движимое нами любопытство постепенно проходит (о том, что любопытство - это хорошо или плохо - сейчас даже не говорим), мы все вчетвером направились дальше. Вернее, собирались уже, было, направиться, как молодой человек, до недавнего времени увлеченно выяснивший отношения с дамой, неожиданно галантно кланяется ей кивком головы, женщина заботливо целует его в подставленную им щеку, потом, молодой человек направляется к нам, женщина оборачивается к нам, улыбается и... завидев Оми, приветливо машет ей рукой и... прощается с ней воздушным поцелуем.

А высокий, стройный, красивый черноволосый молодой человек переходит дорогу, подходит к Оми, медленно берет ее под руку и, недоумевая, спрашивает, что же такое случилось, что она опаздывает? Ведь мы, мол, договаривались сегодня встретиться пораньше?

Не давая никому из нас опомниться, этот, испанского типажа, повзрослевший юноша,-- не забыв поприветствовать каждого из нас (подмигивает опешившему Рене, дружески похлопывает по плечу меня, Софи - отвешивает поклон),-- переводит (нисколько не сопротивляющуюся, да какое там, жenuшка Рене совсем потеряла способности хоть как-то оценивать

реальность) Оми через дорогу, после чего они спокойным, прогулочным шагом двигаются по противоположному от нас тротуару в направлении... да, какое уж там может быть направление?! Перекинувшись с Рене понимающе-недоумевающим взглядом, мы с ним бросаемся в вдогонку, но... по дороге (по практически пустующей доселе дороге) проносятся тяжелые грузовики. И не один - два-три... целая кавалькада, перестраивающаяся в надежде обогнать друг друга колонна, десятки, сотни машин, которые, как будто специально, учитывая их нахождение в городе, снижают скорость.

Проезжающая рядом (по тротуару, так, что нам приходится посторониться) легковая машина - а кабриолет с сидящим в ней кинооператором сиюминутно останавливается (вероятно, чтобы сделать более четкий репортаж), а находящийся рядом с ним человек с "громкоговорителем" поясняет всем невольным свидетелям подобного мероприятия, а, значит, в том числе, и нам, что это, мол, проходит один из этапов ралли "Париж-Даккар", а следом.. следом движутся велосипедисты, участники велопробега "Тур де Франс".

Из всего нам ясно одно - перейти дорогу, а, значит, вытащить Оми из лап этого франта, нам не удастся. Правда, Рене, несмотря на мои предостережения, это сделать все же собирается, но сопровождавшие гонку полисмены вполне недвусмысленно смотрят на него, собираясь, по-видимому, забрать в каталажку.

Апогеем происходящего служит Оми, которая, остановившись на том конце тротуара, делает нам какие-то жесты, из которых мы с удивлением понимаем, что она хочет, чтобы мы ее не ждали и... шли домой. Мол, дома, вечером, все объясню.

Рене долго еще не хотел смириться с происходящим, но перейти дорогу он не мог. А когда, наконец, движение стихло, и перед нами промелькнула спина последнего велосипедиста, а за ним - замыкающий колонну - проехал полицейский мотоцикл, Рене, а вслед за ним и я с Софи, перебежали дорогу, но... ни Оми, ни ее спутника, ни женщины,-- давно уже не было.

Но еще большее удивление нас ожидало вечером, когда наконец-то появившаяся Оми (отсутствовала, между прочим, часов пять, не меньше), как ни в чем ни бывало выслушала все, что о ней думает Рене и, искреннее улыбаясь, похлопала мужа по плечу (точь-в-точь также *покровительственно*, как недавно этот молодой испанец похлопал и мое плечо), и посоветовала разгневанному супругу "побольше отдыхать". Она, мол, целый день провела на работе (в своей музыкальной школе), и о чем-нибудь ином,-- "слышит впервые".

-- ?!

А когда Рене (и поддержавшая его Софи) все же стали настаивать, чтобы она рассказала "правду" (где же ты все таки провела эти пять часов!?), Оми неожиданно срывается на крик (раньше от нее такого действительно слышать не приходилось), и обвиняет неблагодарного мужа,-- а заодно и дочь (хоть Вы меня, Франц, поддержите,-- взгляд на меня) в том, что они совсем помешались на своих фантазиях.

-- Я была на работе, и ни где больше! - категорично заявляет она. - Причем, ушла еще утром, когда вы все спали!

-- ?!

Как говорится: "финита ля комедия"... К этому никто из нас добавить ничего не решился...

ГЛАВА 10

Световой шарик, появившись у меня перед глазами, какое-то время побыл в таком же размере, как я его увидел, а потом начал медленно расплываться, увеличиваться так, что вскоре свет заполнил все пространство передо мной, поглотив все, что там находилось: мебель, стены, окна и более мелкие предметы, как то: стулья, цветочные горшки, шторы.. Я понял, что еще чуть-чуть, и подобной участи буду удостоен и я. Свет замер на какое-то время и начал уменьшаться в размерах. Скоро он превратился в обычный маленький шарик размером с теннисный мячик. Мне захотелось дотронуться до него. Однако, я знал, что это очень опасное желание, ибо ничто так не может тебя уничтожить, как бездна, заключенная в ничем не примечательный предмет домашнего (насколько шарик может быть к этому отнесен?) обихода.

Я оказался прав. Ибо не прошло и нескольких секунд (имеют ли значение секунды или минуты перед вечностью?), как, некогда маленький, шарик стал стремительно увеличиваться в размерах, и вскоре я отпрянул от него (он стал двигаться на меня), ибо понял, что не пройдет еще и минуты, как этот светящийся шар просто-напросто сожрет меня.

Я проснулся.

-- Так значит, это был всего лишь сон? - с некоторым сожалением подумал я, оглядевшись. Все в комнате покоилось на своих местах. Книжный шкаф (кстати, надо не забыть вернуть книги профессору... Я выхватил взглядом одну из них - Джордж Элиот - "уже прочитал", -- тут же ответил я сам себе...), комод

(доставшийся в наследство Софи), сама Софи (девушка, свернувшись калачиком, сладко спала на соседней кровати - мы же были воспитанными людьми: до свадьбы - ни-ни), радиола (единственная значимая вещь в этом городе - не считая книг - благодаря которой я был в курсе новостей, происходящих в мире), да всякая там мелочь,-- в виде разбросанных повсюду вещей Софи (тех, что еще днем были на ней - Софи была равнодушна к порядку, хотя его и старалась поддерживать ее мать), и прочих несущественных предметов обихода.

-- Значит, я был дома... А до того я спал... -- сделал я два последовательных вывода, из коих заключил, что было бы слишком глупо придавать серьезное значение каким-то сновидениям...

И все?.. Мой взгляд коснулся противоположной стены комнаты, выхваченной из темноты светом (опять свет?) зажженной лампочки ночного абажура. Я в недоумении вскинул вверх брови: стена вибрировала! Что за бред?! Не знаю, что заставило меня тут же не спрыгнуть с постели и не подойти к ней (вероятно, чтобы ее пощупать, так сказать, к визуальным органам чувств добавить еще и...), но... пол тоже двигался!

...Нет, не крутился волчком, или еще как-то перемещался в пространстве... Он буквально уподобился тому, который можно наблюдать на пароходе во время шторма (и, хотя к тому времени я еще ни разу не попадал на пароход во время качки, был отчего-то уверен, что он выглядит (тот или этот?) именно так.

От удивления я закрыл глаза, но тут же их открыл, пристыженный внутренним голосом, поинтересовавшимся, не думаю ли я таким вот образом спастись от реальности?

-- Но если реальность такова, конечно же глупо от нее пытаться спастись,-- мысленно ответил я сам себе.

-- Тем более, все равно не спастись, -- ответил мне внутренний голос.

-- Ну... Трусом-то я никогда не был, -- предположил я, свесив обе ноги на пол (я до сих пор сидел на кровати) и... тут же упал, не рассчитав... качки... Черт побери, - выругался я (уже наверно "не про себя"). И, постаравшись убедить себя, что попросту *остуился*, я снова попытался стать на ноги, но... был отброшен воздушной волной (какой волной?--черт побери!) в сторону...

Превеликого труда мне стоило не зацепить стоявшую посреди комнаты статуэтку (на деревянной подставочке. Семейка Софи в этом городе проповедовала вполне мещанский стиль. Но я надеялся, когда она будет жить со мной - а то, что мы будем жить *не в этом* городе,-- это точно - мне удастся отучить ее от подобных провинциальных традиций).

Но... хорошенькие творятся делишки... *У меня складывалось ощущение, что я стал участником какой-то игры, об участии в которой меня не только забыли предупредить, но и по какой-то причине не удосужились ознакомить даже с правилами.*

Я еще раз (уже робко) попытался взглянуть на стену. Да. Так и было. Она танцевала, преломляясь в различных плоскостях.

Но такого же не могло быть!? В природе подобного просто не существует!

Я с трудом поднялся (пол, на удивление, теперь казался на редкость спокойным, ну, то есть, ровным, так не ровен час и начать "заговариваться").

Немеркнущие тени, отбрасываемые луной, пробивающейся сквозь щелку полузакрытых штор, добавляли забавную экстравагантность ситуации.

Не зная, что может еще выкинуть мое разыгравшееся воображение (а я подозревал, что основным виноватым было, все же оно), я осторожно попытался приблизиться к этим тускловатыми лучам ночи. Однако, когда я задернул шторы, в комнате воцарилась такая темнота, что мне тут же захотелось вернуть все обратно. Но мог ли я? Время, выбравшее меня в спутники своего неумолимого движения, вряд ли простило бы мне подобного кардинального поворота.

Но что я мог сделать? И все, и... ничего... Гладко--

_____законопаченные штукатуркой стены (а ночная королева-луна все же знала свое дело), высвечивающиеся почти что люминисцентным

_____свечением (более правдоподобным, если бы их все же осветить настоящими лампами) стали дружно наползать на

меня. Комната тут же уменьшилась в объеме чуть ли не вдвое. Но у меня еще были шаги к отступлению. А нужно ли было оно мне, учитывая виртуальность происходящего (особое психо-эмоциональное напряжение не в счет), мое сознание (или все-таки подсознание?) подсказывало, что ничего особого вроде как и не происходит.

Вот только хорошо, если бы реальность тоже была бы таковой.

Светящийся шарик теперь отсвечивал где-то над головой.

Очень хотелось посмотреть на него.

Но обволакивающий меня туман желал совсем другого.

Чего?

Мое тело втягивалось обратно, в себя, и готово было исчезнуть, затерявшись на несуществующих просторах сверхъестественного.

Ну что нужно было на самом деле мне? Какой путь принять? Из чего выбрать? С чем согласиться?

Светящийся шарик, по всей видимости, стал вновь увеличиваться (я этого не видел, но понял по наполняющему комнату свету, начинавшему отражаться в глазах). Появилось новое желание. Закрыться, спрятаться от него. Но я знал (откуда?), что это абсолютно бесполезное занятие. Если свет захотел вас поглотить (а он без сомнения этого желал. Или, по крайней мере, предполагал), то вряд ли что будет способно спасти вас, помешав ему в этом.

А надо ли было кому-то в этом мешать? Разве я сам не хотел спрятаться, стать невидимым, незаметным, чтобы хотя бы на

миг никто не замечал меня (не замечал не в смысле своих дурных привычек, являвших пример элементарной невоспитанности, а не замечал в том значении, что не видел и, даже, не предполагал увидеть...).

Разве подобное желание не сидит внутри любого интеллектуально развитого (а к таким я, уж извините, себя отношу) человека. Я имею ввиду... страх. Да, да, именно страх. Ибо страх это не то, что принято считать, основываясь на заключение несведущих реалистов, выбрасывающих в качестве защитного лозунга нелепое суждение реалистичности бытия. Нет, нет, бытие бесспорно реалистично. Но насколько подобный реализм подходит под... основы того вымышленного мироздания, в коем мы с вами сейчас находимся. И не есть ли это столь призрачная субстанция, о которой позволено судить лишь непосвященным?

Страх... Страх -- это неременное качество человека, обладающего разумом.

Разумом, способным вознестись над адекватным анализом того, что ежесекундно происходит в этом мире.

Разумом, раскрывающим границы того, что скептики, не обладающие достаточно позитивным и гибким умом, с превеликим удовольствием отнесли бы к недостающим звеньям *обыденности*, но что и на самом деле есть не больше, как злободневная (и достаточно, по крайней мере, для меня) ужасающая действительность, неспособная выйти за границы своего начала.

Что есть оболочка бесправного (сродни "амебийному") существования? (Или существованию, когда, не в силах

обходиться одна без другого, живут, то есть, существуют, различные по духу, сознанию, интеллекту индивиды. Хотя, насколько индивиды способны обладать столь посредственными качествами?)...

Не есть ли это весьма опасное начало, от которого желательно избавиться всем тем, кто решает в дальнейшем изменить, перестроить свою жизнь, достигнуть в ней апогейных высот развития!

Так надо ли мне сейчас хоть как-то реагировать -- а тем более,-- реагировать столь опасным (для кого опасным? Наверное, все же для меня? Или нет?) образом...

Я перестал реагировать на происходящее... Я в одночасье стал не замечать его. И оно исчезло куда-то.

Испарилось. *Самоликвидировалось...*

Стены вновь приняли привычные очертания.

Мерцающий огонек перестал быть пугающим началом (готовым вот-вот разверзнуться, превратившись в несветочувствительный миллион-увеличенный диод), а стал всего-навсего отражающимся в зеркале уменьшенным осколке луны.

И пол был теперь равный.

Я прошел по нему (уверенно прошел по нему) и отдернул занавеску, пропуская в комнату растолстевшей -- от полнолуния луны - свет, и, оглянувшись на спящую девушку, с удовольствием отметил про себя ее нагую красоту, зацепив краем глаза расставленную на предназначенные им места мебель и более мелкие предметы обихода, нырнул в полураскрытую девичью постель, и, накрыв себя теплой девичьей рукой, впервые за долгое

время, заснул сном умиротворенного человека. Человека, у которого попросту не было проблем.

ГЛАВА 11

Непонятно *унылыми* (и, в первую очередь, конечно же, для меня) проходили мои дни в городе N. *Непонятными* - потому что я никак не мог привыкнуть к той обстановке (или, лучше сказать, к той ауре обстановки), которая первенствовала в этом городе. А унылыми - по той (скучной для меня) причине, что приходится считать дни до своего отъезда.

Никакого дальнейшего оправдания своего теперешнего местонахождения я не видел. Никакой позитивной смысловой нагрузки мое пребывание в городе N не несло. Так, пустое времяпрепровождение, не более того.

Но ведь и согласиться с подобным я не мог. Мой мозг, приученный ежедневно перерабатывать страницы информации, сейчас попросту бездействовал. Все было слишком обыденно, скучно и серо. Любой новый день являл собой унылую *посредственность*, сродни предыдущему. И так случилось, что я начал задумываться: а есть ли смысл мне и дальше находиться в этом городе? Что я вынесу положительного для себя из общения с людьми этого города? Какую новую информацию я получу, находясь здесь и дальше? Насколько я смогу вырасти духовно в городе, подобном этому? И не есть ли мое дальнейшее пребывание просто-напросто великим обманом и, в первую очередь, конечно, самого себя?

Когда я сидел, проснувшись, на постели (Софи мирно посапывала рядом) и размышлял подобным образом (а было еще ранее утро, так что позволить себе ничего не делать я мог. В то

время, как всегда - и особенно зная, что буду замечен кем-то из домочадцев - я сидел за очередной толстой книгой, художественной или научной), раздался неуверенный звонок в дверь. Неуверенный потому, что я сразу подумал (а входная дверь граничила с той, которую отвели для меня и Софи), что автор подобного нажатия на черненькую в белом звонке кнопку, по всей видимости, не уверен в себе. Или, по крайней мере, весьма опасается своего прихода. А, может, просто еще в раздумьях: стоит или нет, ему вообще приходить в эту квартиру?

Судя по тому, что звонок больше не повторился, я предположил, что, вероятнее всего, оказался прав в каком-либо из своих суждений. И, надо признаться, весьма удивился, когда услышал шум (скорее, даже, не шум, а какой-то скрежет, характерный для петель, не смазываемых в течение нескольких лет) открывающейся входной двери.

Сомнений в том, что дверь открыли и, вероятнее всего, открыл Рене (еще с вечера я знал, что Оми уйдет на работу очень рано - у них ожидался приезд владельца школы, а потому предстояло еще провести предварительную репетицию), у меня не было. Но и возникшее любопытство словно подталкивало меня. Что ж, любопытство не всегда плохая черта. Иной раз - и на это было немало примеров из истории - именно благодаря этому (все же не такому хорошему) качеству, были спасены судьбы людей и сделаны уникальные открытия. Ну, в общем, я не удержался и подошел к двери. Мне было на самом деле интересно, кто же пожаловал с толь ранний час.

Не надо было доходить до двери (а дверь в нашу комнату была, естественно, плотно прикрыта), чтобы осознать (не без малого, надо заметить, удивления), что это была женщина. Женщина... Какая может прийти женщина так рано?!.

Да вообще, о какой такой женщине идет речь?!. Женщине... Я знал, что, во-первых, Оми ужасно ревнива (и это, несмотря на недавний случай, которому я стал невольным свидетелем), да и Рене себе не позволяет ничего подобного; тем более, в домашней квартире.

Но сомнений в том, что это была женщина, у меня не было. Во-первых, необычайно сильный аромат духов (женских духов), который буквально просочился сквозь дверь, у которой я стоял. Во-вторых... во-вторых, я слышал мягко-вкрадчивый женский голос (и это был весьма серьезный аргумент в пользу моего предположения). А, в-третьих... Я случайно надавил дверь и сразу оказался в прихожей. Но ни Рене, ни эта женщина (миловидная красотка сродни мелькающим на обложках журналов мод) на меня не обратила никакого внимания. Они... занимались любовью в прихожей. Стоя. Рене только для удобства прислонил гостью к входной двери (предусмотрительно закрытой), да поддерживал ее за одну, слегка приподнятую им за бедро, ногу.

Закатив глаза и откинув голову с прядью распущенных светло-желтых волос назад, женщина с наслаждением принимала в себя огнедышащий вулкан мужской страсти. А Рене... Рене методично ее обрабатывал своим ритмично-двигающимся в ней органом любви.

... Ну и делишки у них тут творятся?!.. А если бы вместо меня тут стояла Софи?.. Я невольно оглянулся назад (в комнату,

---

где спала Софи), но... чуть ли не встретился взглядом с улыбающейся томной улыбкой девушки.

-- Софи?! - слова застряли у меня в горле, но девушка, казалось, нисколько не заметила моего смущения. Более того, явно с наслаждением вглядываясь в картину открывшейся перед ней "любви" ее отца с незнакомой женщиной, Софи взяла меня за руку и... потянула обратно в спальню.

Но и это еще не все. Буквально через несколько секунд, у нас с ней впервые (!) произошло то, что мы заранее условились сделать только после свадьбы.

Раскинув намокшие от неведомого ей раньше наслаждения черные пряди (не знаю, говорил или нет, но Софи нравилось периодически менять цвет волос) по подушке, девушка, с трудом сдерживая себя, шептала мне слова, которые очень часто бессознательно приходят к нам в такие моменты. Ее податливое тело жадно отзывалось на любые мои действия (очень опытным и искушенным в любовных делах меня не назовешь, но верно было одно - то, что я сейчас делал, было настолько необычно для Софи, что она и не думала хоть как-то сопротивляться)...

Никогда еще ни с одной женщиной мне не было так хорошо. Уже потом, когда я размышлял о *случившемся*, я остановился на нескольких причинах, которые позволяли считать это так. Ну, во-первых, сам факт - неожиданности - того, что произошло между нами (ведь такого я никак не предполагал). Во-вторых... Во-вторых... Не знаю, какой эта причина была на самом деле "по счету" (да и уместен ли какой - в таких случаях - счет?!),

---

но мне показалось, что все дело еще и заключалось в необычайной форме "цветка",-- скорее, еще "бутона",-- "любви" у моей невесты, способного столь плотно обхватывать известный мужской орган,-- что в ответ испытывалось несравнимое ни с чем - удовольствие...

Ну, а к тому же я понял, что для меня, оказаться "в роли учителя" сейчас было намного приятнее, чем это было до того, когда я давал с собой "вытворять" все, что рождали неумемные фантазии встречаемых мне женщин...

Да и, согласитесь, любому мужчине (если он не инфантильный недоумок) приятно, когда женщина смотрит на него широко раскрытыми глазами (это, кстати, один из способов женского обольщения), внимая каждому услышанному слову... А в любовных делах, Вы разом возносите на необычайную высоту, на которой,-- обладай вы "тактом", да достаточным количеством интеллекта,-- можете (при желании) оставаться необычайно долго. И наоборот. Если у Вас нет ни того, ни другого,-- моментально слетите вниз. И если "у доверившейся вам" девушки будет хоть частица здравого смысла (и если самооценка у такой девушки будет не слишком занижена),-- она наверняка постарается сделать все, чтобы с вами больше не увидеться...

К счастью, я обладал всеми перечисленными (и не перечисленными) качествами, дабы Софи не только не испытала со мной то, что ей,-- как я понял,-- давно уже хотелось, но и,-- что не менее важно,-- чтобы она не только не раскаивалась в этом, но и - желала бы продолжения...

Так что, в моем случае, все оказалось на самом *должном* уровне.

Однако, интересно, как там у Рене?

Оставив Софи отдыхающей после полученного наслаждения (а сомневаться не приходилась: "я постарался на славу"), и еще раз взглянув на разомлевшую девушку (находящуюся сейчас совсем даже и "не здесь"), я быстро выскользнул в коридор.

Конечно, как это можно было предположить, ни Рене, ни незнакомки, там уже не было. (Кстати, если бы вы спросили меня, зачем я их там хотел увидеть? - Не знаю, даже и не ответил бы. Но выпади мне возможность увидеть нечто похожее в другой раз - не отказался бы... Такова уж, видимо, патологичность моего характера...

Но оказалось, что Рене вообще нисколько не знал (возможно ли такое?) о появлении утренней гостьи. Я это понял потому, как искренне он, оторвавшись от традиционной по утрам чашки кофе и раскрытой, читаемой им, газеты, поинтересовался, как мне спалось.

-- ?

-- А Софи еще отдыхает? - еще одна сказанная Рене фраза, была уже "как бы между прочим". По крайней мере, мой ответ услышать он совсем не собирался.

-- Доброе утро, папочка! - раздался за моей спиной чистый своей утренней свежестью голос Софи, и девушка, чмокнув меня в щеку, пожелала того же мне.

-- Она что, ничего не помнит? - пронеслось у меня в голове в то время, как мои руки вовремя замерли на полпути, собравшись благодарственно обнять тело девушки (девушки, какое-то мгновение назад ставшей, благодаря мне, женщиной), но... я осекся, заметив, что кто-то из нас ошибался (и выходило, что я!), и ничего подобного несколькими минутами ранее у нас не было. Не случилось! Не произошло! Мне никто не отдавал свою невинность. А я ни у кого ничего не брал. Так что?! Выходило, я спал?! Но я же не спал!

Смутившись от всего происходящего и чувствуя еще большую обескураженность, чем это тотчас же выразило мое лицо, я поспешил укрыться в ванной комнате и, включив на максимальную мощность водопроводные краны, я тотчас же скинул с себя пижаму и принялся осматривать свое тело.

Удивительно, но никаких признаков, свидетельствовавших, что я имел какие-либо сношения с невинной девушкой, ставшей, благодаря мне, женщиной, -- ведь я это помнил! - я не обнаружил. То есть, то, на чем должны были быть видны следы запретного прикосновения (запретного - по христианской морали, которая была мне абсолютно безразлична) имело свой естественный (даже более, чем) цвет. Я осмотрел штаны пижамы - тот же самый результат. Но ведь это было! И то, что до меня Софи была "девушкой", я знал точно. И то, что именно мне пришлось прорывать этот *парус*, разделяющий мир девушки от мира женщины и позволяющий именно после этого ей таковой считаться. И никаких следов?!

Недоуменно (и наскоро) ополоснувшись, я вышел из ванной. Софи и Рене уже ждали на кухне (завтрак был готов), и

мне ничего не оставалось, как присоединиться к ним. Но еще долго после этого я, бывало, задумчиво смотрел то на Рене, то на Софи, пытаясь разобраться в загадке, произошедшей тем ранним утром, августа месяца 1924 года, непосредственным участником которой я был, и на которую моя девушка с ее отцом не обращали никакого внимания, всем своим дальнейшим поведением показывая, что этого не было.

_____ сокое из растущих по близости , сидел то самый нищий, для чего-то водрузившись на самое высокое из растущих по близости дерево

ЧАСТЬ 3

ГЛАВА 1

Необъяснимые тайны продолжали происходить в этом городе N. Расположенный на самом юге Франции, город, казалось, должен был являть некое местечко для туристов, но, сколько я здесь ни находился, - а вчера закончилась уже вторая неделя - даже намеков на что-то подобное, я не замечал. Ну, не было туристов, и все!

Ну ладно бы, просто не было (хотя и было это весьма странным, учитывая, что мне доводилось бывать и в местах, на первый взгляд, совершенно не приспособленных для "наплыва гостей города"; но в которых количество этих самых "гостей",-- исчислялось добрыми сотнями, если не тысячами), но я ни разу, находясь на улицах города N, не замечал каких-либо плакатов, зазывающих в этот город кого-либо еще, помимо жителей.

Ни на вокзале, ни на автобусной станции, ни в порту я не видел ничего подобного. Как будто руководство города - а я знал от Софи, что такое было - совсем не было заинтересовано в пополнении городской казны доходами от подобного вида бизнеса.

В то время, как сам *бизнес*,-- был представлен достаточно широко.

Это и утыканные по всем более-менее значимым (а иной раз - и укромным) местечкам летние кафе, рестораны под открытым (и закрытым) небом, различного вида парикмахерские, салоны, массажные кабинеты, бани, врачебные клиники, которых было, на первый взгляд, настолько много, что создавалось впечатление, что все жители должны были ежедневно посещать

одно из перечисленных частных заведений, иначе те придут в банкротство.

Но и это еще было не все. Удивительное дело,-- в городе получило распространение (вернее, не только получило, но и, по всей видимости, пользовалось необычайным спросом), "бюро путешествий". Да, да. Это было весьма забавным. И выходило, что так оно на самом деле и было: всем нравилось отправлять людей куда-либо.

И при этом, эти же самые "дельцы",-- нисколько не были заинтересованы,-- чтобы приезжали к ним... И как раз тогда, когда я гулял по городу (теперь неизменно сопровождаемый Софи, которая безошибочно "указывала" дорогу назад), чуть ли ни ежесекундно наталкиваясь глазами на манящие красоты невидимых морей и стран, ярких вывесок рекламных афиш, у меня родилась идея, а не увезти ли мне вместе собой и Софи?! (Я собирался уезжать где-то через неделю. Отпуск -- перед поступлением в аспирантуру -- подходил к концу).

Но в том-то и дело, что идея забрать с собой Софи, мне теперь не казалась, как раньше, никакой не "бредовой". Ну что ей было делать в таком странном городе?

Но, пожалуй, было любопытно другое. С каждым днем моего пребывания в городе N,-- я начинал задумываться о том, чем же вызвано столь загадочное поведение всех этих людей? Людей, населяющих не менее загадочный город...

В один из дней, сославшись на желание "побыть одному" (признаться, в возникновении такого, весьма простого, желания

было на редкость трудно убедить Софи), я вышел на улицу, поставив для себя цель: попытаться хоть как-то разобраться в мучавшем меня вопросе.

Узкие, плетущиеся вдаль безлюдные тротуары, казалось, должны были приблизить меня к разгадке. Неужели все жители этого городка работали? Ведь должны были оставаться старики, домохозяйки, безработные, наконец; то есть, все те категории, которые составляли народонаселение любого населенного пункта в будние дни. Не говоря уже о выходных?! Ведь что было забавно - абсолютно в любой день, будь то выходной, праздничный или будний, рабочий день, - на улицах города -- жителей было одинаково мало; то есть, их почти не было!? Но ведь так же не могло быть?! Не должно было быть...

Но знаете, что самое интересное? Когда я уже почти приближался к разгадке (а любая тайна на самом деле когда-нибудь бывает разгадана), я задумался? А стоит ли мне заниматься подобной социологической чушью? И знаете, каков был мой ответ самому себе? (Ну, конечно, после того, как я, первым делом, беззастенчиво послал себя?..).

Я просто-напросто пришел к выводу, что если я упорно интересуюсь ответами на столь незначительные вопросы, то, значит, мне на самом деле здесь необычайно скучно. (Согласитесь, что признать за собой то, что это у меня происходит от глупости, я не мог! Не мог. Ибо раньше,-- за собой подобного качества не замечал!).

Но ведь и скука рождается обычно в одном случае - когда человек занимается неинтересным (конечно же, в первую очередь, для него) делом.

Другой вопрос, что его заставило подобным заниматься? Но, проанализировав и это обстоятельство, я пришел к мысли, что просто следует отбросить все непонятные (а, может быть, ложные) предубеждения, и решить, по крайней мере, для себя (тем более, что само решение уже назрело и просило выхода наружу, то есть, *озвучивания*, хотя бы в мыслях), что мое пребывание в этом месте ничего, *кроме ничегонеделания* (а от любого "ничегонеделания" пользы не больше, чем от медного грошика) мне не несет. Да и еще,-- в каких-то отдельных случаях,-- оно может быть и вредным!

А, значит... А значит,-- необходимо было срочно что-то менять. Но изменить я мог лишь только одно - свою среду обитания (прямо как у птиц, которых я с детства ненавидел!). Иными словами,-- мне следовало уезжать. И чем я быстрее это сделаю,-- тем будет от этого больше пользы.

Я уже точно решил с собой взять Софи. В Берлин! К тому же я решил, что пока не получу ученую степень (а на это потребуется несколько лет), никуда из Берлина уезжать не буду. И если исходить из необходимости (хотя бы в дальнейшем - теоретически, да, наверное, и практически, это было оправдано) решения своих семейных вопросов (ведь брак -- это, как-никак, скорее всего, закономерность существования любого мужчины, конечно, если он не потенциальный холостяк), то следовало подумать об этом именно сейчас. Пока я находился рядом с

девушкой (или уже с женщиной?), которую намеревался взять в жены. И ее следовало взять с собой. В Берлин. А до этого необходимо было убедить в этом ее родителей. Ну, конечно же, я не думал, что Рене с Оми будут против.

Но, по крайней мере, поговорить с ними об этом я был обязан.

Иногда я гулял по городу и сам. В одну из таких прогулок я и принял решение. И когда под вечер пришел домой (на удивление, -- дорогу теперь находил безошибочно), я с загадочным видом посмотрел на девушку, и сказал, что должен ей сообщить что-то необычайно важное; - конечно, помимо того, "что я тебя люблю", -- предрешил я вопрос Софи. Чем, вероятно, по меньшей мере, заинтриговал ее. (Ну, или, испугал...).

ГЛАВА 2

Клод Одран держал в руках скрюченный от времени, высохший, с виду напоминающий те многочисленные обрывки бесполезных и никому не нужных, старых и потертых от времени бумаг, которые можно найти в достаточном количестве в любом контейнере для сбора мусора, папирус. Но, в отличие от специально кем-то выброшенных и, что самое главное, бесполезных листков, этот был бесценен. Бесценен, конечно же, для специалистов-филологов. Но ведь именно таковым профессор Клод Одран и являлся.

Поднеся поближе к глазам это свидетельство прошедшего времени, Одран какое-то время внимательно рассматривал его через огромную увеличительную лупу (микроскоп тоже стоял рядом). Профессор наконец-то выключил мощную лампу, свет от которой был направлен специально на объект исследования, и, откинувшись на спинку кресла, задумался. По всему выходило, что, то,-- что он разгадывал уже несколько недель,-- было ничем иным, как обрывками "завещания". Однако, в руках профессора находилась только середина документа. Его "начало" и "конец", скорее всего, были безвозвратно потеряны...

-- По всей видимости, придется отнести его в лабораторию, -- с некоторым сожалением решил для себя профессор. В последнее время он предпочитал работать дома. Окружающие люди начинали его раздражать. Но хорошо еще, что не в такой степени как его брата, Кори Сандерса, который перед

самым своим отъездом в Мичиган, где у него была своя лаборатория, поделился с Клодом своими тревогами. Его тревоги носили необычайно личный характер, и были направлены, прежде всего, на общение с кем бы то ни было. Вернее, на стремление Сандерса - исключить подобное общение.

И вот сейчас Одран задумался над тем, что схожие симптомы он наблюдает и у себя.

Профессор встал из-за стола и, потянувшись, слегка разминая затекшие ноги, медленно прошелся по кабинету. "По всему выходит, что неожиданно стремление к одиночеству есть ничто иное, как завуалированный страх человеческого общения,-- подумал Одран. -- Именно тот страх, который мне удавалось все время загонять куда-то внутрь себя. На протяжении всех лет жизни. Неужели теперь, когда наступает старость, я дам ему выйти наружу?"

Профессор Одран сделал несколько шагов, подошел к окну и, слегка раздвинув шторы, взглянул на пустынную предвечернюю улицу.

-- Ведь никак нельзя было допустить, чтобы он заставил меня идти у него на поводу! - решил для себя профессор. - Однако... однако, что если я уже не в состоянии его контролировать? -- неожиданная мысль запульсировала надрывной струной в голове профессора. - Что, если старость таким вот образом предъявляет свои права? Но что же тогда остается мне? Смириться?! -- Клод Одран слегка поперхнулся подобными мыслями и, подойдя к письменному столу, быстро налил себе стакан воды. - И все же я думаю, что не может быть все

так плохо, -- с надеждой подумал он, вновь подойдя к окну.

Неожиданно его взгляд коснулся тротуара, который уже начинал заволакивать начинавшийся вечер, и среди появившихся одиноких фигур (вероятно, спешащих с работы) профессор Одран разглядел человека, которого он уже когда-то видел.

-- Франц... Франц Монтестье, -- безошибочно прошептал про себя профессор. - Интересно, что здесь делает этот молодой человек?

Внимательно проследив за интересующей его фигурой, Одран не без удивления отметил, что она скрылась в подъезде его дома. - К кому же он направляется? - заданный самому себе вопрос совпал со звонком в дверь. Его дверь.

-- Может, не открывать? - предательская мыслишка возникла, было, в голове профессора, но он, тут же устыдившись ее, пошел открывать дверь.

-- Добрый вечер, профессор, -- чуть застенчиво проговорил Франц, так что Клод Одран сразу заметил, что у молодого человека тоже не все складывается хорошо. По крайней мере, во внутреннем состоянии, состоянии его души...

-- Вы принесли мне книги? - догадался Одран, заметив в руках молодого человека небольшую сумку с оттопырившейся в форме квадратов или прямоугольников (формат книг?--подумал он) тканью.

-- Да, -- все так же смущенно, ответил Франц, передавая сумку Одрану и собираясь уже уходить.

-- Нет, нет, -- улыбнулся Одран, положив руку на плечо молодого человека. Неожиданно, профессору захотелось с кем-нибудь поговорить. - Прошу Вас, проходите,-- Клод Одран слегка

подтолкнул задумавшегося в нерешительности молодого человека.

- Ну, что же Вы? Проходите, -- повторил он. -- Я как раз собирался пить чай. Вам могу сварить кофе, -- предложил он, когда Франц, подумав, что зайти все же придется (наверное, нельзя быть таким "непочтительным"?) переступил порог квартиры профессора.

ГЛАВА 3

Рене Моро, мужчина сорока пяти лет, сидел за столиком одного из летних кафе города N. На столе стояли: початая бутылка виски, минеральная вода, нарезанный ломтиками сыр, колбаса, бекон, блюдечко с икрой (почти пять лет Рене работал в России, там у него и возникла привычка к холодным русским закускам), тарелочка со льдом, и только что принесенный официантом дымящийся кофе.

Рене размышляя о том, что в последнее время в его жизни стало возникать слишком много загадок, к которым он больше не мог проявлять столь равнодушного отношения.

Прежде всего, Моро беспокоил тот случай, произошедший около его работы, когда повстречавшийся Кастильо Фабучинни повел себя с ним столь загадочным образом. Дело в том, что, придя уже на следующий день на работу, Рене с удивлением отметил про себя, что Фабучинни совершенно не помнит, что между ними накануне состоялся какой-то разговор. Естественно, о теме их беседы,-- он не помнил тоже.

Но если работавший, как и прежде, Рене (а что ему еще оставалось? Тем более, если ничего и не произошло? Но ведь разговор между ним и Фабучинни все же был?!) постарался постепенно забыть (как оказалось, совсем забыть не получилось) об "инциденте" с хозяином фабрики, то совсем недавний случай с пришедшей к нему в квартиру незнакомой женщиной,-- не выходил у него из головы.

Притом, что невольным свидетелем произошедшего - оказался Франц. Нет, конечно, Рене был уверен, что в голове

молодого человека за последнее время все перемещалось. Ведь с тем случилось столько событий, сколько - верно - не случилось за всю его недолгую жизнь. Но все таки, Рене немного нервничал. Что-то он и вправду немного нервничал... Неужели была на то реальная причина?... Ведь не может быть, чтобы тот случай... С этой девицей... Он даже не помнит как ее зовут?! Все произошло настолько хаотично... Любопытно, что думает об этом Франц?... А ведь, за все время их брака - Рене никогда еще не изменял Оми... Притом что, был почти уверен, что подобной "верности" от Оми - ждать было бы, как минимум, глупо.

Нет, конечно же, "направо-налево" она не гуляла, но...

И все же сейчас Рене хотелось думать совсем не об этом. Он замечал, что в городе, его городе - ведь Рене Моро здесь не только провел всю свою молодость и зрелые годы, но здесь же и родился - должно быть, и раньше происходили разные, там, странные ситуации. Но почему-то так вышло, что именно с приходом Франца Монтестье, Рене наконец-то обратил на них внимание.

-- Неужели похожее случилось и раньше? - удивленно переспросил сам себя Моро. И тут он припомнил, что когда три года назад к нему приезжала тетка (сестра отца, который вместе с матерью жил в Париже), то она тоже говорила ему о чем-то подобном. Вот только "о чем"?-- он теперь, сколько ни силился, вспомнить не мог.

-- А ведь и вправду - что-то подобное уже происходило,-- уже готов был себя убедить в этом Моро.

Второй случай, который тотчас же всплыл в памяти Моро, была какая-то нелепая история, произошедшая с его дочерью, Софи, всего несколько месяцев назад, когда она целый месяц не ходила в институт, мотивируя тем, что все преподаватели разом то ли заболели, то ли уехали на симпозиум в Париж, а то ли, и вообще, сначала уехали, а потом заболели. Нет, институт, конечно же, работал - Рене специально справлялся о том, - но именно подобная непонятная метаморфоза (интересно, бывает ли метаморфоза подобной?) случилась с факультетом ее дочери.

Тогда Рене не придавал этому особого значения (как-то своих забот был полон рот), но теперь?.. Теперь все это (да, наверное, еще и многого сверх того - подольше покопаться, можно было отыскать немало примеров) наводило на мысль, что в его городе происходило так много всего загадочного, что впору было только удивляться и удивляться...

Если, конечно, воспринимать это все всерьез?!

Но такой уж был Рене человек, что он просто привык анализировать многие, как оказалось, чаще всего уже прошедшие, факты.

Сейчас Моро сидел в баре, выпивал и размышлял...

-- Вы не будете "против", если я Вас приглашу на танец?
- слышался томно-сексуальный женский голос.

Он оглянулся. На него смотрело создание женского пола от силы лет 20-22, но с весьма развитыми женскими формами, с трудом прячущимися под обтягивающую футболку и мини-юбку. Рене отметил про себя весьма *чувственный* рот девушки, ее широко открытые глаза, пышные рыжие волосы и моляще-

---

просящий, и в то же время (вот тоже загадка), несколько уверенный взгляд, направленный прямо на него.

Рене пожал плечами. Выпитый виски уже начинал свою работу в его организме, а потому причин отказывать даме,-- он "не находил".

-- ...Вы не возражаете, если я сегодня заночую у Вас? - с подкупающей откровенностью поинтересовалась Эльза (так звали девушку), когда после танца Рене пригласил ее "присоединиться" к нему, и она подошла к его столу.

-- Нет, конечно, если Вас что-то смущает, я могу уйти, -- тут же проговорила девушка, заметив, должно быть, что Рене смотрит на нее с широко открытыми глазами.

-- Да я, вроде как, и не против, -- слегка заплетающимся языком произнес Рене (вроде, и выпито было полбутылки, -- про себя удивился он), галантно отодвигая стул и приглашая даму присаживаться рядом с ним.

-- Вы всегда такой скромный? - с любопытством поинтересовалась Эльза, доставая из сумочки длинную сигарету и дожидаясь пока спохватившийся Рене,-- поднесет зажигалку.

-- А Вы? -- вырвалось у Рене, но, тут же опасаясь, по-видимому, выглядеть в глазах девушки чересчур грубым, он попытался как-то скрасить свой нелепый вопрос, задав следующий, в котором он интересовался, часто ли Эльза сюда "приходит"? Конечно, этот вопрос был тоже "не ахти", но, тем не менее, девушка, словно не заметив первого, предпочла ответить сразу на него.

Однако, в ее ответе читалась такая "двусмысленность", что Рене немного смутился, а потому на какое-то время воцарилась пауза.

-- А Вы знаете, -- Эльза, слегка прищутив глаза, заинтересованно посмотрела на Рене. - Я, по-моему, знаю вашу жену. Ее зовут Оми? - поинтересовалась она, не сводя с Рене взгляда.

-- Оми, -- произнес обескураженный Рене.

-- Вам предоставляется неплохой шанс ей "изменить", -- улыбнулась Эльза, в очередной раз смутив и без того находящегося в какой-то прострации Рене.

-- С Вами? - тем не менее, нашелся он.

-- А что, у Вас есть какая-либо еще кандидатура? - удивилась (а удивилась-то она искренне, -- отметил про себя Рене) Эльза.

-- Да нет, -- признался Рене.

-- Ну, тогда пойдем, -- предложила Эльза, приподнимаясь.

-- Пойдем, -- пожал плечами Рене, разом осушив бокал виски (забыв запить "минералкой"), и, сморщившись, поднялся вслед за девушкой.

ГЛАВА 4

Сандра Муарже, сидела одна в своей богато обставленной квартире на улице Монпарнас, и ей вовсе не хотелось никуда идти. На сегодня у нее было запланировано несколько "важных дел". Однако, их важность была, скорее, вызвана ее вчерашним настроением, чем истинным положением дел. На самом деле, что такого важного было в посещении модистки? Или в общении с давнишней подругой, с которой она, увидевшись мельком неделю назад, договорилась встретиться именно на этот день? Ведь подруга так долго ждала с ней встречи, что вполне может подождать и еще. А модистка? Разве сейчас была такая уж необходимость в заказе нового (какого по счету?) платья? Отнюдь! Так в чем же дело? Разве не может Сандра сегодня побыть одна?

Внезапно навалившейся хандре, Сандра Муарже не находила какого-то реального объяснения. А, может, просто и не пыталась найти. Да и вообще, все было и так более, чем ясно. Начинался пятый десяток. Уже месяц как завершался тот физиологический период в жизни женщины, во время которого она пыталась запрыгнуть в уходящий вагон времени, разом восполнив все то недостающее, что когда-либо упустила в жизни.

И именно в это время она поняла, что в ее жизни еще было много такого, что просто "прошло стороной". Но если из-за чего она и переживала больше всего в последнее время, так это из-за того, что Сандра так и не успела родить ребенка. Сына. Или дочь. Больше всего она хотела сына. Растущий "крепыш", сейчас бы вымахал в статного, красивого юношу. А то и в молодого человека. И был бы не только верным помощником, но и тем, с

кем в периоды начинавшихся в последнее время депрессий, она могла бы за разговорами коротать вечера... Ведь, если разобраться, с мужем, Мишелем, она давно уже не находила должного взаимопонимания. Да так и повелось, что свой брак друг с другом, они оба рассматривали как средство от одиночества. И, к сожалению, не более того. И не может быть, чтобы сейчас, когда прошло уже почти двадцать лет их совместной жизни, никто из них не задумывался над *усредненностью* их подхода к *тому таинству*, что нес в себе союз двух людей: мужчины и женщины. Хотя... по всей видимости, если об этом начинала задумываться Сандра, то, вероятнее всего, к подобным умозаключениям,-- должен был приходиться и Мишель?!

Сандра устало прилегла на мягкие и широкие подушки дивана.

-- Что же есть вся та жизнь, которую я прожила таким вот образом? - задумчиво смотрела женщина "в никуда". - Нет, конечно, никакую разгульную жизнь я никогда не вела. Меня трудно было уличить даже в тех немногих злоупотреблениях, каковые, если покопаться, пожалуй, и можно было бы отыскать в жизни каждой женщины. Но нет. Ничего такого у меня никогда не было. Я даже сама себе сейчас могу удивляться в том, что моя жизнь - на самом деле, на удивление - проходила необычайно ровно. Без резких шатаний из угла в угол, или сиюминутных колебаний. Как-то так все получалось, что, если что *и происходило*, то только то, что уже заранее было запланировано. А, если что случалось неожиданно, так это не затрагивало меня в той мере, в которой, по всей видимости, должно было. Что, кстати, никак нельзя было сказать о моих подругах. Каждая из них

обязательно пережила в своей жизни какое-нибудь необычайное потрясение, результаты которого, в какой-то мере, сказываются и до сих пор.

Но со мной ничего такого не было. Не было. Но что у меня есть сейчас? Чем я могу похвастаться, хотя бы, перед самой собой? Что я могу противопоставить всем тем, кто в той или иной мере обрел то, что должно быть в жизни сорокалетней женщины?

Задумчивый взгляд Сандры скользнул по купленным -- в разное время - "предметами интерьера", и остановился на высокой, с выпуклыми боками и необычайно узким горлышком, серебряной с позолотой, вазе. Она вспомнила этот подарок одного влиятельного алжирца, который одно время даже пробовал ухаживать за Сандрой, но внезапно уехал, оставив после себя столь необычный подарок. Год спустя, когда Сандра в который раз держала в руках этот "подарок" (стремясь разгадать: что же он хотел этим сказать?),-- она неожиданно обнаружила, что ваза имеет двойное дно. И, дождавшись, когда она останется одна, Сандра наконец-то заглянула в "тайник". Она увидела там пожелтевшую от времени записку, на которой витиеватыми арабскими буквами был написан какой-то текст.

Долгое время разгадать, что таят в себе странные записки, у нее не появлялось никакой возможности. И вот недавно, Сандра случайно познакомилась с одним знакомым ее подруги; и тот с удовольствием согласился помочь ей. Но... она узнала только, что язык был не арабский, а древнеарабский. Видно, написавший это послание,-- хотел не только обезопасить свою *тайну* от посторонних глаз, но и заставить того, кому она предназначалась, приложить усилия к разгадке.

Наконец, в один из дней молодому человеку удалось прочитать текст. Как оказалось, записка была адресована действительно (как она и подумала) Сандре. А обратный адресат указан не был. Но по некоторым, специально указанным в тексте, деталям, женщина поняла, что написавший ее,-- был тот самый алжирец.

Из записей следовало, что пройдет три года, и он приедет в город N специально за Сандрой. Если она согласится уехать с ним, то он обеспечит ее всем, что она захочет. Она может выбрать любую страну для проживания, любой город, любой остров. Здесь же, в письме, ее "поклонник" частично приоткрывал тайну и над цифрой "три года": именно через три года -- он должен был стать одним из самых богатейших людей мира; ибо именно через три года,-- "вступает в силу" завещание, по которому его состояние должно было исчисляться сотнями миллионов золотых монет; что давало ему возможность быть абсолютно независимым; а также предлагать руку и сердце самой желанной для него женщине - Сандре.

Конечно же, в случае, если она не согласится воспользоваться таким предложением, то этот богатый поклонник обещал еще ждать. Но что были эти *обещания* перед временем, которое своей страшной силой забирало все лучшее, что когда-то могло предложить Сандра своим многочисленным (в пору юности), и не очень многочисленным (теперь) поклонникам. Да и были ли они? - Ну, предположим, пока и были, -- Сандра откинулась назад и, мечтательно закрыв глаза, вспомнила всех тех, кто в последнее время "был рядом". Прежде всего, это, конечно же, Рузвельт - американский бизнесмен, у которого были какие-то

"интересы" в их небольшом городе, и с которым у Сандры было несколько романтических встреч. Потом, Фредерик... итальянец... Владелец пиццерии на углу ее дома, который "взял ее" прямо у себя в кабинете, когда она нашла приготовленную его работником пиццу недостаточно хорошей и пришла жаловаться "начальству"... Франц... Франц Монтестье... Необычайно пылкий молодой человек, который случайно ошибся дверью, когда искал ее соседа, профессора Клода Одрана... Ну и, конечно же, сам Клод Одран... Профессор филологии, который, несмотря на весьма почтенный возраст, показал такой *темперамент*, научив ее *преимуществу разнообразия* любовных позиций, что Сандра с удовольствием не отказалась бы встретиться с ним еще... Ну, о ее муже,-- Мишеле,-- говорить не хотелось. Этот всегда предпочитал одну классическую позу, и в любви имел одну, легко запоминающуюся, особенность: он успевал *закончить* еще до того, как следовало бы только *начинать*!

Вообще же, если разобраться, в жизни Сандры Муарже (если бы ей, например, пришлось бы подольше посидеть, вспоминая всех героев своих, зачастую мимолетных, романов), не было ни одного, более-менее запоминающегося образа. Все и всегда у нее происходило как-то быстро, поверхностно, внезапно... Кстати - Сандра на миг вспомнила необычайный "детородный орган" алжирца, и усмехнулась своим первым впечатлениям - с самим автором странной записки, найденной в вазе, у нее так ничего и "не вышло". В первый раз (когда это должно было произойти у них "первый раз"), Сандра была так напугана увиденными ею размерами, что чуть не потеряла сознание,

---

представив, как эта штука будет ходить внутри нее. Потом,- а судьба предоставила женщине три попытки (необычайно, заметим, много, учитывая, что со всеми другими у нее все происходило только "единажды"),-- случай представился уже у нее дома; куда она пригласила алжирца, воспользовавшись двухнедельной командировкой ее мужа (уехал на конференцию в Париж). И, казалось, в этот раз, все у них должно было произойти как нельзя лучше, но... в этот раз уже был "не готов" он.

На какие только "ухищрения" не пускалась женщина, чтобы поднять безжизненно повисший орган любви "неизвестно чего испугавшегося" мужчины, но все было напрасно. Ну и, наконец, был еще один, *третий* (и пока последний; хотя,-- чтобы эти попытки были *возобновлены*, женщина была, в принципе, не против; уж очень ей хотелось "почувствовать в себе" столь непривычные мужские "габариты"). Тогда у них, вроде как, все и должно было произойти; и мужчина был, вроде как, "готов"; и она "настроилась"; но... что-то им помешало... Вернее, в себя-то,-- она его "принять", конечно, успела. Но - не совсем туда, куда хотела. И куда, по всей видимости, "собирался" он. Да и кончить ему не удалось. А оттого, тот, третий, раз,-- считавшийся в какой-то мере первым,-- тоже (из-за своей "половинчатости") не мог считаться "полноценным" любовным актом.

Да что там этот алжирец... Сандра Муарже встала с дивана и подошла к окну.

Неожиданно она заметила на противоположном от ее дома тротуаре -- молодого человека, который ей показался весьма

знакомым. Приглядевшись, она узнала своего недавнего гостя (а прошла какая-то там, неделя с небольшим) Франца Монтестье.

-- Неужели он ко мне? -- подумала женщина и, проследив за Францем, который зашел именно в ее подъезд, она в одно мгновение оказалась возле входной двери. Женщина затаилась, вслушиваясь в шаги, которые раздавались уже в подъезде.

-- Сволочь,-- в сердцах вырвалось у Сандры, когда она сначала услышала, что Франц стал подниматься выше, а потом раздался скрежет открываемой двери, и приветливый голос ее соседа этажом выше - Клода Одрана.

"Надежда" еще какое-то время теплилась в истосковавшейся по "любви" плоти Сандры (по всей видимости, ее так "распалили" воспоминания о бывших любовниках), что она была близка к тому, чтобы распахнуть дверь перед спускавшимся Францем (а в том, что молодой человек просто зашел к профессору по какому-то сиюминутному делу, и задерживаться вовсе не собирался, она не сомневалась). Но... ей все же пришлось скривить свое, в принципе, до сих пор еще казавшееся привлекательным, личико в недовольной гримасе; потому как она поняла, что старый "маразматик" (женщина вспомнила, как Клод Одран забыл свои очки в ее квартире, и ей пришлось долго объяснять мужу, как же так вышло, что очки соседа с верхнего этажа -- оказались у них дома) все же уговорил Франца зайти.

-- Ну, что ж, -- попыталась успокоить себя Сандра. - Когда-нибудь Франц все равно надумает спускаться.

И тут же успокоившись, Сандра отошла от двери. Взяв кресло-качалку, она поставила ее неподалеку, и даже приоткрыла дверь, дабы не пропустить спускавшегося Франца. Потом достала

роман "Госпожа Бовари", и постепенно окунулась в мир любовных похождений полюбившейся ей героини...

ГЛАВА 5

Софи Моро, пожалуй, даже больше красивая, чем просто симпатичная девушка, вышла из института и, приветливо улыбнувшись окружающему миру, огляделась вокруг в поисках знакомого лица. Пять минут назад она успешно сдала экзаменационную сессию за третий курс, и теперь ей очень хотелось "поделиться своей радостью" с кем-нибудь из окружающих. Девушка собралась уже, было, уходить (с легкой тенью грусти отметив про себя, что никого из знакомых она так и не встретила), как позади себя услышала сначала веселый смех, а потом щебетание, которые без сомнения принадлежали одной из ее подруг - Лейзе Оруэлл. Несмотря на то, что Лейза принадлежала к числу ее совсем новых подруг (с ней и еще с одной, Катей Шимански - полячкой) Софи познакомилась всего месяц назад, именно с Лейзой, ей отчего-то всегда хотелось общаться. Может быть, оттого, что Лейза и сама всегда охотно шла "на контакт",-- подумала девушка, вспомнив, что в те разы их недолгого общения (за которые между девушками и вспыхнула дружба), именно Лейза, а не Софи, была инициатором "начала" какого-либо разговора между ними.

Впечатления от предстоящего общения с Лейзой значительно превосходили какие-либо возникшие сомнения (которые почему-то были?!), и потому Софи радостно обернулась и, улыбнувшись подруге, заключила ее в объятия.

-- Сдала?! - с придыханием произнесла Лейза, слегка прищутив глаза, и с надеждой посмотрев на подругу.

-- Угу, -- радостно кивнула Софи, еще крепче прижимая к себе подругу. - А ты?! (К своему стыду, Софи вспомнила, что даже не знает, на каком факультете учиться ее подруга; но сейчас, ожидая ответа, она надеялась, что восполнит этот недостаток).

-- Тоже сдала, -- запросто ответила Лейза. - Выпускные экзамены! - рассмеялась она.

- ?.. Ты уже "выпускаешься"? - недоуменно переспросила Софи.

-- Да, -- подтвердила Лейза. - Осталось защитить дипломный проект, и я свободна.

-- А мне еще два года, -- вздохнула Софи, но тут же вспомнила, что сейчас не время для уныний, и подруги, взяв друг дружку за руку, весело смеясь и обмениваясь ничего не значащими шутками, направились в близлежащее кафе, дабы отпраздновать (исключительно лимонадом и сладостями) как сдачу экзаменов, так и их сегодняшнюю встречу.

Софи обладала одной интересной особенностью, которую, пожалуй, было трудно встретить у девушек ее поколения. Всю свою сознательную жизнь (учитывая возраст девушки, этот период был не очень значителен, но тем не менее) она стремилась в своих суждениях походить не на какую бы то ни было, даже самую известную и популярную, женщину, -- а на лучших представителей интеллектуальной элиты мира; коими, -- на ее взгляд, -- являлись мужчины. Причем, образ ее "кумира", -- носил, скорее, некий "собираемый образ"; чем можно было бы предположить, что такой человек существовал реально.

Не сказать, чтобы подобные убеждения молодой девушки находили поощрение у людей, которые ее окружали; тех же родителей, например; или ее "молодого человека" (Франца Монтескье); но, тем не менее, они, как говорится, имели место быть; а потому любой, с кем Софи приходилось общаться, буквально с первых минут ощущал особую убежденность девушки и ее, зачастую отличный от других, взгляд на вещи.

Существовал всего один человек, с которым Софи вынуждена была словно бы заново переоценивать свои позиции. Но Франц Монтескье-младший (младший, ибо Софи удалось застать в живых деда своего возлюбленного), сам по себе был неординарной личностью; и так же как и Софи, имел свои, зачастую отличные от других, взгляды на жизнь. Причем, он обладал столь аналитическим складом ума и такими ораторскими способностями (которыми, надо заметить, почему-то не любил пользоваться в той мере, в которой бы хотелось Софи), что девушка заранее благосклонно склоняла перед ним голову, признавая его "право на лидерство".

И, тем не менее, у Софи всегда было "что сказать". Но, обладая, к тому же, и необычайно развитыми (для девушки) умственными способностями, Софи понимала, что общий уровень общающихся с ней людей несколько, а порой и значительно, уступает ей; а потому она зачастую больше была вынуждена сдерживаться, нежели включать весь имеющийся у нее "интеллектуальный потенциал".

Однако, только весьма и весьма сторонний наблюдатель мог бы сказать, что, общаясь с людьми, Софи находилась в каком-то "легком и расслабленном" состоянии.

И хотя с виду это, быть может, и не бросалось особо в глаза. Но в разговорах со сверстницами,-- Софи приходилось проделывать какую-то "особую" аналитическую работу. Сдерживая себя, порой, в желании критически высказаться по тому или иному поводу.

А все дело в том, что почти каждое слово, каждый жест (беседующего с ней человека),-- Софи подвергала такому психологическому анализу, что иной раз и опасалась сама - увидеть в человеке совсем не то, что она изначально о нем подумала.

Причем, она изначально - как будто - наголову превосходила (по развитию интеллекта) большинство из своих собеседников. Являя перед ними пример умной, чуткой, внимательной и необычайно проницательной девушки. Что - и это был неоспоримый "плюс" ее подобного поведения - уберегало ее от какого-либо (ей совершенно ненужного), "интереса" со стороны молодых людей. Которые,-- столкнувшись с мощной интеллектуальной энергетикой, исходящей от нее,-- предпочитали более простых подружек Софи Моро. (Хотя, в плане внешней красоты, а не только ума, Софи могла дать любой их них значительную фору...).

Но - и это в последнее время начинало беспокоить Софи, - ей было скучно с теми людьми, которые ее окружали.

Конечно, она понимала, что может просто "сменить окружение". Но тот, кто бы мог ей подобное посоветовать (тот же Франц, например),-- о подобных "проблемах" Софи - не знал. И по вполне прозаической причине: Софи никогда, никому (и, к сожалению, даже и Францу) не доверяла своих душевных тайн. И как-то неудобно было говорить о какой-то "скрытности" Софи. Дело было "в привычке". Когда-то (когда сама Софи еще была маленькой девочкой), она было пыталась делиться с родителями своими детскими радостями. Но... то ли действительно у них не было "времени". То ли они не считали необходимым как-то реагировать "на причуды" дочери. Но в итоге получилось то, что получилось. И Софи получила ту психологическую травму, последствия которой ощущали на себе все те, кому приходилось общаться с повзрослевшей девочкой.

Но даже и это еще можно было бы исправить. Но... девушка не считала какой-то необходимостью обращать на это внимание. И в итоге, все оставалось в том виде, в каком и было.

-- Ну что, как личная жизнь? - поинтересовалась Софи у Лейзы, памятуя, что та, когда-то, не очень давно, хвасталась, что познакомилась с одним молодым человеком и, вроде как, они собирались пожениться.

-- Да, -- махнула рукой Лейза. - Оказался не тем, за кого себя выдавал.

-- А кем он был-то? - без какого-либо личного интереса, скорее, просто оттого, что надо было хоть как-то показать свое "участие" в судьбе подруги (хотя, зачем это надо было ей), поинтересовалась Софи?

-- Да так, авантюрист какой-то,-- отмахнулась Лейза.

-- Скажи, Лейза, в твоей жизни вообще были когда-нибудь молодые люди, при расставании с которым тебе приходилось бы об этом жалеть? - задала еще один вопрос Софи.

-- Молодые люди? - задумчиво переспросила Лейза. - Ну да... пожалуй, бывали,-- ответила она, и вспомнила Франца Монтестье (воспоминания о скоротечной встрече с которым, до сих пор приятной истомой отзывалось где-то внизу живота).

-- И кто же они? - не унималась Софи.

-- Да разные, -- нехотя ответила Лейза. Ей сейчас вовсе не хотелось распространяться о своей личной жизни. Хотя она всегда была и не против "посплетничать с подружками". Конечно, с надеждой услышать "взаимность" и от них.

А уж "перебрать косточки" какому-нибудь ухажеру своей подруги (в большей степени, конечно, тому, которого какая-нибудь ее подруга уже отвергла),-- у Лейзы всегда было одно из любимейших занятий.

-- А у меня только один, -- мечтательно, вспомнив Франца, закатила глаза Софи.

-- Студент? - поинтересовалась Лейза.

-- Уже нет, -- ответила Софи. - Аспирант.

-- Аспирант?! - удивилась Лейза. - И как его зовут?

-- Франц, -- произнесла Софи. - Франц Монтестье. Лейза, догадавшись, что они сейчас подумали об одном и том же человеке, внимательно посмотрела на подругу. На секунду у нее в голове пронеслась мысль, а что будет, если Лейза скажет, что она знает, о ком идет речь?! Тем более, она помнила - сейчас Софи, должно быть, уже о том запятовала - что когда-то ее подруга

говорила ей о своем молодом человеке. Но, раз сейчас подобное случилось как бы в первый раз, что ж, пусть и дальше будет уверена, что Лейза ничего не знает. Тем более, у Софи с Францем, по всей видимости, еще не было тех отношений, которые уже случились с ним у нее. Да это было и неудивительно. Софи казалась такой целомудренной и недоступной, что даже всегда краснела, когда, бывало, Лейза делились с ней тем наслаждением, которое испытывала от общения с мужчинами в постели.

-- И что, он красив, умен? - задала вопрос Лейза, прекрасно зная ответ заранее.

Софи, подумав о Франце, кивнула головой. Но у нее уже пропало желание распространяться по этому поводу. И так достаточно было того, что она уже сказала.

Вообще, всегда, когда Софи о чем-либо начинала *откровенничать*, у нее в душе в какой-то момент появлялось чувство вины (вины неизвестно перед кем); и она тотчас же замолкала. А чтобы никто из окружающих этого не почувствовал, с легкостью заправского оратора, "меняла тему".

Так получилось и сейчас. Уже через мгновение Лейза, весело хохоча, рассказывала подруге о своем недоразумении с одним старичком.

-- Представляешь, -- весело смотрела она на Софи, и в ее глазах искрились огоньки азарта, -- я у него спрашиваю: Вы думаете, нам по пути? По пути, -- отвечает он, а сам, так, знаешь, подозрительно смотрит на меня, что и так видно, дедушка слегка сбился с дороги, и ему больше, чем куда-либо, следовало бы идти к своей бабушке. А он, эдак, знаешь, запальчиво глядя на меня,

---

объявляет: мне, девушка, уже как семьдесят лет по пути с женским полом! Ну, думаю, старый кобель, и стоило ради этого звонить мне. И, знаешь, что смутило-то - голос по телефону был такой молодой и задористый, что я никак бы не поверила, что ему уже столько лет.

-- Но позвонил-то он сам? - поддерживала Софи беседу.

-- Ну, да, -- искренне призналась Лейза, -- ошибся номером.

-- А что, телефонистка не знала, с кем его соединяет? - усомнилась Софи.

-- Да в том-то и дело, -- готова была разразиться очередным приступом смеха Лейза. -- Он-то ей просто продиктовал номер, сказал, что звонит своей внучке. Это уж после я выяснила, что старичок просто спутал порядок последних цифр: 23 и 32. Ну а та,-- без зазрения совести,-- соединяет его вместо дома мадам Бушар, где, должно быть, и ждут таких, как он - девочки там всегда наготове - со мной.

-- Забавно, -- рассмеялась вместе с подругой Софи, хотя мысли ее уже давно были далеко отсюда.

В который уж раз, возвращалась она к предложению Франца. Несколько дней назад, заинтриговав ее тем, что собирается сообщить что-то важное, он действительно поведал ей свои мысли об их будущем. Об их совместном будущем.

В тот раз Франц был настроен как никогда. Это сразу поняла Софи. Выдержав немигающий пристальный взгляд своего

жениха - Франц так всегда смотрел, когда собирался сообщить что-то "важное" - девушка приготовилась слушать, и вскоре действительно почувствовала, что ее предположения оправдались.

И вот теперь подступало время ответа. Прошли те несколько дней, которые ее жених дал ей на обдумывание его предложения. Предложения,-- уехать с ним в Германию. У него там (в скором будущем) должна была состояться защита диссертации. У нее - могло быть "продолжение учебы". На самом деле, конечно, не должно быть ничего страшного в том, что оставшиеся два курса она отучится в Германии. Да и институты Германии без сомнения выше по значимости, чем единственный университет ее родного города. Но учеба в другой стране -- предусматривала расставание, пусть и не навсегда, с родителями. И это было единственно обстоятельство, которое пугало девушку. За свои двадцать с небольшим лет, Софи никогда не выезжала из города больше, чем на месяц. А тут два года?! Правда, Франц уверял ее, что как только он получит "степень", они уедут из Германии. Но не поедет же он в ее городок!? Скорее всего, Франц выберет Париж. Софи знала, что именно Париж уже давно прельщал ее жениха. А к тому времени уже, наверное, и мужа. Ибо он был как никогда решителен, заявляя (а следовало заметить, что все свои решения он неминуемо претворял в жизнь), что пройдет всего два-три года, и они поженятся.

Любит ли она Франца? Любит. Желает ли выйти за него замуж? Желает. Так что же еще может ее смущать?

Софи начинала осознавать, что, чем больше она думает о предстоящей помолвке (она должна была состояться через

неделю, Софи уже получила на то "благословение" родителей; правда,-- об этом еще не знал Франц; ибо молодой человек предложил сделать то же самое, у себя на родине, в Германии. Но родители Софи, которым она поведала о предложении Франца, предложили ей убедить Франца осуществить это церковное таинство здесь, и - это была идея отца - если того очень захочет Франц - еще и в Берлине) и их предполагаемом отъезде, то тем более ее душу начинает окружать пелена непонятого - уж, по крайней мере, никак не объяснимого беспокойства.

Нет, не сказать, конечно, что девушка была "против". Да и, хоть пока она еще и не сказала "да",-- но по всему выходило, что она согласна. (Франц догадывался об этом).

Вот только,-- где-то в самых потаенных уголках ее сознания,-- свербел маленький жучок какого-то (какого - она сама не знала и, чем больше пыталась анализировать ситуацию, понимала, что сама в этом не разберется никогда) беспокойства.

И все же девушка в этом была так не уверена (в причине беспокойства, да и в том, что оно вообще должно быть), что предпочла ни с кем не делиться своими тревогами. Тем более, что и на самом деле, характер тревог она, как ни пыталась, но более-менее ясно выразить не могла. Даже для самой себя. А что тут было говорить о других.

Конечно (и в этом Софи, в принципе, не сомневалась): стоило ей рассказать о всех, мучавших ее, опасениях Францу,-- и он бы без труда в этом разобрался. Да и помог бы разобраться ей. А когда знаешь всю подноготную проблемы, она уже таковую, собственно, и не является.

Но было что-то, что сдерживало девушку в ее *открытости* своему жениху. Но что? - Софи уже поняла, что ответ найти не сможет. А с кем-то, помимо Франца, делиться было бессмысленно. И она предпочла в этом не доверяться никому. Просто оставить все "как есть". То есть, -- носить проблему в себе.

Хотя, быть может, это и не было такой уж "проблемой".

Но, как бы то ни было, Софи поняла, что больше, по крайней мере - пока, думать об этом не будет. И как только она приняла такое решение, на ее душе сразу стало легче.

Который уж раз Софи убеждалась в том, что, чем больше она "накручивает", подолгу анализируя одну и ту же проблему, тем более наступает *не решение* (как, может, и должно было бы быть) этой проблемы, *а совсем иной, часто диаметрально противоположный, результат*.

-- Ну что, значит, завтра в шесть? - поймала Софи на себе вопросительный взгляд прощающейся с ней Лейзы.

-- В шесть, -- автоматически подтвердила Софи, но тут же спохватилась, догадавшись, что она совершенно не знает, о чем только что договорилась с Лейзой.

-- Или подожди, -- словно вспомнив что-то, сморщив лобик, произнесла Софи. - Завтра вечером у нас же намечался ужин в кругу семьи. Я, Франц и мои родители, -- пояснила она. - Решили расставить все точки над "i", -- усмехнулась Софи, глядя на Лейзу.

Но та,-- как будто бы и не огорчилась (по крайней мере, внешне ничуть это не показала); и подружки условились обязательно еще встретиться до отъезда Софи.

Сам отъезд, скорее всего, был предопределен.

-- Но смотри, ты обещала, -- шутливо погрозила на прощание пальчиком Лейза, когда они вышли из кафе, и, поцеловав подругу в щечку, направилась по своим делам.

-- Хорошо, -- кивнула Софи, так не поняв, что же она все-таки обещала подруге.

ГЛАВА 6

Оми Моро, высокая, сухопарая, немного нервная на первый взгляд женщина сорока лет, с черными, подобранными вверх, волосами (так, что создавалось впечатление, что прежде чем выйти на улицу,-- она несколько часов просиживала перед зеркалом, делая себе прическу; хотя может это так и не было), и немного грустными овальными глазами,-- отчего-то именно в этот день была необычайно печальна. Причина заключалась в той информации, которой с ней поделились, не в меру любопытные, две ее самые близкие подруги (Надя и Роза, каждая из которых заметила мужа Оми Рене в компании с молодой женщиной и, судя по описанию, одной и той же).

Никогда доселе у Оми не возникало повода, чтобы усомниться в "верности" своего супруга. Даже сейчас, несмотря на уверения подруг, в один голос утверждавших одно и то же, и практически одинаково описавших внешность пассии неверного супруга (разве что они предварительно сговорились), Оми не была склонна им верить. С Рене она прожила почти двадцать лет; родила дочь; прошла те трудности, которые периодически выпадают на долю каждой семейной пары; и, конечно же, верила в первую очередь, ему.

Да и разве могло быть иначе? Ведь Оми понимала: стоит усомниться однажды,-- и гармония семейных отношений, выстроенная за совместно прожитые годы, просто-напросто пойдет прахом. А, если не станет доверия в семье, то и саму семью, в том смысле, который вкладывает в это понятие общество, уже ничто больше не сможет удержать от развала.

К тому же, Оми знала, что когда-нибудь *подобное* может произойти. И что, в общем-то, могло делать ей честь, внутренне была готова к подобному.

А потому теперь, когда это все же *произошло* и, по всей видимости, на самом деле, Оми решила для себя - решение далось не так-то и просто, но из двух основных вариантов: уйти или остаться - она выбрала второй. И решила все сделать так, будто бы ей вовсе ничего не известно. Ну, а те, которые уже знают, что известно ей,-- пусть думают, что она взяла мужа "на контроль". Те же, кто не знает,-- пусть будут убеждены, что на самом деле ничего не случилось. А слухи... впрочем, слухи - они и есть слухи. И право каждого уважающего себя человека, не обращать на них никакого внимания.

Так решила Оми. В этом она убедила себя. Это поняли окружающие. (В первую очередь, конечно, ее любимшие посплетничать подруги - а, несмотря на не очень-то располагающую к общению внешность, Оми имела довольно много подруг).

-- Да и не такая уж это была проблема, чтобы на ней сейчас заострять все свое внимание, -- подумала Оми, и, в принципе, она была права. (Да и все эти раздумья, собственно, были большей частью вызваны тем, что *это* - с ее мужем -- случилось в первый раз. В ином случае, можно было бы столь долго и не размышлять об этом).

Несмотря на то, что Оми, в принципе, вроде как и разобралась в том, что ей следовало "делать дальше", настроение

женщины все-таки не улучшилось. Она попробовала, было, встать из-за фортепиано, на котором играла, пока "черные" мысли не пришли в голову, но ноги не слушались, и женщина вновь присела. "Все-таки, как ни крути, -- подумала она, -- но то, что случилось, не совсем прошло стороной. Какой-то отпечаток в душе остался".

Оми все же поднялась - рабочий день закончился уже час как назад, и она уже несколько раз замечала недвусмысленные взгляды заглядывающей в дверь уборщицы - той тоже пора было приниматься за работу - и направилась к выходу.

При выходе из класса она, было, остановилась перед большим зеркалом, но, заметив, что в дверь вновь просунулась голова нетерпеливой уборщицы, Оми решительно направилась к выходу. "Пусть будет, что будет", -- мысленно сказала она сама себе, и вышла из класса.

Легкое дуновение ветерка, символизирующее наступление через две недели осени, пришлось по душе женщине, целый день просидевшей в помещении. Оми распустила накинутую на кофточку полупрозрачную шаль - и медленно пошла по тротуару.

Несмотря на то, что она задержалась на работе, домой спешить не хотелось. И Оми решила не отказывать себе в удовольствии просто пройтись не спешным шагом, погулять.

Женщина знала, что мысли о случившемся с ее мужем адюльтере все равно, рано или поздно, появятся в ее голове. Так лучше для себя все еще раз выяснить сейчас, в одиночестве и

спокойной обстановке, нежели когда она будет занята какими-нибудь домашними делами.

Однако, помимо невеселой ситуации (невеселой для Оми), случившейся с ее мужем, у женщины была еще одна проблема... собственно, проблемой-то, как раз, она это называть боялась. И ситуация заключалась в одном случае, приключившемся с ней, и только благодаря неизвестно каким силам (вероятно, тем же, из-за которых этот случай и произошел), та история не получила дальнейшего распространения.

А все дело было в том, что еще не прошло и месяца,-- как "изменить" мужу пришлось и Оми. Правда, что было на самом деле - измена или нет, и было ли это вообще - Оми, сколько ни пыталась, вспомнить не могла. С момента, когда незнакомый молодой человек подошел к ней на улице (в то время когда она вместе с Рене, Софи и Францем участвовала в каком-то странном эксперименте, инсценированном ее мужем), и до той минуты, когда она пришла - в тот же день - домой,-- Оми ничего не помнила.

Более того, она была уверена - тогда была уверена - что провела все время на работе. Однако, недоуменные взгляды ее супруга, а вместе с ним и Софи с Францем, свидетельствовали, скорее всего, о чем угодно, только не об этом. Период "в несколько часов",-- совершенно выпал у Оми из памяти. Что это могло быть? И было ли вообще? Оми не могла найти ответа. И у нее даже не было каких-либо соображений по этому поводу. К врачу она не обращалась - женщине вообще не очень-то хотелось лишний раз вспоминать *произошедшее*; естественно, говорить об

этом ни с кем из близких -- она тоже не могла; а чтобы поделиться с подругами - ну, об этом не могло быть и речи.

Оставалось одно: все что "произошло",-- "носить" в себе. Да какой там "носить"! Оми хотелось спрятать это куда-нибудь поглубже вовнутрь, чтобы никогда уже не вынимать, не тревожить память, не вспоминать об этом. Но, видно, так уж была устроена ее память, что чем больше она желала забыть о случившемся,-- тем больше - вспоминала об этом. Да и эти воспоминания стали преследовать Оми какими-то навязчивыми состояниями...

Так было и в этот раз. Воспоминания того дня, словно это происходило именно сейчас, встало у женщины перед глазами.

...Вот к ней подходит красивый молодой человек, по виду он испанец... высокий... с длинными черными волосами... он берет ее за руку.... Что говорил он ей еще,-- она не помнила. Хотя, нет, она помнила, как что-то приятное входило в нее... На миг вспомнила себя, обнаженную и лежащую на кровати - необычайно мягкой и застеленной какими-то белыми покрывалами, простынями, пододеяльниками, подушками... Оми мечется, закусывает губы, плачет от удовольствия, и... она ведь и на самом деле испытывала удовольствие... Наэлектризованное тело Оми, неожиданно сотрясается в каком-то жутком экстазе...Все, что накапливалось в ней годами,-- находит свой выход...

Оми, идущая сейчас по улице, какой-то частицей оставшегося у нее сознания неожиданно стала осознавать (весьма смутно и расплывчато), что то, что она испытывала тогда, начинает испытывает и сейчас. Женщина даже наклонилась

посмотреть юбку. Ей казалось, что изливающаяся у нее между ног волна наслаждения, неизменно оставляет свой след, но...

неожиданно женщина как-то быстро погрузилась в пучину когда-то испытываемой страсти... Перед ее глазами всплыли, как будто бы реальные - или на самом деле реальные? -- события... Но нет?! - Оми вспыхнула от стыда. Что могли подумать - или уже подумали? - о ней прохожие... Но, к счастью, прохожих в тот час не было.

- Но почему? Ведь было еще совсем не поздно?.. - Оми удивленно огляделась по сторонам. - Неужели был прав Франц, и в городе, в ее городе, ведь Оми, так же, как и Рене, здесь и родилась, произошли какие-то удивительные изменения. Но, может быть, тогда, ... -- Оми на миг задумалась, боясь самой себе признаться в этом, -- может быть, тогда... и произошедшее с ней, не иначе,-- как игра воспаленного воображения?

-- Но как же тогда *видения*, преследующие ее? Но... но, может, ничего и не было?.. И это все не иначе, как сон... Сон, на миг ставший явью?..

Или нет?.. Сон - ее сон - не могут видеть одновременно несколько человек?

Но ведь его и не видел никто, кроме нее?..

И Рене, и Софи утверждали только, что видели, как Оми уходила с каким-то молодым человеком. И не более того... А значит... значит..., -- Оми достала платок и присела на первую же попавшуюся лавочку. Ей вдруг стало тяжело дышать. Неожиданно взгляд Оми выхватил выходные платья дам, костюмы мужчин, она заметила, что очутилась в парке, и вокруг нее ходили разряженные, смеющиеся, общающиеся друг с другом пары... --

---

Но как это могло произойти?.. Или это так быстро бежит время, и она...

Но нет... Ведь этого не может быть?.. Или может?.. Что с ней происходит?.. - Оми поднесла надушенный платок к глазам, потом чуть выше - промокнула лоб - но он был сухой?.. И вдруг она заметила, что она одна. Рядом никого нет. А она сидит на какой-то лавочке, одиноко стоящей вдоль не очень широкого тротуара...

-- Как же она здесь оказалась?..

Оми попыталась внимательно осмотреться вокруг: с виду ничем не примечательные, однообразные и похожие друг на друга дома, тем не менее, ясно указывали ей, где она находилась. Сориентировавшись на местности, Оми встала и собралась, было, идти домой. Она поняла, что неожиданно забрела слишком далеко, но, тем не менее, знала, отлично знала обратную дорогу. Ей вдруг вовсе расхотелось больше гулять. Она вспомнила о своих домашних делах, которые никто, кроме нее, делать не будет... Вспомнила, что уже давно должна отпустить домработницу (время работы которой, должно быть, -- часы у Оми почему-то остановились, но она и так догадывалась по спускавшимся сумеркам и постепенно зажигающимся ночным фонарям, что уже было поздно - давно вышло)... Вспомнила... Она вспомнила, что... Вспомнила... Вспомнила... Да что это с ней на самом деле происходит? - Оми ощутила необычайную тяжесть слипающихся от усталости век, тело будто тотчас же потяжелело вдвое, втрое обычного... Ну, что ж... Пожалуй, она и вправду должна еще немножко отдохнуть... Совсем чуть-чуть... Самую малость... Поспать... Спать... Спа---...

.....

Когда Оми проснулась, холод ночи проникал сквозь легкие ткани одежды, которые были на ней. Женщина попыталась посылно укутаться в шаль, но легкая ткань совсем не грела. Остатки сна совсем покинули отрезвленное сознание женщины, и она (резко поднявшись и мельком бросив взгляд на дощечку с названием улицы, заботливо прибитую к углу одного из домов - лавочка располагалась совсем рядом с ним) - направилась домой.

На небе всюду сверкали звезды. Но и без того было ясно, что время слишком позднее для подобных посиделок. Интересно, сколько она просидела?.. Час?.. Два?.. Хотелось бы в это верить. Но когда Оми наконец-то вошла в свою квартиру, и взглянула на часы, располагавшиеся в гостиной,-- часы готовились пробить полночь.

-- Неужели так поздно?-- пронеслось в голове у напуганной тем неведомым, что с ней происходило, женщины.

Однако, сознание уже окончательно вернулось к ней. И теперь Оми оставалось лишь молча *констатировать* происходящее.

-- Значит, с ней опять случилась то помутнение рассудка, которое уже было когда-то (на миг сознание Оми выхватило из памяти улыбающуюся физиономию испанца)?!

Или того раза все же не было?..

Да нет, пожалуй, он все же был,-- теперь более чем уверенно, женщина могла себе признаться.

На удивление Рене весьма спокойно - или это ей только показалось? - воспринял более чем позднее (учитывая то, что он примерно знал,-- во сколько заканчиваются ее занятия в школе), время возвращения супруги. Правда, Софи, как будто бы, что-то заметила?.. Или это Оми показалось (ведь Софи сейчас наверняка находится в том состоянии, что реально замечает только своего будущего жениха?!..).

Кстати, о Франце... Надо будет не забыть еще раз "разделить роли" с Рене.

Предстоящий семейный разговор - а Франц, как-никак, теперь почти что член их семьи - будет весьма ответственен. Надо будет, во что бы то ни стало, и ей, и мужу,-- постараться убедить молодого человека сделать помолвку с ее дочерью здесь, а не в Германии. Кто знает, что у них там произойдет? Все же Оми будет гораздо спокойнее, когда она будет знать, что Софи поехала в Берлин (а поездка, по всей видимости, уже неминуема),-- в роли невесты, а не просто *возлюбленной*. А там, глядишь, и свадьба у них состоится. И, может быть пораньше, чем это запланировал Франц. Ведь неужели то обстоятельство, что Софи будет в роли жены, а не невесты,-- помешает ему защитить свою диссертацию? Конечно же, нет! И обязанность Оми,-- будет убедить в этом как дочь (которая, по всей видимости, полностью зависима от мнения Франца), так и самого Франца. Мужа она, похоже, уже убедила..., - - Оми еще раз повторила про себя, чтоб получше запомнить, да, может, еще вспомнить, что могла упустить, -- все, что решила сейчас, и с чувством выполненного долга направилась в ванную, чтобы потом, наскоро перехватив заботливо разогретый супругом

ужин, пройти в свою спальню и еще через мгновение очутиться в том царстве сна, который всегда - всегда, а сейчас это было приятней вдвойне - спасал ее от произошедших днем неприятностей. А так как женщина, по всей видимости, на самом деле очень устала за день, то это у нее получилось, и вскоре из ее спальни - спальни у них с супругом были разные - раздавалось лишь только посапывание утомленной женщины. Женщины, у которой хоть на время ни стало никаких проблем.

Хотя, так ли это было на самом деле?.. Кто сейчас знает?.. Ведь Оми спит, а заглядывать в ее сновидения - только лишний раз беспокоить ее. Пусть уж на самом деле отдохнет. Ведь ей и вправду сегодня досталось...

ГЛАВА 7

Кори Сандерс, в свои 65, был еще крепкий мужчина с гривой седых волос и шикарными, завивающимися по краям черными усами (которыми он весьма гордился, а потому не забывал периодически подкрашивать). Роста он был среднего. Ну, может быть, чуть выше среднего роста. Что в сравнении с его братом Одраном, -- который был выше его чуть ли не на голову, -- было все равно мало.

Но Кори никогда "не комплексовал" по этому поводу. И, если часто так бывает, что внешне невзрачные люди, стараются чем-то компенсировать свой недостаток (стремясь отыгаться в науке, политике или деловой жизни, и обретая со временем ту весомость положения, которая вынуждает окружающих, независимо от их роста, взирать на них снизу вверх), Кори Сандерс достиг всего, руководствуясь совсем другими причинами.

Прежде всего, еще с детства он заметил в себе огромную тягу к знаниям. Именно из-за нее, -- он просиживал дни напролет в библиотеках или читальных залах в то время, как его сверстники проводили время за более праздными занятиями; именно благодаря ей, -- он последовательно сначала закончил три университета, а потом и защитил, по получении специальности, диссертации. Среди наук, которых его интересовали, были химия, физика, математика и, в последнее время... Филология. Причем на удивление, как окружающих, так и самого Кори Сандерса, страсть к филологии постепенно вытеснила у него все остальное. Именно филологии он отдавал все свое свободное время на протяжении последних 15 лет. Именно по филологии он стал доктором; именно благодаря филологии, он тесно сошелся со своим братом

Клодом Одраном (который, в отличие от него, филологом было всегда; и поначалу с небольшой долей скепсиса,-- взирал на *переориентацию* с приверженности к сугубо техническим наукам - на гуманитарные; и именно брат, вскоре заметил, что Кори действительно достиг значительных высот в изучении новой для него науки. Собственно докторская степень была тому подтверждением).

Но у Кори Сандерса в последнее время появилась еще одна страсть. И очень бы удивились окружающие, если бы узнали, что эта его новая "страсть",-- была не к какой-то науке - а к женщине.

За долгие годы аскетического самопожертвования,-- Кори удалось убедить окружающих, что он не интересуется ничем, кроме науки.

Да в этом, пожалуй, ему удалось убедить и самого себя. Причем, он так привык к одиночеству (даже к какому-то отшельничеству),-- что весьма бы удивился, заметив у себя все признаки *влюбленности*. И даже,-- не только влюбленности,-- но и страсти (впрочем, Сандерс понимал, что, вероятнее всего, эти два понятия в его случае сплетаются в одно).

Причиной "страсти" (влюбленность или страсть,-- в его случае это суть одно и то же), была молоденькая девушка, 18 лет отроду, которая шестидесятипятилетнему профессору подходила даже не во внучки, а чуть ли не в правнучки. И, если умом стареющий профессор понимал, что ситуация складывается парадоксальная,-- ничего с собой поделать он не мог. Или не хотел.

Но не это сейчас мучило Сандерса. Все дело было в том, что та восемнадцатилетняя девушка на самом деле даже не подозревала, что является объектом чьей-то страсти! И это вызывало главную тревогу у профессора. А что, если, пока он собирается с духом, чтобы во всем ей признаться (а ведь неизвестно, как отреагирует на это она или ее родители),-- какой-нибудь молодой хлыщ опередит его?! - мучился Кори Сандерс.

Но, с другой стороны, ничего поделать он не мог. Ведь нельзя же было допустить, чтобы сейчас, без какой-либо подготовки, Кори Сандерс подошел к девушке и во всем ей признался. Бог весть, что она может подумать про него. Конечно, основная причина, на которую приходилось оглядываться, это его возраст. Но, чем яснее он это видел - видел так, как сторонний наблюдатель анализирует происходящее со стороны,-- тем больше ему становилось обиднее. Ведь, если не принимать во внимание его возраст - а его все-таки принимать во внимание приходилось - то ощущал себя Кори Сандерс намного моложе. (Но ведь то, как мы сами себя ощущаем, не значит, что точно так же считают другие?). И это была причина сегодняшних тревог Сандерса.

Великая сила любви! Чувствовал себя в последнее время Кори Сандерс как юноша. И, видимо, такими же наивно-простодушно-туповатыми были и все его поступки.

Да он это ощущал и сам. И, может быть, впервые за многие годы,-- ему таким и хотелось казаться.

Именно таким он был сейчас в своем внутреннем мире. Мире, в который никого не впускал. В то время, как "на людях", конечно, профессор Сандерс вынужден оставаться таким, каким его привыкли видеть окружающие. Иначе было нельзя. Слишком

явные метаморфозы личности, "общество" не прощает. А быть "непонятым" или, что еще хуже, отвергнутым всеми,-- для мужчины его лет означало верную гибель.

И, если жизнь Кори Сандерса прошла на виду, то он хотел, чтобы она так же шла и дальше. Ни больше и не меньше. Ну, а что там возникновение каких-то личных чувств... Ну, личные, они на то и личные, чтобы об этом не распространяться.

ГЛАВА 8

Я сидел один в пустой комнате, и мне вовсе не хотелось никого видеть. Подобные *состояния* уже бывали у меня. Но сейчас это пришло настолько резко и незаметно, что я испугался сам. Что будет дальше? - задавал я сам себе вопросы, на которые не знал ответов. Хотя нет. Что будет дальше, я знал. Дальше наступит то депрессивное состояние, которого я поначалу старался не замечать, потом, наоборот, замечал, но чувствовал, что от этого мне становится еще хуже, пока... пока я не научился с ними бороться. Бороться с депрессией. Не знаю, кто в этой борьбе побеждал, но то, что я не позволял ей заполнять, как ранее, меня всего, без остатка,-- это было с трудом *мотвованное* качество. То качество, коим я мог по праву гордиться. Да я бы, пожалуй, и гордился. Будь я чуть помладше, да менее умен. Или, например, в том случае, если бы знал о тех состояниях, в которые мне иной раз приходится погружаться, досконально все. Как говорится, от "А" до "Я". Но так, конечно же, не было. Я просто не мог знать всего. Хотя бы по той простой причине, что подобная наука настолько обширна, что, скорее всего, и не имеет каких-либо конечных границ. Ибо постоянно возможно внесение новых изменений; от чего уже устоявшиеся знания,-- вновь меняют свои очертания, являя пример непостижимости бытия.

Уже почти месяц, как я безвылазно сидел в этом заштатном городишке. Мое впечатление о нем изменилось от первого "никакого" впечатления,-- до сегодняшнего. Тоже "никакого". Но между этими идентичными впечатлениями

уместилось столько занимательных *производных* - от увлеченности, попытки разгадки, до неприязни, сменившейся апатичностью - что, только благодаря этому можно было судить, что мое пребывание в городе N, не было таким уж бесполезным. Ибо, помимо преследования прямой цели - познакомиться с родителями Софи, влюбить их в себя и увезти девушку с собой - подобное желание, правда, возникло уже позже - я мог вполне рассматривать мое нахождение в городе N как проведение некоего *эксперимента*.

Ну, нельзя это назвать, конечно, экспериментом над своей собственной психикой.

Хотя, должно быть (вернее, -- как бы мне этого не хотелось), так оно, скорее всего, и было. Ибо, только находясь в этом, и во многом непонятном для меня, городе, я впервые почувствовал, что не в силах больше удерживать то, что раньше - и в этом я был, бесспорно, уверен - как я считал, находилось под моим контролем.

Да, случались, конечно, и раньше столкновения между сознанием и подсознанием. Но они были столь незначительными, что это вполне давало мне право полагать о полном контроле над ситуацией. И вот теперь...

Неужели воздух этого города так пропитан симптомам безумия, которое я, бесспорно, замечал в той или иной мере чуть ли не у большинства местных жителей, что они стали отражаться и на мне? Или, быть может, я излишне драматизирую ситуацию? И на самом деле все, что происходит, вызвано моим воспаленным воображением? Вернее, не воспаленным, нет, хотя... Но чем же тогда? Или ничем не вызвано вовсе? И мне на самом деле просто

показалось, что это так? Ну, хорошо. Если на миг абстрагироваться от моей излишней "научности", то все равно,-- как тогда назвать то, что происходит в этом городе? Ведь ситуацию назвать обычной и нормальной, то есть, вполне естественной и присущей для других городов хоть этой, хоть другой страны,-- было нельзя. Даже более, чем нельзя. Она действительно необычная. А все, что тут происходит, попросту аномально! Но ведь люди живут?! Другие-то люди как-то живут?! Или это только я заметил происходящие странности? Интересно, что, когда я именно за разрешением этих вопросов пришел к старику Одрану, он мне не сказал ничего толкового. Даже попытался как-то подвигнуть на другую тему. Что у него и получилось. (Ну что я буду противиться, если заметил, что он сам об этом говорить не хочет). Но, тем не менее, было и маленькое подтверждение моему предположению. Ведь как профессор-то и старался скрыть, но я заметил, что, когда я заговорил о случившихся со мной в их городе неприятностях, я ясно видел, что профессор вполне понял, что я имею ввиду. Даже более того. Я заметил, или мне показалось, что заметил, еле-еле видимый огонек страха, который поблескивал в его глазах.

Конечно, об этом судить не берусь. Но, если это так, тогда, пожалуй, стоило бы мне повнимательнее проанализировать ситуацию. По крайней мере, ситуация явно заслуживала того, чтобы к ней отнестись, как минимум, "с уважением".

Именно это обстоятельство вынудило меня еще раз прийти к профессору.

Причем, сейчас я пришел именно к нему. Тогда как в прошлый раз, меня еще удерживали мысли о попытке во всем разобраться самостоятельно. Быть может, поэтому я был с профессором и не столь "откровенен" (а он это заметил), и не столь "настойчив" в своих поисках истины. Да потом я еще думал о Сандре. Воспоминания нашего скоротечного секса нет-нет, да и приходили в мою голову. Хотелось испытать подобное еще раз. Что я, в общем-то, и получил, ибо, как оказалось - причем я даже не усматриваю никакой попытки "случайности" и думаю, что женщина меня подлавливала преднамеренно -- Сандра уже меня ждала; и подтверждением тому, по всей видимости, вполне могло служить то, что, стоило мне тогда только переступить порог ее квартиры, как она тотчас же буквально набросилась на меня, и у нас все и произошло там же, на полу прихожей.

Но сейчас, как я уже заметил, я пришел к профессору Одрану более чем "преднамеренно". Да и он, по видимому, меня и ожидал. По крайней мере, я нисколько не заметил в его глазах чего-либо такого, что свидетельствовало бы об обратном.

-- Неужели Вы на самом деле не замечаете, что в вашем городе происходят какие-то чудеса? - задал я вопрос Одрану, лишь только мы устроились в мягких, стоявших друг против друга, креслах, и отхлебнули по глотку сваренного лично профессором кофе.

-- Что Вы изволите подразумевать под "чудесами"? - задал профессор уточняющий вопрос больше для того, чтоб решить для себя об единых названиях в нашем разговоре - дабы

каждое, будь то вещь или события, носило свое, присущее только ей, имя - нежели, чтобы подвергнуть меня какому-нибудь ....

Я это понял так, как следовало, поэтому просто пояснил Клоду Одрану, что же я имел в виду.

-- Хорошо, -- удовлетворенно кивнул головой профессор.
- И когда же Вы первый раз попытались сделать подобный вывод?
- не отрывая чашки от губ, профессор посмотрел на меня внимательным взглядом.

-- Пожалуй, когда еще только первый раз направлялся к вам, -- улыбнулся я. Перед моими глазами ясно встал случай с нищим и я, действительно сейчас мог предположить, что именно тот случай и был тем первым звеном в дальнейшей нескончаемой цепи странностей, обрушившихся на меня в городе N.

Одран прекрасно вспомнил тот случай - я его во всех подробностях ему описывал - поэтому он на миг задумался, и одобрительно кивнул головой.

-- Так Вы после этого начали всматриваться в детали? - полюбопытствовал он, по-видимому, имея в виду те мелочи, которые, как нельзя лучше, свидетельствовали об аномальности увиденного мной.

На этот раз кивнул головой я.

-- Что ж, -- произнес профессор, ставя маленькую чашечку с выпитым кофе на стоявшую между нашими креслами журнальный столик, и, облакачиваясь на спинку, он скрестил пальцы рук таким образом, чтобы смог затем уткнуться в свои запястья подбородком. Клод Одран продолжал, не отрываясь, смотреть на меня.

- Ситуации, которые Вы, Франц, описываете, пожалуй, на самом деле, как говорится, имеют место быть. Почему я об этом говорю так настороженно, и только сейчас, то это лишь по той причине, что ничего подобного раньше мне замечать не приходилось.

-- Видите ли,-- продолжил профессор, выждав паузу, необходимую по его мнению, чтобы я понял смысл им сказанного.-- Не знаю, как это выглядит сейчас, особенно в свете сделанных вами выводов; да может это и звучит несколько оптимистично, а то и нелепо,-- внимательно посмотрел на меня профессор.--Но, на мой взгляд, какая-то доля скепсиса тут есть,-- усмехнулся Одран. - Но уже как бы то ни было,-- раньше, ничего подобного, мне замечать не приходилось. И, Вы знаете, когда Вы в первый раз заговорили на подобную тему, я даже в душе обрадовался. Не буду себя излишне хвалить, но Вы пришли действительно по адресу... Ведь я, в какой-то мере, летописец этого города. По крайней мере, именно о подобной услуге - именно услуге, ибо она никак не оплачивается из городского бюджета - да, наверное, оплачиваться и не должна - меня попросил префект.

-- Вы, должно быть, удивлены, что в этом городе существует какая-нибудь власть? -- спросил профессор, заметив, как я слишком - видимо -- удивленно посмотрел на него. - Но власть действительно существует,-- продолжил он.- И в лице не только префекта, но и соответствующих чиновников высшего ранга. И то, что Вы до сих пор с ними не соприкасались, свидетельствует, скорее, о профессионализме их работы, нежели о том, чтобы им можно было делать какие-то замечания. Ведь, по

крайней мере, на мой взгляд, власть - она на то и власть, чтоб думать и следить за соблюдением демократических свобод. Ведь, согласитесь, за исключением той странности, что Вы заметили в некоторых наших согражданах, ни в чем другом Вы не могли испытывать опасения.

Я вынужден был согласиться.

-- Ну, а что касается замеченных Вами "странностей", -- вернулся профессор к интересующей меня теме, -- то по этому поводу могу сообщить, что кое-какая информация имеется и у меня. Но, видите ли, -- Клод Одран посмотрел на меня, словно раздумывая, стоит ли мне об этом говорить? - Когда я поделился добытыми мною сведениями со своим старым приятелем Пьером Фабри (ему почти столько же лет, сколько и мне, и всю жизнь он занимается своей любимой астропсихологией), так вот он, а, кстати, Фабри тоже обратил внимание на случающиеся в городе странные случаи, позволил себе предположить, что подобное могло произойти только по одной причине. И эта причина, как Вы, Франц, должно быть, уже догадываетесь, в особом расположении звезд.

-- К сожалению, я как раз и пытаюсь прийти хоть к каким-то заключениям, -- вздохнул я. -- Но все же позволю себе усомниться по поводу влияния звезд. Хотя, пожалуй, мы с Вами сейчас находимся в такой ситуации, что не можем позволить себе разбрасываться любыми -- имеющими право на существование -- версиями.

-- Совершенно с Вами согласен, -- одобрительно кивнул мне Клод Одран. - И мне кажется, чтобы нам разобраться в том,

---

что происходит, следовало бы попытаться проанализировать все данные, которыми мы располагаем.

-- Я тоже так думаю, -- согласился я. - Но, скорее всего, тех единичных случаев, свидетелем которых я стал сам, не хватит, чтобы сделать мало-мальски правильное, даже, предположение. И в связи с этим мне хотелось бы еще у Вас спросить: на самом деле Вы до того, как о том Вам поведал я, не замечали ничего подобного? Неужели все жители вашего, в принципе, наверное, когда-то славного городка, -- позволил я хоть какой-то комплимент по поводу того города, где я сейчас временно жил, -- всегда были доброжелательными, искренними, как говорится, с чувством локтя.

Профессор задумался.

-- Не знаю, -- наконец-то произнес он через какое-то время. - Но мне действительно не приходилось замечать ничего подобного, столь живописно описываемого Вами.

Неожиданно я почувствовал, что Клод Огран почему-то словно "закрылся" для меня. Задав еще пару наводящих вопросов, я понял, что это действительно именно так, а дальнейшее мое нахождение в этом доме, в принципе, бесполезно. Старый филолог не шел на контакт. Да и вообще, если и пытаться в чем-то разбираться, так это исключительно самому.

Но на каком-то этапе своих размышлений - уже прошло пару часов, как я ушел от профессора, и теперь, не спеша, просто гулял по улицам в направлении дома Софи - я задал самому себе вопрос: а стоит ли и дальше мне пытаться найти разгадку взаимоотношений между людьми в этом городе? Через неделю-

---

две мне предстоит уезжать. С собой я заберу Софи. И, в принципе, если жителям нравится жить так, как они живут, то к чему их переубеждать? Тем более, наверняка, то состояние психики, в которое здесь погружался я, больше у меня не возникнет. Если, конечно, действительно соотнести друг с другом метаморфозы сознания и нахождение в чертах города N... А если нет? - задумался я. - Если все же рассматривать версии, что город N просто послужил неким катализатором? Но тогда получается, даже если бы я сейчас в нем не находился, то,-- то, что происходило с моим сознанием, все равно бы произошло? Так значит, вся причина во мне?.. -- такие выводы заставляли серьезно задуматься. - Неужели это так? А, если так, то необходимо было срочно искать путь избавления от этого. Хотя... Во мне еще теплилась небольшая надежда, что схожие симптомы испытывали, если не все, а лишь некоторые люди этого странного города.

Не знаю, действительно ли я в это верил, или просто мне не хотелось признаваться самому себе, что я болен? Скорее всего, справедливо было второе. Но пока я не нашел твердых опровержений первого предположения, я решил порасспрашивать жителей, в надежде, что смогу вскоре представить самому себе более точные выводы. И, конечно же, "опрос" этот был возможен только в отношении уже известных мне людей. (Надеяться, что кто-либо еще раскроет мне душу, было бессмысленно).

-- Но с кого же начать? -- я мысленно перебирал в памяти известных мне людей, и среди один за другим возникающих портретов, неожиданно остановился на Оми. В тот момент мне почему-то показалось, что именно она способна мне помочь.

Значит ли это, что именно в ней я надеялся отыскать схожие симптомы - схожие с теми, которые испытал я? Или же я просто спонтанно выбрал эту женщину? Не знаю? Да это, в общем-то, было и не главное...

Решив не откладывать в долгий ящик, я решил переговорить с Оми сегодня же. Придя домой, я стал, было, дожидаться женщину, но мое нетерпение было столь ощутимо, что я всерьез стал подумывать, а не встретить ли Оми с работы, и по дороге к дому обо всем ее расспросить. И, должно быть, я бы именно так и сделал, если бы не опасался заблудиться в поисках музыкальной школы, где преподавала мать Софи. (На "любезность" местных жителей,-- я давно уже не надеялся).

Наконец, я дождался Оми. Теперь оставалось подыскать подходящий момент. Ведь никто из моих будущих родственников, не должен был знать заранее о предстоящих "расспросах". Включая, конечно, и саму Оми.

Да еще следовало подумать, как это все сделать так, чтобы женщина была со мной откровенна. То есть,-- не испугавшись,-- "открылась" мне. Поэтому я стал ждать.

ГЛАВА 9

Сандра Муарже была сейчас в том состоянии, когда ей хотелось, чтобы вокруг был "праздник"! Отношения со своими *возлюбленными* у нее складывались таким образом, что на каком-то этапе общение с ними, женщина поняла, что никаких серьезных чувств ни у кого не было. Ни у нее к ним. Ни у них к ней. Да, если и разобраться-то, то все общение сводилось к элементарному "траханью". А это было, в общем-то, не совсем то, что женщина хотела. Ну, банально было бы говорить, что она хотела любви. Нет. Об этом женщина даже не мечтала. Хотя и "другого",-- она уже не хотела. Сейчас Сандра находилась на том этапе, что готова была просто разорвать отношения со всеми своими недавними "возлюбленными". А таких,-- среди "постоянных",-- набиралось несколько человек.

Что же ей на самом деле хотелось?.. Чем больше она начинала задумываться об этом, тем больше женщина чувствовала, что ее мысли начинают хаотично метаться в поисках какого-нибудь (уж хоть какого-нибудь!) решения. Но ничего путного в голову не приходило.

Если бы в этот период Сандре встретился Франц, он, вероятнее всего, смог бы сделать единственно верное заключение: у женщины наступила депрессия. А ее необъяснимое желание праздника - элементарная попытка хоть как-то отдалить ее наступление. И это было справедливым. Ибо уже в другую минуту, в душе Сандры воцарилась такая темнота и опустошенность, что она попросту лежала на своей кровати - кровати, на которой когда-то принимала своих кавалеров -- и не могла подвинуть ни рукой, ни ногой, ни головой... Ей вообще

ничего не хотелось делать. А так как такое состояние у нее случилось впервые, то совершенно справедливо то, что она пугалась его.

Пугалась, но поделаться ничего не могла.

В подобных состояниях желательно, чтобы кто-нибудь находился рядом. Человек не должен чувствовать свое одиночество. Но ее муж, Мишель, уехал на очередной симпозиум в Париж; и будет, в лучшем случае, через неделю. Родных у женщины не было, ну, за исключением, быть может, племянницы, Лейзы; но та была так своенравна, да между ними никогда и не было близких отношений, что ее "кандидатура" отпадала; да и подруг у Сандры не было.

Вообще, Сандра никогда не испытывала большого желания общаться с женщинами. В молодости она рассматривала их как потенциальных соперниц. А если с кем и дружила, так это с мужчинами. Да и то, дружбой это можно было назвать только перед мужем, ибо Сандра переспала со всеми мужчинами, которые когда-либо ее окружали. Причем, наверное, сама она была в том не так и виновата. Страсть вспыхивала в ней столь спонтанно, что женщина уже не могла ничего с собой поделаться. И это было еще более удивительно и оттого, что, если бы кто поговорил с женщиной, то был бы уверен, что она придерживается, ну, если, не пуританских, то уж, по крайней мере, довольно строгих взглядов на общественную мораль. Тогда как то, что было на самом деле, оказывалось,-- чуть ли не диаметрально противоположным.

Ну и, кроме того, ощущение той "строгости", которое исходило от Сандры,-- в какой-то мере, объяснялось ее

внешностью. Ее серьезное лицо и немного грустноватые глаза, по всей видимости, и сбивали с толку всех, кто пытался разобраться в этой женщине.

.....

-- Я совсем не ожидала Вас больше увидеть, -- призналась Сандра, когда несколькими минутами раньше спускавшийся от профессора Одрана Франц - так он объяснил ей, но на самом деле Франц Монтестье пришел именно к ней - зашел к ней (интересно, как он узнал, что Мишеля не было дома? - подумала женщина), и они теперь сидели на мягком диване в гостиной.

-- Вы не хотели меня видеть? - сыграл я неподдельное удивление, всматриваясь в лицо на миг смутившейся женщины, и отмечая про себя, ее немного необычное "состояние". Казалось, от прежней уверенности Сандры, не осталось и следа. Рядом со мной сидела женщина, внутри которой - и это сразу бросилось в глаза - происходила какая-то борьба. И какая - я постепенно начинал догадываться.

-- Ну почему же? - лукаво ответила она, и я на секунду заметил, что Сандра стала такой же, какой я ее видел раньше. Но, видно, что-то, действительно, беспокоило женщину; потому как уже в следующую секунду, на ее лице воцарилась та отрешенность, которая, в принципе, мне была хорошо знакома. Вернее, известна была причина ее возникновения.

-- Вы знаете, в скором времени я собрался уезжать, -- сказал я давно заготовленную фразу, добавив к своему лицу еще

большей серьезности. - И уехать, не повидав Вас, было бы откровенной ошибкой с моей стороны... -- по всей видимости, я немного переигрывал. Но по расплывшейся на лице женщины довольной улыбке, я понял, что она этого нисколько не заметила.

-- Правда? - жеманно ответила она, и я на секунду усомнился, та ли это была женщина, в которой при самом первом нашем общении я заметил неженский интеллект и неплохо развитую интуицию. Сейчас ничего подобного я не наблюдал. И следующие действия Сандры - а она стала ластиться ко мне, являя то слабое и беззащитное существо, которое просто элементарно хочется пожалеть и утешить - были тому наглядным подтверждением.

Кое-как добившись, чтобы женщина сидела "в спокойной позе" на диване - а при этом надо было, чтобы она не только не обиделась (еще этого не хватало!), но и не заподозрила о цели моего прихода (цель была одна - мне все же хотелось разобраться в том, что происходило в городе - и происходило ли это на самом деле. Потому как в ином случае,-- причина бы заключалась только во мне), - я встал (это, к сожалению, была та единственная поза, при которой у женщины не возникло бы сиюминутного желания,-- которое, я заметил, у нее, конечно же, было - вступить со мной в интимные отношения - рано или поздно это все равно должно было случиться, но прежде мне все же хотелось кое о чем Сандру порасспросить) и, начав прохаживаться по комнате - так я любил делать всегда, когда рассуждал - я попытался отвлеченно-наводящими вопросами подвигнуть Сандру на разговор о ней.

В конечном счете, мне это удалось. И в последующие сорок минут, у меня на руках практически была (надумай я

конспектировать ее ответы) история болезни - именно "болезни", в этом я уже не сомневался - Сандры Муарже.

Действительно, по всему выходило, что женщина сейчас находилась в том депрессивном состоянии, из которого, оставь ее наедине с собой, она могла уже и не выйти. Имеется ввиду, не выйти без каких-либо серьезных последствий.

- Странное дело, -- задумался я.-- Если подобными симптомами обладает еще какая-то часть жителей этого города, а у оставшейся -- если поискать -- можно было бы найти другие, то тогда по всему выходило, что весь этот город охвачен состоянием, которое... уже не иначе как "безумием",-- и не назовешь.

Но не могут же все жители быть ненормальными?..

А почему бы и нет?!.. Быть может, именно в этом мое заблуждение? Заблуждение по поводу невозможности "массового помешательства",-- до сих пор и мешало мне правильно проанализировать всю ситуацию. Причем, на самом деле, наверное, не обязательно быть *помешанными* всем. Вполне достаточно кому-то находиться и в пограничном состоянии; то есть, в том состоянии, при котором,-- в зависимости от развития потусторонних факторов,-- могло наступить или улучшение, или ухудшение состояния.

Но, как бы то ни было, в общем плане, это все равно означало справедливость только что сделанных мною выводов. Кстати, заключение, подобное тому, которое я только что вынес Сандре, практически совпало с тем, что всего несколькими днями ранее, я дал Оми. Конечно, у женщины было расхождение как в

симптомах, так, собственно, и в признаках заболевания. Но то, что оно было у них двоих, -- факт был более чем бесспорный.

А теперь задумайтесь, в каком я оказался положении!?

Если у двоих людей, с которыми я контактировал в этом городе (то есть, которых я знал лично!),-- было помешательство (степень сейчас меня даже не интересовала. Достаточно того, что был сам факт какого-то отклонения от нормы - хотя, что такое норма? Тоже ведь, довольно расплывчатое понятие?!),-- то... что тогда было говорить о других людях?

Ну, предположим, вопрос мог быть двояким. Вполне еще можно было допустить, что это просто совпадение, но... вряд ли все же, чтобы это было совпадение...

В общем, гадать, конечно же, можно было долго. Но для чистоты, так сказать, эксперимента,-- следовало найти еще одного человека, у которого нашлись бы схожие симптомы.

Или, впрочем, не нашлись, -- подумал я, и еще какое-то время побеседовав с женщиной "ни о чем",-- я сделал то, чего она давно от меня и ждала. Что было поделать, если она - как я понял - не могла и ни дня без мужчины.

А потом я отправился по своим делам. Мне следовало еще "поговорить по душам" с Рене...

ГЛАВА 11

Оставшись наедине со своими мыслями, я серьезно задумался над результатами сделанных выводов. Неужели, оказавшись в городе N, мне пришлось оказаться свидетелем какого-то единого помешательства, охватившего всех жителей? И не подвластно ли тут вмешательство извне? По-другому просто никак не объяснить происходящее. И тогда уже и на самом деле, я оказался свидетелем какого-то массового помешательства.

Отклонения от психики.

Более того, в какой-то мере это коснулось и меня. Ведь те некоторые странности, случившиеся со мной, по всей видимости, позволяют на самом деле сделать подобное заключение.

И все же, пожалуй, так сказать, для чистоты эксперимента, следовало опросить еще одного человека. Ну а потом,-- с этими выводами я намеривался пойти к Клоду Орану. Мне почему-то казалось (или хотелось казаться), что старый профессор - ждет меня. Ждет именно с той информацией, которую я соберу. Ведь ему просто необходим был "резвый" взгляд.

Ну а потом,-- я собирался уехать. Подступала пора начала занятий в университете. И всю информацию, все равно я решил оставить ему. Тем более, если он и на самом деле пишет летопись своего города...

.....

-- Нет, Франц, я думаю, что ты ошибаешься, -- положив руку мне на плечо и по-дружески заглянув мне в глаза, улыбнулся Рене.

Прежде, чем начать разговор, мне пришлось поделиться с ним кое-какими известными мне фактами (имя Оми и Сандры я подменил именами выдуманных женщин, да и то,-- "признавшихся", якобы, не мне, а - прекрасно знаю, что они не знакомы - Одрану). И вот теперь я видел, что Рене Моро был нисколько с этим не согласен.

-- Понимаешь, Франц, -- чуть задумавшись, произнес, наконец-то, Рене. - Я сначала тоже, было, подумал, что что-то происходит непонятное. Но, пораскинув мозгами, пришел к убеждению, что, почему это следует называть каким-то - как считаешь, например, ты, или, как там его, мистер Одран - *отклонениями*.

-- Но есть же факты, показания свидетелей, наконец?! - не удержался я.

-- Ну, какие там свидетели? - поморщился Рене. - Не нужно играть в детективов, дружище, -- по дружески похлопав меня по плечу, улыбнулся он.- Все заключения, добытые твоим престарелым знакомым,-- есть ни что иное, как фальсификация фактов. Ну или,-- какая его очередная бредовая идея.

Нет, конечно, я его не знаю,-- добавил Рене.-- Но думаю, что в таком возрасте, как он - ему же наверняка за семьдесят - вполне возможно видеть окружающих,-- под неким преломленным лучом, а? - заговорщицки подмигнув мне, улыбнулся своей дурацкой догадке Рене.

-- Ну, не знаю, -- покачал я головой, видя, что переубедить Рене будет, по всей видимости, невозможно.

И я, конечно, еще раз задумался, надо ли мне вообще было этим заниматься? Может, предоставить им самим разбираться со своими *отклонениями* (если те и на самом деле были). Понятно, что мне это было интересно, в первую очередь, как психоаналитика, но... Тема моей диссертации, уже давно была не только выбрана, но и утверждена в университете. Да и написал я ее уже. А рассматривать происходящее в городе N как новую тему - а именно такая мысль не отпускала меня с тех пор, как я начал заниматься изучением "феномена" города N - наверное, было не нужно. По крайней мере, сейчас.

Значит, следовало просто забрать Софи - тем более, на состоявшемся вчера семейном ужине-совете мне удалось убедить и саму Софи, и ее родителей, что девушка должна поехать со мной; а, кроме того, пришлось в очередной раз дать понять ее родителям мое отношение к религии. Конечно, до поры, до времени я еще могу сохранять известную либеральность - если кому угодно "верить" - "верьте"! Но когда подобное начинают навязывать мне?.... Это уж увольте...

Поговорив еще какое-то время с Рене - тему я довольно легко переменял на интересующие его в последнее время шахматы; и даже сыграв с ним пару партий (хотя, интересоваться-то они его, может, и интересовали, но играл он столь отвратительно, что, начиная игру, я давал ему в качестве форы не только своего ферзя, но и ладью, коня и слона. И то он умудрился проигрывать уже ходов через десять),-- я решил направиться к Клоду Орану.

(С Рене я встречался в его обеденный перерыв, одном из кафе, расположенных неподалеку от фабрики, где он работал).

Однако, уже подходя в дому профессора, я неожиданно переменил решение, и решил заглянуть к Лейзе. Конечно, прийти прямо к ней в квартиру я не мог. Но собирался пройти - если того потребуется: "несколько раз" -- под ее окнами, и, зная привычку Лейзы проводить время на балконе, - я был уверен, что она меня окликнет.

Мне почему-то захотелось сейчас "любви" этой девушки.

И я, не откладывая, свернул на нужную мне улицу.

ГЛАВА 12

Клод Одран сидел в своем кабинете, и на его письменном столе были аккуратно разложены собранные им за последние десять лет - именно десять лет назад он впервые начал изучать "феномен" своего города -- свидетельства специально опрошенных им жителей, заметивших в себе некоторые *странности* поведения. Впрочем, были тут и показания людей о замеченных ими *странностях* в других.

Клодом Одраном была проделана серьезная работа, и теперь ему предстояло систематизировать все полученные данные и сделать на основании их тот вывод, который должен бы подтвердить или опровергнуть сделанное им ровно десять лет назад предположение, что город N подвергся *невиданной доселе эпидемии, поражающей мозг жителей*. Причем, разрушительное воздействие было тем больше выражено, чем больше проходило лет от начала. То есть, от самых первых свидетельств людей о том, что они заметили в себе или в других некоторые *отклонения*.

Еще десять лет назад, впервые столкнувшись с подобным, Клоду Одрану удалось убедить своего старого приятеля Жана Симона (только-только назначенного тогда префектом их города и охотно пошедшего на встречу другу, может, еще и потому, что, как любой, вновь назначенный на такую должность, он жаждал "быть в курсе всего"),-- во всем разобраться, и навести порядок.

Другое дело, что за те десять лет, что Жан Симон бесценно руководил городом, ему пришлось слегка умерить свои первоначальные амбиции: кое с чем смириться, кое-кому пойти на

встречу, кое на что,-- "закрывать глаза"; и на самом деле,-- Клод Одран,-- совсем не был уверен: как "отреагирует" Жан Симон, на собранные им, Одраном, данные; и, главным образом, на сделанные на основании их -- заключения о постепенно охватывающем город безумии. Безумии, которое, со временем, могло перерасти и в настоящую катастрофу, бедствие.

Чтобы Одрану "никто не мешал", за подписью префекта - Одрану была выдана особая бумага, по которой он наделялся неограниченными полномочиями для осуществления своих исследований. Он также беспрепятственно мог проникать в любые, доселе для него "закрытые",-- учреждения, архивы, спецхранилища, пользоваться любыми засекреченными базами данных.

Было одно обстоятельство, которое заставляло Клода Одрана сейчас торопиться. И это был, конечно же, не преклонный возраст профессора. Он чувствовал себя превосходно, поэтому вполне мог еще несколько лет спокойно собирать и анализировать полученный материал. Обстоятельством, ускорившим процесс сбора и обработки данных - была... эпидемия; которая могла начаться в любой момент.

Другой же причиной, как ни странно, был Франц Монтескье. Именно молодой человек, благодаря своему великолепно развитому интуитивному чувству осознавший происходящие в городе N странности, вынудил Клода Одрана оставить свой дальнейший сбор материала и доказательств,-- и серьезно заняться анализом *уже имеющегося*.

Несколько недель Клод Одран, практически никуда не выходя из дома, занимался одним и тем же. И несмотря на то, что работа была еще не закончена, он уже понимал, что над городом нависла серьезная опасность.

Ситуация была столь плачевна, что всеобщее "сумасшествие и безумие",-- могло, по всей видимости, начаться в любой момент.

Профессор сейчас ругал себя за свою чрезмерную скрытость. Ведь Франц Монтестье, уже несколько раз за последнее время приходивший к нему, чтобы поделиться о сделанных им самим выводах - и, к сожалению, выводы профессора с ними совпадали - был бы ему сейчас хорошим подспорьем. Голова у него работала как надо, да к тому же, в отличие от Одрана, Франц еще и обладал необходимыми знаниями, так что молодой человек наверняка бы оказался кстати. Но ведь Одран сам отказал ему. Не он ли сразу догадавшись, о чем ему хочет сообщить Франц,-- всячески уверял его в обратном. А то и просто старался переменить тему. И что теперь? Молодой человек наверняка решит, что ему незачем вмешиваться в происходящее. Тем более, он собирался уезжать. Хотя, быть может, хорошо еще, если это будет так. А что, если он попытается хоть как-то сообщить об этом властям. И будет первым, кто сообщит им об этом? Тогда, выходит, весь труд Клода Одрана будет напрасен. Все десять лет - коту под хвост? Какой-то мальчишка, еще и месяца не находившийся в городе, сумел

сделать необходимые выводы и предоставить их префекту, а он, Клод Одран, просто бездельничал все эти годы?..

Настроение Одрана переменялось до неузнаваемости. Ему привиделось, что Франц Монтестье на самом деле уже сейчас сообщает обо всем префекту, и лицо профессора скривилось в ужасающей маске негодования.

Он рванулся, было, собирать в охапку все, до того заботливо разложенные листки, засовывать их в портфель - они сминались, но сейчас некогда было обращать внимание на подобные мелочи, как... Клод Одран почувствовал щемяще-давящую, разрывающую все его внутренности, боль - так, как будто на него внутри давило сотни миллионов атмосфер, и в ту же минуту, успев осознать, что для него уже все закончилось, Клод Одран, профессор филологии и главный летописец города, бесчувственно упал на пол. Тело его было безжизненно.

_____ сокое из растущих по близости , сидел то самый нищий, для чего-то водрузившись на самое высокое из растущих по близости дерево

ЧАСТЬ 4

ГЛАВА 1

Всего три дня, как похоронили профессора Клода Одрана, и начали сбываться предсказания, сделанные им. Город N охватила паника всеобщего помешательства, которое я, впрочем, иначе как безумием, и не называл. Сначала по городу стали расплзаться странные слухи о якобы готовящемся нападении со стороны неведомого врага. Но, -- кто и когда должен был напасть, -- никто толком сказать не мог.

Посмеявшись, было, над подобными слухами (неужели кто-то всерьез надеялся, что я способен поверить в эти басни?), -- уже через неделю я стал свидетелем происходивших в этом городе нелепых событий, кои, скорее всего, больше походили на преддверие какого-нибудь стихийного бедствия, нежели на обычную подготовку к осаде.

Да, да, никто не ослышался. Город N ожидал "осады".

Враг был "невыяснен" до сих пор, а потому в один из дней вышедший на улицу (свою привычку гулять я ни за что не собирался отменять), я увидел удручающую по своей трагичности картину. Улицы были совершенно пусты. Окна домов занавешены черными портъерами (загадка -- где их столько набрали?! Скорее всего, готовились заранее...); так что, в темное время суток, все дома стояли темными.

Уличные фонари горели от силы на треть от нормы.

Прилавки магазинов опустели -- люди скупили не только предметы первой необходимости: соль, спички, хлеб, сахар, мыло, но и макароны, консервы и вообще все, какие только были, продукты, так что сами магазины за ненужностью закрылись тоже.

Удивительно, но, пройдя мимо городского управления, я заметил, что там никого не было. Так же, как опустели здания жандармерии, почты, телеграфа и т.п. предприятий, которые работать, как мне казалось, должны были всегда.

Словно в каком-то забытии, я бродил по улицам города, и не узнавал его... Казалось, он тоже весь опустел.

В то время, как я наверняка знал, что дома полны людей, а из города никто не уехал.

Конечно, теперь я бы ни за что не стал тарабанить в калитки, как это делал поначалу; ибо, удивительное дело,-- и я заметил, что это было на самом деле так,-- за тот месяц, который я провел в городе N, я стал значительно старше своих лет. По крайней мере, ощущал я себя...

Что мне следовало делать?

Я прошелся под окнами опустевшей квартиры Одрана, где, насколько я знал, никто не жил. Даже на похоронах были только немногочисленные знакомые профессора, который, как оказалось, и дружбы-то особо ни с кем не водил. И не было никого из родственников...

Его брат, по какой-то причине, не приехал; хотя, скорее всего, просто никто не знал его американского адреса. Да и некому, по большому счету, было ему о том сообщить. Бабка Софи - Августина Луаварье, знавшая покойного по его молодым годам, сейчас находилась в столь почтенном возрасте, что даже не

смогла толком понять, кого хоронят. Софи, было, несколько раз объясняла ей о том, но потом прекратила попытки, поняв, что старушка все равно тут же забывает.

На меня постепенно накатывала волна отрешенности...

Отрешенность - это, вероятно, то же самое, что и безразличие. Но если безразличие может быть хоть как-то выражено по отношению ко всему происходящему, то *отрешенность*, уже сама по себе - некая характеристика нежелания участвовать в чем-либо. Куда там до происходящего? Мне на самом деле расхотелось делать, что бы то ни было. Я даже остановился, задумавшись (хорошо, хоть осталась способность, или, вернее, желание думать), куда же я пойду? Мне не хотелось ничего; и это было тем сильнее (интересно, желание "ничего не делать" - ведь это уже само по себе "желание"; а, значит, какая-то *разновидность* желаний все же осталась?!) и ощутимее, чем больше я понимал, что в городе на самом деле воцарилась паника. Вернее, да самой паники было еще далеко (или уже не далеко?); но все признаки ее наступления,-- предвестниками коих, бесспорно, являлись распространяемые с ужасающей быстротой слухи, явившиеся в виде забившихся в свои ветхие домишки людишек (у меня были все основания называть этих трусов и сумасшедших столь презрительным производным величественного слова),-- были налицо.

Однако, мне, вероятнее всего, следовало что-то делать? Ну, в плане, предпринять что-то... Хотя,-- что тут можно было предпринять?

И главное,-- надо ли?..

Я еще раз взглянул на пустующие окна Клода Одрана, и на миг мне почудилось, что я заметил шевеление занавесок... Не может быть?.. Ну, конечно! Теперь я отчетливо замечал их "подрагивание". Мне показалось, я даже ощущал на себе взгляд кого-то, смотревшего из окон покойного профессора.

Кто же это мог быть?.. Секунду-другую я постоял в нерешительности, как, словно решив проверить внезапно появившееся у меня *предположение*, с уверенным видом шагнул к подъезду. Уже заходя в него, я бросил взгляд наверх, и тут же почувствовал, что тот, кто смотрел на меня из профессорских окон, отпрянул назад. Так ли это было на самом деле, я не знал? Но то, что штора вновь задрожала, -- за это я мог поручиться.

Поднимаясь наверх и по пути обдумывая предлог (мало ли, кто мог находиться в квартире покойного профессора?! Может, полиция, там, или еще какие представители фискальных органов) - своего неожиданного визита, я наконец-то дошел до нужной мне двери и, остановившись, собираясь с духом,-- прежде, чем позвонить,-- невольно отступил назад, уступая пространство открывающейся двери. Через секунду-другую в чернеющем дверном проеме (свет в квартире горел в одной из отдаленных комнат, да и то, по моему, это была свеча), я увидел... брата покойного профессора.

Заворожено глядя на Сандерса, и интуитивно подчиняясь резкому приглашающему взмаху его руки, я переступил порог, и тут же услышал характерный щелчок закрывающейся за мной двери.

-- Франц, я Вас не сразу узнал, -- извиняющимся тоном произнес Кори Сандерс.

"Не узнавал" профессора и я. Еще недавно мне казалось, что разница между ним и его братом была в десять, а то и больше, лет. Но сейчас я, пожалуй, назвал бы их "ровесниками".

-- Не ожидал, что подобное может случиться, -- покачал опущенной головой Сандерс. - В одном из последних писем - вы же знаете, мы регулярно с ним переписывались, -- посмотрел Сандерс на меня -- брат сообщил, что грани какого-то заключения, которое может повлиять на судьбу его родного города. Вы случайно не знаете, что ему удалось узнать? - я поймал на себе вопрошающий взгляд Сандерса.

-- Вы не знали, что профессор Одран был летописцем города N? - удивленно взглянул я на Сандерса, словно подозревая его в чем-то.

-- Понимаете, Франц..., -- Сандерс весь как-то съежился. - На самом деле, мы не были так близки с братом, как, быть может, казалось. Вернее, причина,-- в его излишней скрытности. Видите ли, у него были некоторые свои дела. В которые Клод никого не допускал.

-- Даже родного брата? - удивился я, хотя тут же вспомнил, что мне тоже приходилось видеть подобных людей.

-- Мы двоюродные братья, -- уточнил Сандерс. - Конечно, это не меняет дело, но мы двоюродные братья, -- зачем-то повторил он.

Я видел, что Сандерс еще не отошел от случившегося; и именно этим, по всей видимости, и объяснялось его странное поведение.

"Из той же серии",-- были "ничего не значащие" жесты; которые, скорее, выдавали *неуверенного* человека, нежели несли в себе какое-то значение.

Поняв, что Кори Сандерс еще какое-то время будет находиться в подобном состоянии, я решил не торопить события, и дать время профессору объясниться самому. Как я и предполагал, прошло почти полчаса, пока еще через секунду-другую ничего не значащих жестов, слов, движений,-- я услышал, наконец-то, более-менее "связный" рассказ Сандерса.

-- Мои дела в Америке на самом деле идут не так хорошо, как о том может создаться впечатление, -- поставив пустую рюмку на стол - коньяк, найденный в буфете Одрана, оказался сейчас весьма кстати - и, избегая взглянуть на меня, произнес Сандерс. - В последнее время я хватался за слишком многое, но так ничего толком и не довел до конца, -- ответил он, хотя я ясно дал ему понять, что "ни о чем таком" он может и не говорить. По крайней мере, сейчас.

Но было видно, что Кори Сандерс сам жаждал сейчас о чем-либо поговорить. И, по всей видимости, я был для него более чем удобным собеседником: немногословный, способный, если надо, задавать наводящие, или, в зависимости от обстановки, уточняющие вопросы, а то и вовсе поддержать беседу, если ее мерцающий фитилек готов был вот-вот затухнуть; в общем, не буду себя излишне хвалить, но сейчас я отметил про себя, что

Сандерс оставался доволен тем, что рядом с ним нахожусь именно я.

-- А что Вы думаете делать дальше? - видя, что пауза задумавшегося Сандерса весьма затянулась, я решил напомнить о себе.

-- О, простите... -- смутился Кори. - Вспомнил, как мы вот так же сидели в последний раз с Клодом... Не знал я, что придется вернуться так скоро... -- медленно добавил он, вероятно, готовый вновь погрузиться в какие-нибудь свои мысли.

Я наполнил рюмку, осторожно - может быть, чуть сильнее, чем следовало, звякнув об нее бутылкой - столь нехитрым способом я попытался вывести профессора из обволакивающего его оцепенения.

-- Простите, Вы, кажется, что-то спросили? - действительно очнулся Сандерс, и взглянул на меня своими голубыми глазами. Никогда доселе я не обращал внимания на цвет глаз мужчин (впрочем, так же, наверное, как и женщин), но сейчас я поразился их цвету.

-- Полноте, профессор, -- попытался успокоить его я. - Можете сейчас не обращать на мои вопросы никакого внимания.

-- И все же... -- попытался собраться с мыслями Сандерс. - Вы, кажется, что-то спросили по поводу моих дальнейших планов... Но, вы знаете, я сейчас нахожусь в какой-то прострации.., - признался он. - Если раньше я довольно четко держал в голове всю схему своих действий, в том числе, и планов, конечно же, и планов, -- поправился он, -- то теперь там полная сумятица. Ничего конкретного! - с досадой добавил он.

Я, вежливо соглашаясь с ним, кивнул головой. Мне на самом деле были понятны те чувства, которые сейчас испытывал Кори Сандерс. И в то же время, именно сейчас я подумал, что профессор Сандерс, вероятнее всего, смог бы подменить для меня покойного Клода Одрана. Ведь больше ни с кем, в этом городе, я не мог поделиться своими мыслями о происходящем. А ведь о ситуации в городе, то есть, об охватившей его панике, Кори Сандерс мог и не знать. И, к известию о смерти его брата, это будет еще одним потрясением, к которому, по всей видимости, я его должен был подготовить. По крайней мере, считал это своим долгом. Тем паче, это следовало сделать именно сейчас; ибо на самом деле - и это я вдруг более, чем ясно почувствовал - среди тех, в ком я мог бы найти поддержку - поддержку в плане интеллектуального *осознания* действительно (ибо, образованных людей, может и много, но вот по-настоящему умных, -- единицы), я внимательно посмотрел на Кори Сандерса, словно пытаюсь осознать, способен ли он был сейчас оценить то, что я ему скажу.

И, понимаете, времени-то у меня особенно не было... Я должен был довольствоваться теми, отведенными судьбой, минутами - хорошо, если больше - чтобы выложить профессору все свои мысли.

Я решил.

Посчитав, что коньяк в какой-то мере, может выступить "помощником", я налил еще по рюмке, но уже не мог больше сдерживаться, а потому, едва пригубив и еще держа рюмку с нагревающимся от тепла ладони напитком, я начал свой рассказ. Не таясь и почему-то нисколько не опасаясь быть неверно понятым, я в мельчайших деталях (но с той осторожностью, за

которой следовала опасность подмены второстепенными событиями главных), я описал Сандерсу,-- увлеченно слушавшему меня Сандерсу,-- все то, чему свидетелем - а кое-где и невольным участником, я стал.

Закончил я как раз на тех, сублимирующих всю мою проделанную работу выводах, с которыми собирался поделиться с его братом.

-- Собирался, да не успел--добавил я. (О своих попытках бесед с Клодом Одраном по поводу происходящих в городе событий я умолчал. Опасаясь, просто-напросто, быть неверно понятым).- Но зато я узнал, что Ваш брат, оказывается, работал над сбором и анализом подобных фактов уже десять лет,-- посмотрел я на профессора, пытаюсь понять: знал ли он об этом?

-- Считаете ли Вы, что, если бы он предоставил результаты своего труда несколько раньше, того безумия, что начинается в городе, удалось бы избежать? - на удивление четко Сандерс выхватил главное из всего моего повествования.

-- Кто его знает? - дипломатично заметил я. К тому же, я на самом деле не знал о масштабах наступившей трагедии.

Конечно, если бы Одран, когда я к нему приходил со своими предложениями (сделанными, надо заметить, по ничтожно малым в плане "чистоты эксперимента", фактам) познакомил бы меня с содержанием собранных им свидетельств?! Да хотя бы их десятой частью,-- то еще можно было бы надеяться, что удастся предотвратить как само наступление массовых событий, так, быть может, и смерть самого профессора. (О исследованиях профессора я действительно узнал только после смерти профессора. Да и то, благодаря не в меру словоохотливому полицейскому, вероятно не

знавшему, с кем ему о том поделиться, и выбравшего меня. Ну а мне, уже не составило труда сделать вывод: о каких бумагах он говорит.

-- Но, по крайней мере, поддержка брата Вам была необходима? - уточнил Сандерс, как-то по-особому на меня посмотрев.

-- К чему это Вы клоните, дружище? - улыбнулся я, широко открытыми глазами посмотрев на Сандерса - такой мой наивно-искренний взгляд до сих пор действовал без промаха, умеряя пыл и сомнения даже самых завзятых скептиков -- и заметил, что профессор на глазах подобрел. И только тут я обратил внимание на то, что Кори Сандерс еле сидел на стуле, покачиваясь то ли от усталости, то ли от выпитого - и уже без сомнения, начавшего действовать, алкоголя, так что мне пришлось на миг задуматься, что делать дальше: уложить профессора спать или вести его к семейству Софи, где я собирался - мысль об этом действительно возникла - предложить ему остановиться. Я даже был готов поселиться на время здесь же, в доме покойного Одрана в том случае, если Сандерс не пожелает никуда отправляться. Оставлять его одного я не мог. Все-таки, мало ли что может произойти с этими стариками?!

Однако на мое удивление, Сандерс довольно быстро внял мои доводам - мне, действительно, даже не пришлось его серьезно убеждать - и уже через пять минут мы (обнявшись, да слегка покачиваясь, - коньяк все же начинал действовать) шли по пустынным улочкам в направлении дома Софи. Уже подходя к нужному адресу, я на минуту усомнился в оправданности моего

приглашения Сандерса (ведь неизвестно было, как его воспримет семейство Моро?), - но отступить уже было некуда; а потому уже через несколько минут, я позвонил в квартиру Софи.

Открыл нам Рене. Одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы понять, что он так напуган всем происходящим в городе, что даже если бы я с собой привел батальон трансвеститов, он не обратил на это никакого внимания.

-- Франц, проходи скорей, -- показала в прихожей Оми, лицо которой выражало ту же обеспокоенность, что я только что прочел у ее мужа. -- Такие события происходят в городе, -- сказала она, вероятно, сама себе,-- потому что тут же скрылась из вида (и я подумал, что мне придется сначала успокаивать семейство Моро,-- кстати, где там была Софи?-- прежде, чем удастся им объяснить, что профессор Сандерс какое-то время поживет вместе с нами.

К моему удивлению, на все мои объяснения мне потребовалось столь мало времени, что я уже готов был мысленно поставить в свой актив жирный плюс, как пришедшая Софи - вот это да? За объяснениями этой полусумасшедшей семейке я даже не заметил отсутствия своей невесты - рассказала, что в городе объявлен комендантский час.

-- С минуты на минуту ожидается осада, -- пояснила она мне с таким видом, что я тотчас же понял, что, если срочно отсюда не уеду сам, да не увезу с собой Софи, то сойду с ума вместе с ними со всеми. Ибо, конечно же, не в какую осаду (интересно, кем? Или Франция объявила кому-нибудь войну?) я не только не верил, но и догадывался, что все это и есть то, чего так опасался внезапно скончавшийся Одрен, и к чему, вероятно, мог прийти я,

---

стоило мне получше проанализировать уже имеющиеся у меня материалы.

Однако, мне потребовалось еще несколько дней, прежде чем я смог убедить как саму Софи, так и, прежде всего, ее испуганных родителей (которые, я заметил, поддавшись охватившей город панике, теперь мало отвечали за свои действия), что нам с Софи следовало уехать.

-- А как же осада, Франц, -- пробовал, было, возразить Рене, так что мне пришлось чуть ли не прикрикнуть на него. Но я вовремя заметил, что этого делать не стоит. По всей видимости, бедняга был полностью деморализован слухами. Но я знал и то, что если я буду продолжать с этой семейкой либеральничать, то, чего доброго, или действительно "начнется осада" - в этот бред уже готов был поверить и я - или мы все тут сойдем с ума.

Не знаю, что оказало большее влияние на семейство Моро, -- моя чрезмерная уверенность (а если я во что-то поверил, то остановить меня в стремлении убедить в этом других было почти невозможно),-- или еще что, но как-то препятствовать нашему отъезду - больше никто не пытался. И уже на следующий день, я и Софи (профессора я оставил на попечение семейства Моро) стояли на железнодорожном вокзале города N, собираясь покинуть его первым же отходящим поездом.

Но оказалось, что на вокзале меня ожидало еще одно потрясение (не много ли всего за месяц нахождения в этом городе?). Движение поездов было отменено.

Мне как-то не верилось что это так,-- и я направился к администратору вокзала, выяснить - что, собственно, происходит?!

Интересно, что он оказался на своем месте. И неизвестно чему улыбаясь, этот лысеющий мужчина подтвердил, что отменены любые поезда. Как уходящие, так и приходящие,-- словно издеваясь, добавил он. (Теперь его улыбка мне показалась улыбкой сумасшедшего).

Не медля ни секунды, я взял за руку Софи (девушка столь удивленно озиралась по сторонам, что могла еще, чего доброго, расплакаться),-- и с решимостью (ибо нисколько не собирался останавливаться ни перед какими трудностями),-- направился на другой вокзал - Морской.

Однако, предварительно, я решил зайти на автобусную станцию; рассчитывая, если что, уехать автобусом. (В любое другое время я на это бы не согласился. Автобусы я не любил. Но ситуация сейчас складывалась таким образом,-- что выбора у меня попросту не было).

К своему сожалению, я убедился, что ситуация с автобусным движением - сродни предыдущей. И несмотря на то, что автобусы стояли в невероятном количестве,-- никто из водителей ехать никуда не собирался. Да и самих водителей поблизости не было.

У меня уже возникла сумасбродная идея самому сесть за руль автобуса, благо, что водить я кое-как умел (по крайней мере, знал общий принцип вождения и был уверен, что уж на пустынной трассе повести автобус смогу), но выскочивший, откуда ни

возьмись, диспетчер - правда, кто это был на самом деле: диспетчер или хозяин автопарка, времени выяснять у меня не было, ибо этот чудак - высокий, худющий, с взъерошенными волосами и какими-то выкрикиваемыми отрывистыми фразами - пытался меня в чем-то "убедить". В чем? -- разбираться времени не было. Поэтому, всадив апперкот ему под дых, я обогнул согнувшееся тело этого шизика, велел Софи садиться в автобус, а сам сел на водительское кресло, намереваясь двинуться в путь. Но только тут до меня дошел смысл выкрикиваемого этим придурком, который теперь сидел на тротуаре, и смотрел на мои попытки широко открытыми глазами: в баке не было горючего!

Чувствуя за собой какую-то вину, я направился к чудику (удивление в его глазах сменился откровенным страхом), и мне совсем не составило труда "помириться" с ним. Причем, он действительно "не держал на меня зла" (как я его о том просил). И словно в подтверждение этого,-- вызвался самолично доставить нас с Софи на Морской вокзал. (Как оказалось, какие-то остатки бензина еще оставались в его стареньком "Форде". На котором, мы вскоре и доехали до пристани).

Это оказалось весьма вовремя, ибо уже дал гудок, готовящийся к отплытию, пароход.

Мысленно поблагодарив судьбу за предоставленный шанс, я отдал этому чудаку все деньги, которые были в моем левом кармане. То, что осталось в правом, - я намеревался отдать капитану парохода.

С трудом отыскав капитана (хотя на судне царил такой хаос из суматошно мечущихся пассажиров, что я не был уверен: есть ли хоть у кого из них билет), я смог наконец-то расслабиться. Мы были на пароходе. Он отправлялся (уже отдали трап). И все неприятности оставались в этом чертовом городе. Городе, куда я больше не вернусь. И "нахождение" в котором, при первой же возможности, - постараюсь вычеркнуть из своей памяти.

Но отправление по какой-то причине задерживалось. Я осмотрелся. На судне творился такой бардак из набившихся в него полусумасшедших пассажиров, что я, было, усомнился: сможем ли действительно когда отправиться? (Понимая, что это не так, я подсознательно склонен был винить в задержке именно тот хаос, свидетелем которого являлся).

Кого только здесь не было! От мелкого приказчика самой захудалой лавки,-- до "владельцев заводов, газет, пароходов"... Среди которых, я, кстати, заметил и "работодателя" отца Софи, Рено, -- Кастильо Фабучинни, и уже готов был перемигнуться с Софи, указав ей на хозяина фабрики, где трудился ее отец,-- как потерял итальянца из вида. Да и тут же забыл о нем.

Было ясно, что в круговороте последних событий,-- мне следовало хоть на миг дать покой своим мозгам. Хотя и - что верней - необходимо было *просчитать* складывающуюся ситуацию. Дабы не попасть впросак. Ведь совсем неизвестно было, - что нас ожидало впереди.

Что я вскоре и сделал. И бережно приобняв прижавшуюся ко мне девушку,-- я отвлеченно уставился в

расстилавшуюся впереди морскую гладь (мы с Софи разместились на корме). Что нас ожидает впереди?..

ГЛАВА 2

Неизвестно, долго ли плыл наш пароход (ибо, как я понял, мы с Софи, сраженные внезапным бегом последних событий, уснули), но я открыл глаза из-за того, что стоял невыносимый гомон орущих, и почему-то спускавшихся на берег пассажиров (лишь потом, восстановив в памяти все события того дня - а это был действительно день, ибо, как я потом узнал, мы с Софи не только благополучно проспали всю ночь, но и утро), - я понял, что "сходила" лишь часть людей, да и то весьма малочисленная. Я подал руку Софи, и мы тоже сошли на берег.

Будучи увлекаемыми толпой, я с Софи вскоре оказались на какой-то городской площади (то, что мы находились в городе, сомневаться не приходилось), и тут же, взглянул на девушку, я заметил ее широко раскрытые от удивления глаза. Было видно, что она знает это место.

-- Не может быть?! -- подтвердила мои опасения Софи. - Это площадь Сен Жюста,-- сказала она, назвав имя поэта, которое, насколько мне было известно, носила центральная площадь ее родного города.

-- Так мы что, снова оказались в этом сумасшедшем городе? - готов был уже сорваться с моих уст окрик удивления, как, еще не успел я это произнести - и вообще, произнес ли, сейчас уже не помню - я подхватил в охапку Софи - на самом деле, должно быть, просто схватил ее за руку - мы помчались обратно к пристани. В наших головах пульсировала только одна мысль - успеть бы на пароход! Но, прибежав на пристань, мы удивленно огляделись по сторонам: судя по тому захудалому виду, который нам открылся (а вокруг валялись только заржавевшие и

прогнившие бочки, да обрывки снастей),-- ничто не говорило о том, что сюда мог причалить какой-нибудь пароход. Да и вместо пристани, были только торчавшие в разные стороны, и местами провалившиеся в воду, доски.

Да, но ведь мы приплыли именно сюда?..

А, быть может, мы жили тут всю жизнь?..

И кто вообще мы?..

Неужели это та Софи, которую я собирался взять в жены?

Мельком взглянув на девушку, я на миг ужаснулся от вида той старухи, которая стояла рядом со мной. Я, как будто случайно перелистнул книгу жизни "на много страниц" вперед, увидел Софи такой, какая она была бы в старости. Былая красота девушки сменилась ужасающим величием древней старухи, в голосе, жестах и внешнем виде которой читалось такое *повеление*, что я чуть, было, не удержался, чтобы не пасть перед ней на колени... Софи?! Неужели это ты?!

...Не знаю, что вывело меня из внезапно окутавшего призрачного тумана, но, еще раз взглянув на Софи, я увидел ту же самую молодую и красивую двадцатилетнюю девушку, которая и была со мной в начале нашего с ней странного путешествия. Путешествия, которого иначе как бегством, наверное, и не назовешь...

В последний раз посмотрев на разрушенную временем пристань, я, вероятно, сказал Софи что-то "убедительное", и в то же время доброе, потому как девушка не только охотно поплелась со мной вслед - хотя, куда я шел?-- не знал и сам - но и чему-то радостно заулыбалась.

Окончательно, наше сознание, видимо, еще не прояснилось. Но мы добрались до какого-то полузаброшенного дома.

И я думаю, для нас был важен нисколько ни этот дом (сознание лишь только как-то вскользь *зафиксировало* его). Намного важнее была гора, возвышавшаяся рядом с домом. Именно с нее - мы намеревались сделать окончательный вывод по поводу того, где мы находились. Ведь как-то не укладывалось в голове, что сутки пути - куда-то исчезли. А мы оказались в городе, который - казалось - покинули навсегда...

Гора удивляла своими размерами. Чтобы забраться на нее, нам пришлось потратить несколько часов. И то мы дошли только до середины. Но и пути назад уже не было.

Наконец, мы оказались на вершине. И... наши самые мрачные предположения подтвердились. Перед нами расстился город N. Этот страшный город. Который... не отпускал нас...

Но, если я, казалось, уже и смирился с нашим явным поражением, то Софи - на удивление - все пыталась вглядываться

в простирившиеся перед ней окрестности, ища, верно, знакомые очертания кварталов, домов, улиц. И... не находила их!

Пришла пора "заинтересоваться" и мне. И тут я заметил развевавшийся на одной из городских башен флаг. В который уж раз, я протер свои очки, как Софи вскрикнула, и мне стоило большого труда успеть удержать ее, от вероятного падения. (Я, было, предположил, что за этим "вскриком" должна была последовать "потеря сознания". Но оказалось, что девушка просто оступилась...).

Всмотревшись туда, куда за секунду до этого смотрела Софи (это я уловил боковым зрением), я увидел, что флаг - был "испанский"!?..

На наших лицах, по всей видимости, застыло одинаковое выражение. Что там больше было: удивления, страха, сомнения... Или проявление еще какого чувства?.. Но мы почти одновременно подумали о том, что город захватили испанцы!

Но уже вслед за этой мыслью - пришла и более *разумная*. Ведь мы действительно могли оказаться в другом городе (и оказались!?). И уже тогда... Уже тогда,-- нам просто-напросто следовало думать - что делать дальше?

Я посмотрел на Софи. Мне показалось,-- она поняла мой взгляд. Поэтому сама дала мне руку, и мы осторожно стали спускаться вниз. Мне почему-то захотелось подойти сейчас к тому месту, с которого развивался флаг, чтобы еще раз убедиться в своей "догадке".

И каково же было наше удивление, когда вскоре нам пришлось идти по улочкам, как две капли воды похожими на те,

---

что были в известном нам городе. Причем, любопытно,-- но были схожи даже дома, калитки, заборы... И даже цвет домов, казалось, в этом городе был точно таким же...

Направляясь с Софи к интересующему нас месту, мы не удержались, чтобы не пройти мимо... "родительского дома" Софи... (Вернее, дома, который,-- если следовать увиденном нам доселе "совпадениям",-- должен был походить на дом, где жила Софи). И каково же было наше удивление, когда через несколько кварталов и того поворота, по которому я научился безошибочно находить дом Софи,-- мы увидели... точно такой же дом!?

Неужели и на самом деле, настолько все совпадало?!

-- Но если "совпадали" дома, то, быть может, тогда должны были "совпадать" и люди? - пришла мне в голову сумасбродная мысль.

Наказав Софи строго-настрою оставаться на месте и ни в коем случае никуда с него не сходить, я зашел в подъезд и через какое-то мгновение был на известном мне этаже перед предполагаемой квартирой Софи. С трудом отыскав звонок, который был отчего-то спрятан в массивную ручку, я надавил на него, и замер в ожидании, немного опасаясь, что мне сейчас на самом деле откроет кто-нибудь из родителей Софи... А, быть может, и она сама?..

Однако, это было на самом деле какое-то безумие!? И я уже, было, пожалел о своих подобных действиях,-- но мне никто не открыл.

-- Как хорошо, что мне никто не открыл! - радостно подумал я.

Впрочем, что я хотел? Находясь в другом городе - увидеть родителей Софи? Бред какой-то... Ругая себя, я быстро спустился вниз и вскоре выскочил из подъезда. Почему-то я стал опасаться, что могу потерять Софи. Но девушка дождалась меня там, где я ее оставил.

Когда я спустился вниз, я еще раз огляделся вокруг. Меня сейчас интересовали улицы. По моему представлению,-- они все таки должны были хоть как-то отличаться от тех, которые я видел в городе Софи. Но ничто не хотело "убеждать" меня в этом.

Но ведь это был совсем другой город!? Как, интересно, Софи воспримет нахождение в городе-близнеце?

Что до меня, то созерцание точной копии города N - вносило в мою душу некоторую сумятицу. Я представил,-- каково было наблюдать подобное девушке?

Однако, на мой взгляд - или это только мне показалось - Софи не проявляла каких-либо признаков беспокойства. По крайней мере,*заметных* мне. Потому, взяв девушку за руку, я повел ее туда, где, по моим расчетам, должен был возвышаться над городом - интересно, каково его название? -- флаг.

Придя вскоре на площадь, мы с Софи подняли вверх головы, но увиденного нами ранее флага не заметили. Значит, мы ошиблись дорогой? Ведь флаг наверняка должен был быть?! Я еще раз внимательно огляделся вокруг, и вскоре заметил над неподалеку расположенным зданием -- развивающееся полотнище. Вот он, значит, где "затерялся"? Обратив внимание Софи на находку, мы уже через несколько минут стояли под ним и пытаюсь рассмотреть его, убедились, что флаг и на самом деле,--

---

принадлежал другой стране. Испании, насколько я мог судить по тем урокам географии, что проходил в школе.

Неожиданно я подумал, что хорошо бы еще хоть как-то удостовериться, в каком все-таки городе мы оказались. Но, как назло,-- вокруг никого не было.

-- Что будем делать, Франц? - спросила меня Софи, и, посмотрев на девушку, я заметил, что она совсем продрогла. Но скорее от присутствующего в ней страха "непонимания действительности", чем от холода. А потому, постаравшись успокоить девушку, я подумал, что было бы неплохо на самом деле встретить кого-нибудь, чтобы хотя бы выяснить, где мы находимся?

-- Нам надо найти церковь, -- ответил я Софи, и сам удивился пришедшей мне идее.

Действительно, можно было сколько угодно сомневаться в реалии существования Бога. Но в том, что именно священники сейчас нам способны помочь - я отчего-то не сомневался.

Да и почему бы и нет? Ведь не еретики же мы какие? Да, к тому же, Софи, кажется, была католичкой. А это вполне могло "совпасть" с той религией, которую проповедовали в Испании. (По крайней мере, если "вера" у "святых отцов" окажется другой - я мог сослаться на "приверженность" именно к их религии. В той ситуации, в которой мы сейчас находились, это был бы, наверное, не такой страшный грех?).

Я понял, что девушка обрадовалась пришедшей ко мне идее. И мы направились на поиски церкви. (Только бы это была какая европейская религия,-- подумал я).

Вскоре, мы наконец подошли к воротам храма, по внешним очертаниям весьма напоминающим православную церковь. Что же, на какое-то время побуду "православным христианином",-- подумал я.

Постучавшись - поначалу робко, а потом - уже несколько настойчивее,-- мы наконец-то добились того, что нам отворили. Показавшаяся, было, голова -- то ли монаха, то ли священника - исчезла, и не успели я с Софи недоуменно переглянуться,-- как дверь кельи распахнулась, и перед нами предстал святой отец в своем традиционном черном одеянии.

-- Так значит, все же немного с верой я ошибся? - подумал, было, я, но тут же, видя немой вопрос - посторонившегося, дабы мы вошли -- священника, я постарался в двух словах (но так, чтоб это было все-таки доступно для понимания) изложить суть мучавших нас с Софи - которую представил своей невестой - вопросов.

У меня сложилось впечатление, что святой отец понял значительно больше, чем я ему собирался сказать. А потому, на удивление,-- на чистом немецком языке (тогда как я к нему обращался по-французски) ответил мне на все вопросы, которые я ему задал.

Поблагодарив пастыря, я вышел с Софи на улицу, и только там перевел девушке ответ святого отца.

Как оказалось, мы действительно находились совсем в другом городе. И, на удивление, этот город носил точно такое же

название. (Только буквы писались несколько иначе). Причем, зачем-то, одно и тоже название города -- жители писали дважды; через дефис. И это меня сейчас немного беспокоило, ибо я очень боялся встретить здесь таких же сумасшедших жителей, свидетелем существования которых в масштабах всего города я уже являлся.

Но ведь, "святой отец" таким не был. Так что может мое опасения были и напрасны.

Но хоть как-то *проверить* свою "версию" я не мог. Как уверил меня "святой отец",-- до утра - а сейчас только приближался вечер - нам на улицах никто не встретится.

Начинало подмерзать. И я уже было пожалел, что не воспользовался предложением переночевать в келье. Но почти тут же вспомнил, что тогда меня что-то насторожило в словах церковнослужителя. Но что?.. Я вспомнил. Он сказал, что их город известен тем, что в нем нет ни одного представителя власти!?

-- Сомнительная "известность",-- подумал я тогда.

-- Уже как год, все жители города приняли такое решение,-- пояснил мне "святой отец".-- Чиновники разбазаривают казну,-- посмотрел он на меня, и мне показалось, что такие речи, в общем-то, "странны" -- для представителя церкви. Но потом мне в голову пришла мысль, и... "святой отец" подтвердил мои предположения. "Власть" в городе принадлежала церкви.

-- И уже есть положительные результаты,-- радостно сообщил он мне.-- Уличная преступность сократилась вдвое. Пожары прекратились совсем. Тяжких преступлений не стало. И даже суды прекратили свое существование.

-- Судить стало некого? - поинтересовался я, но "святой отец" как-то излишне "заинтересованно" посмотрел на меня, и я решил "не испытывать судьбу". Да побыстрее убраться восвояси.

На удивление, Софи радостно пошла за мной. Ее тоже не прельщала идея ночевать в церкви.

Я замечал, что на всем протяжении нашего пути (мы направлялись к морскому вокзалу; у них в городе, оказывается, был еще один), Софи периодически поглядывала на меня. И я наконец догадался о ее немом вопросе. Да и верно. Софи не могла не заметить, что пастор, как будто, говорил немного слов. А я ей рассказал столько, словно мы с ним проговорили несколько часов.

Но я и сам не знал причину подобного. Неужели я что-то выдумывал по ходу рассказа?

Но если бы раньше я этому просто не придавал бы серьезного значения, теперь это в какой-то мере меня испугало. Ведь так еще, чего доброго, я запутаю сам себя. А через время и совсем забуду - что "правда", а что - "вымысел".

Но с другой стороны,-- я почему-то был уверен, что,-- то, что я рассказал Софи - нисколько не противоречило реальности. Лишь, быть может, как-то *дополняло* ее...

А вскоре нам и вовсе пришлось прерваться в своих размышлениях. Перед нами, во всем величии -- возник Морской вокзал. Но он оказался... *недействующий!*?

Увиденная нами картина располагала к некоей задумчивости. По всей видимости, каждый из нас представил себе

Морской вокзал времен своего величия. Не знаю, что думала Софи, но мне почему-то было немного жаль, что мы не застали его работающим. Ибо даже по тому состоянию, в котором он находился сейчас, можно было судить о его размерах и масштабности той работы, которую он, вероятно, когда-то проделывал.

Я посмотрел на Софи. По всей видимости, девушка сейчас думала о том же, а потому, улыбнувшись ей - который раз я замечал, что мы с ней думаем об одном - я предложил Софи найти какой-нибудь приют для ночлега.

Внезапный порыв морского ветра, пожалуй, еще раз убедил меня в мысли, что хорошо бы было, если наш ночлег будет не совсем под открытым небом. Конечно, можно было забраться в любую каюту стоявших на приколе судов - по крайней мере, там бы мы были защищены от порывов начинавшего штормить моря; однако, именно оттого, что, по всей видимости, начинался шторм, я опасался за надежность этих суденышек. Кто знает, не уйдут ли они под воду вместе с нами?!

Понимая, что продолжать стоять на месте так же бессмысленно, как и надеяться на то, что нас кто-то примет - не возвращаться этих суденышек. , по всей видимости, начинался шторм, я опасался ить моря, однако, рах и масштабности той работы, которую он, в же на самом деле в церковь - мы стали

прогуливаться по пристани в поисках более-менее подходящего ночлега.

Неожиданно, мое внимание привлек маяк. Как же я об этом не подумал раньше? Ведь там наверняка кто-то должен быть.

Не знаю, почему, но мне всегда казалось, что "смотрители маяка",-- необычайно гостеприимный народ.

Я вспомнил - мне когда-то об этом говорил мой дед.

Ну, что ж,-- у меня не оставалось иного выбора, как "проверить эту теорию - на практике". (Тем более, я ничего не терял. Если это окажется "не так",-- мы с Софи просто развернемся, и уйдем).

Представьте, каково же было мое удивление, когда в смотрителе маяка я узнал... Алена (который, помнится, когда-то вместе со своим племянником Ивом, художником,-- оказали мне "первую помощь" после моей загадочной "потери сознания" ...).

Это был действительно Ален. Я припомнил, что тогда он и представился как "смотритель маяка". Вот только насколько я помнил, тогда речь шла о маяке города N. А, значит, как же он оказался здесь?

К счастью, Ален тоже меня узнал. А чуть позже - когда мы с Софи по его приглашению забрались на самый верх - Ален рассказал мне, как же так вышло, что он оказался на этом маяке смотрителем.

-- Понимаете, -- немного смутился Ален, поглядывая чуть в сторону, -- так, что у меня закралось подозрение, что он слегка стесняется своего носа с горбинкой, который и на самом деле, наряду с его лысым черепом и безусо-безбородым лицом производил впечатление клюва какой-нибудь хищной птицы. - Мы с Томом работаем посменно - Том это мой напарник, пояснил он.

...В принципе, рассказ Алена был вполне типичным для рассказов подобного рода. Ну мало ли нам всем приходилось слышать вполне обыденных историй людей каких-нибудь профессий о своей работе?! Но так верно было бы, если бы... Если бы в его рассказе не просматривалась одна "особенность", которая сводила "на нет" *правдивость* излагаемого им.

А дело все в том, что в повествовании Алена - и надо было заметить, несмотря на тривиальную обыденность, рассказываемую весьма сочным, колоритным языком, по всей видимости, немало повидавшего в своей жизни человека - появилась одна деталь, о которой я тотчас же переспросил этого пожилого человека, и он охотно подтвердил мои предположения.

-- Да, да, Франц, -- живо обернулся он ко мне. - Мне действительно уже приходилось с подобным сталкиваться.

Речь шла о том, (Ален об этом только обмолвился), что лет сорок-сорок пять назад - тогда пятидесятипятилетний мужчина был еще мальчишкой - он уже наблюдал - воочию наблюдал, ибо был этому прямым свидетелем - картину охватившего город N безумия.

-- Точь-в-точь как сейчас, -- от чего-то улыбаясь, пояснил Ален. - Причем, несмотря на мой, вроде как, юный возраст, я это тогда понимал не меньше, чем большинство жителей сейчас.

-- Тоже ожидали какой-нибудь осады? - уточнил я, слегка усомнившись, что "большинство" действительно понимает, что они "сходят с ума".

-- Представьте себе, что да - произнес Ален. - И почти две недели я с родителями безвылазно просидел в доме, покуда кто-то из них - кажется, это был отец - не осознал, что тревога-то ложная.

-- Ну, кому могло взбрести в голову на нас нападать, -- шутя пояснил Ален, поглядывая то на Софи, то на меня (вероятно, Ален очень хотел заслужить наше доверие).

Но тут же я устыдился подобным мыслям. Профессия смотрителя маяка - предполагает известную "одинокость". И, видимо, иногда это "одинокчество" настолько надоедает,-- что используешь любую возможность пообщаться хоть с кем-то. (То есть, если бы на месте нас сейчас находился кто-то другой,-- Ален был бы не меньше откровенен и с ним).

В какой-то мере, Ален должен был рад, что Бог - если он верит в Бога, или Случай,-- если не верит - прислал ему таких благодатных слушателей, каковыми являлись мы с Софи.

Софи, вообще-то, очень устала. И потому, стоило только Алену предложить ей прилечь на диване - как она тот час же воспользовалась "предложением".

Девушка действительно здорово "находилась" за день. И посмотрев на нее, я уже видел, что она слушает рассказ Алена сквозь полудрему.

Я, пожалуй, тоже бы не отказался поспать час-другой. Но это было бы не очень удобно перед "хозяином", который только сейчас начал какой-то свой "новый" (очередной) рассказ.

-- А сколько длилась тогда осада? - попробовал я направить Алена в нужную мне плоскость. По крайней мере, эти сведения для меня были интересны. Более интересны сейчас, чем воспоминания Алена о своих гимназических годах.

-- Осада? -- переспросил Алена, словно совсем забыв о чем он говорил десяток минут назад. - Ах, вон Вы о чем..., - наконец-то понял он. - Почти месяц.

-- Месяц? - удивленно вскинула голову Софи, которая, я уж думал, уснула.

-- Ну, так это было тогда, -- утешил нас Алена. - Сейчас-то люди стали другими.

-- Вы думаете? - с любопытством я посмотрел на него.

- Еще бы, -- самодовольно воскликнул Алена. - Вот увидите, день-два, ну, максимум, неделя, и все забудется.

Ну, если учесть, что и день, и два уже прошли; а неделя тоже не казалась таким уж большим сроком, -- я уже было недоверчиво посмотрел на Алена (А может он тоже - как и его сограждане - давно сошел с ума?), как вдруг заметил (впервые пристально в него всмотревшись), что у основания его носа - берет начало еще один. Так, что создавалось впечатление, что этих самых носов -- у него если не два, то уж полтора-то точно.

Я взглянул на Софи: заметила ли она это? - но, вероятно, Ален располагался по отношению к ней под таким углом, что она больше могла рассматривать его затылок, чем замечать какие-то "особенности" лица. Ну, на крайний случай, Софи могла вскользь выхватить его лицо, когда, например, этот простофиля запрокидывал голову назад, сотрясаясь тихим беззвучным смехом. Но это было не всегда. Тем более, все чаще его смех становился настолько странен да подозрителен, что - как минимум - невозможно быть уверенным: смеется этот человек частым отрывистым смехом, или, например, кашляет.

Так что, по всей видимости, его нос - видел только я. И это вскоре вызвало во мне такой приступ веселья,-- что пришлось срочно придумывать причину, чтобы хоть как-то объяснить недоуменно посматривавшему на меня Алёну - чем вызван этот мой смех.

Уловив боковым зрением, что, весьма странно на меня посматривает и Софи,-- я тотчас выдумал какую-то "историю" (якобы приключившуюся со мной), что наконец-то смог рассеять все их сомнения по поводу моего психического здоровья, и мы тотчас же все втроем залились веселым, задористым смехом.

Легко выйдя "из ситуации", я теперь опасался смотреть на клювообразный отросток Алёна, вполне оправданно опасаясь, что это вновь может вызвать во мне рождение каких-то "нехороших" ассоциаций. (Софи, кстати, вновь дремала). Мне ничего не оставалось, как спросить Алёна о возможных (и незаметных "на первый взгляд") "трудностях" его "работы. И я как

минимум на час - был "обеспечен" байками о несостоявшихся морских путешествиях Алена (этот чудак, оказывается, хотел быть мореплавателем).

ГЛАВА 3

Последующие события, в своей череде пронсящихся дней -- уподобились быстротечным облакам; которые, если снизу и кажутся нам необычайно-медлительными, на самом деле проделывают путь даже больше, чем то можно представить.

Прежде всего, на каком это этапе нашего пребывания в новом для нас городе - нам внезапно расхотелось куда-либо из него уезжать. Не сказать, конечно, что нам нравилась та обстановка, которая здесь царила (или, справедливее сказать, мы все равно испытывали легкую подозрительность к окружающим), - но вокруг, на самом деле, было настолько спокойно, а местные жители нам такими "мечтателям",-- что даже было неловко выискивать какую-то причину, по которой город бы нам не понравился.

И все же мы хотели, как можно быстрее покинуть город. И, по сути, давно уже были готовы к отъезду. Жили мы все это время у смотрителя маяка. Правда, не на самом маяке - а в небольшой хибарке, которая, впрочем, располагалась около самого маяка.

Каждое утро нас будил крик чаек, реющих над бушующим морем. Именно штормом объяснялась наша задержка.

Общались мы, большей частью, только с Аленом (пару раз проходящий мимо "святой отец" здоровался с нами кивками, но подходить отчего-то не решался). И почти каждый вечер, засыпали под рассказы все больше пускавшегося в воспоминания Алена.

И лишь когда гудок какого "заблудившегося" в шторм парохода извещал о скором своем прибытии - Ален покидал нас, и мы наблюдали в окно - как он ловко взбирался по крутой лестнице на самую вершину маяка; и уже оттуда давал какие-то сигналы заметившему маяк капитану.

Оказанной "вовремя" *помощью* Ален очень гордился; и всегда вспоминал добрый десяток случаев,-- когда он действовал подобным же образом.

Только что Ален нас вновь покинул. И я взял с самого себя слово -- завтра же покинуть этот город.

Проснувшись поутру, я с необычайной легкостью осуществил "задуманное". Море (на какое-то время успокоилось), и Ален, не только дал нам свою лодку, - но и помог погрузить туда наши нехитрые пожитки. (Да еще и положил кое-что "от себя").

Когда мы отплыли, я кивнул Софи, и она потянулась к узелку, который положил Ален. Там оказалась вяленая рыба, хлеб, и бутылка вина. А еще записка, в которой Ален искренне благодарил нас за приезд. Мне стало немножко неловко. Я вспомнил, что как-то "излишне снисходительно" относился к этому простому человеку. Но окончательно почувствовать себя "мерзавцем" мне помешала Софи, которая захлопала в ладоши и, встав в полный рост, - принялась махать стоявшему на берегу Алену. Метнувшись, было к нам, он наконец-то догадался, что Софи просто благодарит его, и заулыбался. Он улыбался трогательной - и по детски наивной -- улыбкой человека, который был счастлив - что оказался кому-то нужен. Я тоже поднялся, и

подняв обе ладони высоко над головой,-- помахал Алену. Я действительно чувствовал признательность Алену. И совсем не знал, как его благодарить...

Деревянные весла сразу, было, не поддавшиеся мне так, что норовили мазнуть воду по верху или окунуться глубоко вниз (а то и вовсе упасть - что и сделали бы, если бы не были предусмотрительно прикручены железными скобами), - наконец-то смирились, и какое-то время я греб без особых усилий, пока не началось все сначала.

Софи, видя, какое я затрачиваю усилие, чтобы лодка - хоть медленно - но двигалась вперед: не решалась что-то говорить. Но мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что девушку одолевают какие-то сомнения.

Но она по-прежнему молчала. А я тоже ничего не говорил.

Начинался шторм. Причем, настолько внезапно - что думать еще о чем-то, кроме того, чтобы причалить к берегу - мы уже не могли. А вскоре волны поднялись настолько, что на какое-то время (захлебываясь от пены и брызг), мы с Софи потеряли сознание. Очнувшись... уже на берегу.

Наша лодка была тут же. Вернее, это уже была не лодка, а лишь деревянные остатки ее (в которых лишь фантазия могла угадать прежнее величие любимой лодки Алена, которую он сделал собственными руками, и считал почему-то "счастливой").

Но мы думали сейчас не о ней. А о том, что лежали-то мы на морском песке (мягким и мокрым от просеивающей его

воды). И внезапно "успокоившееся" море -- омывала наши голые стопы, доставая иной раз и до щиколоток, и до коленей...

Какой-то шум донесся до нас. С удивлением оглядевшись вокруг, -- мы увидели горевший неподалеку костер. А вокруг него... сидели полуобнаженные туземцы.

Я отчего-то оглядел себя.

Так и было! Из одежды на мне остались только брюки (которые теперь больше напоминали грубо обрезанные шорты). Но мне даже не нужно было смотреть на Софи. Ее сочные белоснежные груди - видимо привлекали внимание туземцев. Правда, те не предпринимали никаких действий. И пока только посматривали в нашу сторону, о чем-то перешептываясь между собой.

Мои опасения, что за подобным вниманием может последовать *попытка* удовлетворения какого "желания" -- не подтвердилась. Пока - не подтвердилась. Но я уже настолько успокоился, что стал обмениваться с туземцами - какими-то знаками.

На удивление, они стали отвечать в ответ. И как-то так вышло, что через время у меня сложилось впечатление, что я уже знаю многое о их жизни. И, верно, что-то подобное - должно было появиться у них.

Неизвестно, сколько бы продолжалось подобное "общение, -- но вождь племени, -- (его я сразу выделил по могучей фигуре да по количеству навешанных на него "атрибутов власти": длинных разноцветных перьев, всевозможных цепочек и т.п.

мишуры, на которую уже никто не обращал внимания в цивилизованных странах, но которая еще имела значение для туземцев),-- поглядывая на нас, стал отдавать своим соплеменникам резкие и отрывистые распоряжения; я было испугался,-- вспомнив о каннибальских замашках туземцев (инстинктивно подравнивая всех - под единый шаблон),-- но тут же устыдился своим мыслям; ибо вскоре заметил, как куда-то исчезнувшие туземцы -- приволокли лодку (подобную той, что до недавнего времени была у нас, но значительно большего размера, так что в нее вполне могло уместиться несколько человек; у меня, даже возникла мысль, а не собираются ли они и дальше оставаться "столь любезными", что попытаются проводить нас; точнее,-- довести до того места, куда нам следовало; хотя я и сомневался, что знал это место).

На мое удивление,-- я оказался прав. И - по жесту вождя - понял, что он приказывает им доставить нас. Но куда? Хотя да. Им велено. Они выполняют.

Шестеро туземцев забрались в лодку, дожидаясь нас. Вождя характерным жестом махнул нам, и мы не мешкая у ourselves вслед нашим гребцам, которые расположились по трое - справа и слева.

Не прошло минуты, как мы уже оказались далеко от берега.

Туземцы гребли хорошо. Это были сильные, атлетически сложенные мужчины. Причем, каждый из них - внушал какую-то "уверенность", которая наверняка должна нравиться женщинам. И посмотрев на Софи (почти бессознательно),-- я отметил, что она как-то по-особому поглядывает на этих чернокожих мужчин.

Но вскоре взгляд Софи принял свое обычное, в последнее время, "обеспокоенное" выражение. И я осторожно взял ее за руку; и улыбнулся, когда она испуганно, было, посмотрела на меня. "Нечего не бойся",-- говорил мой взгляд. И Софи видимо "правильно" поняла его, потому как уже в следующую секунду - "благодарственно" улыбнулась мне.

Что до меня, то меня начали "забавлять" *мысли* - куда же мы направляемся? Видимо, мои нервы были настолько измотаны,- что у меня уже не было сил переживать или расстраиваться. И уже как-то совсем отвлеченно я пожалел, что с нами не было Кори Сандерса, который как-то сказал мне, что неплохо знает язык туземцев. (Был вопрос - те ли это были туземцы? Ведь племен наверняка существует невероятное количество...).

На удивление, несмотря на слаженную работу туземцев (а гребли они действительно умело),-- впереди было все тоже открытое море. И уже не думал я куда мы плывем. А хотелось - доплыть хоть куда-нибудь.

Когда ночь сменилась проблесками наступившей зари (а на протяжении всего "путешествия" я,-- в отличие от Софи,-- только изображал себя "спящим"), наша лодка причалила к какому-то берегу. Открыв глаза - дальше казаться спящим было просто совестно - я разглядел свисающие над берегом кустарники, да более-менее крупные деревья, растущие вдоль над обрывом.

По радостным лицам туземцев, я понял, что поездка подошла к концу. Ну, куда же мы приехали?

Внимательно осмотревшись вокруг, я подумал, что, вероятнее всего, окружающая местность мне что-то напоминает. Взглянув на Софи, я понял, что был в своих догадках на верном пути, ибо девушка осматривалась вокруг с таким видом, будто ей знакомо это место.

-- Ну, конечно же! - первым воскликнул я, заметив возвышающуюся вдали башню церкви Св. Себастьяна.

Так, значит, эти добродушные люди, посчитав, что мы заблудились, катаясь на лодке, привезли нас в город N.

Моя догадка подтвердилась после того, как один туземец - вероятно, старший по их табели о рангах - принялся показывать мне на расположенный недалеко город, грамотно выделяя из виднеющихся построек наиболее значимые.

Софи, без сомнения узнавшая и купол больницы Св. Луки и церковь Св. Себастьяна, и часовню, медный наконечник которой уже начинал поблескивать на вышедшем на небо солнышке, да и, без сомнения, другие *свидетельства* архитектуры родного города,-- теперь радостно улыбалась. Было видно, что девушка впервые за время наших с ней неожиданных путешествий почувствовала себя уверенно и теперь теребила мне руку, должно быть, желая, чтобы я поскорее поблагодарил скалящихся белозубыми улыбками туземцев, да направился с ней домой. Признаться, мне и самому давно хотелось принять горячую ванну да нормальную пищу - остатки вяленой рыбы, которую мы уже и не могли есть из-за того, что все время хотелось пить (вино было выпито еще "за отплытие"), было единственное, чем мы питались все это время.

Потребовалось какое-то время, прежде чем мы с Софи вышли на ту знакомую нам улицу, которая вела к дому родителей Софи. Туземцы уже давно отплыли к своему острову; их ритмично двигающиеся фигуры, еще можно было заметить (если прижать ладонь ко лбу, спрятав таким незамысловатым образом глаза от палящего солнца) среди простиравшегося вокруг бескрайнего морского простора.

Постояв какое-то время, и с благодарностью смотря им вслед, мы почти синхронно повернулись в нужном нам обоим направлении (так что, как Софи, так и я, не сдержались, засмеявшись от подобной "согласованности движений"), - и уже почти через час (именно столько занял путь от края города, где нас высадили туземцы, до дома, где жили Рене и Оми), мы с Софи предстали перед удивленными родителями девушки.

Причем, на удивление, чем большее недоумение читалось в их глазах,-- тем большую они проявляли "солидарность" в телодвижениях: он вскинул бровь - она вскинула бровь, он закатил глаза - она закатила глаза, он провел рукой по голове - она провела рукой по голове...

Но мы не спешили им объяснить, как вышло так, что их дочь и "будущий зять", уехав несколько дней назад - стояли перед ними.

И все же, несмотря на то, что мне не приходилось сомневаться, что перед нами стоят именно родители Софи: Рене и Оми, внутри меня появилось какое-то странное предчувствие, и я

все старался "получше их рассмотреть" (видимо полагая, что именно в их облике - и кроется "разгадка").

-- Ну конечно же! И как я это сразу не заметил?! - готов был воскликнуть я, но лишь слегка отшатнулся от удивления назад и, наверное, был бы рядом стул - я б на него обязательно сел.

И Рене, и Оми,-- были точно такие же... Вернее,-- это, конечно же, были они. Но... как будто на десять старше!?

Неужели возможно, чтобы люди так постарели всего за несколько дней?

..Нисколько не желая, чтобы они сами заметили перемену друг в друге - хотя, неужели дома не было зеркала? - я, кажется, продолжал говорить какие-то "приветственные" слова (по ходу, вероятно, рассказывая о наших "путешествиях"), но сам,-- то и дело всматривался в лица находящихся передо мной (состарившихся!) людей.

В какой-то момент мне показалось, что их облик начинал принимать прежние очертания.

И я теперь почти неотрывно на них смотрел, но, боясь показать свой интерес, вынужден был опустить взгляд.

-- Мы теперь вас никуда не отпустим, -- радостно щебетала Оми (мне на мгновение стало жаль женщину; как она воспримет, что в ближайшее время мы все же уедем?).

Но я молчал. Молчал, зная, что просто больше не вынесу каких-то новых потрясений. Потрясений для собственной психике. Которой, признаться, "досталось" за последнее время...

.....

Чуть покачиваясь в позолоченных подстаканниках, позвякивал заботливо принесенный проводницей чай. Софи утомилась за день, и сейчас мирно посапывала на соседней полке в нашем двухместном купе скорого поезда, мчащего нас в Берлин.

Все тревоги остались позади. А я... я, наверное, окончательно успокоился только сейчас. А на свете,-- не было, наверное, более счастливого человека. Я ехал я домой. И только сейчас осознал, - насколько я счастлив.

Действительно, никогда бы раньше не подумал, сколь мало, оказывается, надо человеку для счастья?!

И сколько следовало пройти испытаний, чтобы это понять. Вот заберусь сейчас на полку с ногами, засну под одеялом, и мне, должно быть, привидится счастливый сон. И в том сне, я пойму,-- я еще больше пойму,-- что меня любят.

А больше ничего мне сейчас и не нужно...

Зелинский Сергей Алексеевич

19 декабря 2003 года

© С.А.Зелинский. Безумие.

_____ сокое из растущих по близости , сидел
то самый нищий, для чего-то водрузившись на самое высокое из
растущих по близости дерево

